

# АНДРЕЙ КАНЧЕЛЬСКИС



Моя  
география



Q. R. R.

# Содержание

	<b>ПРЕДИСЛОВИЕ</b>	5
Глава 1.	<b>ОТКРЫВАЯ ФУТБОЛ</b>	9
Глава 2.	<b>ПЕРЕХОД В «МАНЧЕСТЕР ЮНАЙТЕД»</b>	21
Глава 3.	<b>ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ</b>	29
Глава 4.	<b>БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ</b>	37
Глава 5.	<b>ТРЕТИЙ СЕЗОН</b>	59
Глава 6.	<b>НАКОНЕЦ-ТО УСПЕХ!</b>	73
Глава 7.	<b>«ЮНАЙТЕД» СНОВА В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ</b>	83
Глава 8.	<b>ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ</b>	91
Глава 9.	<b>СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА - МЕРСИСАЙД</b>	107
Глава 10.	<b>ПОД ФЛАГОМ РОДИНЫ</b>	121
Глава 11.	<b>ПЕРЕЕЗД НА АПЕННИНЫ</b>	135
Глава 12.	<b>СОЛНЦЕ, ПАСТА И ВИНО</b>	147
Глава 13.	<b>СОЛНЦЕ, ПАСТА, ВИНО И... ТРАВМЫ</b>	157
Глава 14.	<b>ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТУМАННЫЙ АЛЬБИОН</b>	165
Глава 15.	<b>В ШТАТЕ «СТАРОЙ ФИРМЫ»</b>	171
Глава 16.	<b>МОЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ДЯДЮШКА</b>	181
Глава 17.	<b>НОВАЯ ВСТРЕЧА С ДЖО РОЙЛОМ</b>	187
Глава 18.	<b>СВОБОДА! СВОБОДА? СВОБОДА...</b>	197
Вместо послесловия.	<b>Моя жизнь вне поля</b>	201

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня мне 34 года, и я по-прежнему хочу играть в футбол. Хочу так же сильно, как хотел и пять, и десять, и пятнадцать лет назад, хотя кто-то может сказать, что в моем возрасте уже пора подумать о завершении карьеры. И правда, многие мои ровесники уже закончили играть – кто из-за травм или других проблем, а кто и по собственному желанию. А многие решили уйти из футбола и в более молодом возрасте. Но я не смотрю на них как на пример для подражания; напротив, мне всегда хотелось следовать тем, кто являл футбольному миру образец удивительного долголетия, доказывая, что годы не властны над сильным духом и высоким мастерством.

В то время как я только начинал свой путь в большом футболе, в Германии доигрывал Мортен Ольсен. Знаменитый датский защитник выступал на самом высоком уровне почти до сорока лет. Ему было 37, когда он участвовал в чемпионате мира 1986 года в Мексике. Тогда датская сборная своей яркой игрой никого не оставила равнодушным, и Мортен Ольсен был ее подлинным лидером. Всегда спокойный и уверенный в себе, он за счет огромного опыта сохранял способность безошибочно действовать в практически любой ситуации и умело руководил игрой своих партнеров, многие из которых если и не годились ему в сыновья, то, по крайней мере, были к этому очень близки.

37 было и Лотару Маттеусу, когда он носил капитанскую повязку сборной Германии на чемпионате мира 1998 года во Франции.



А сейчас в 37 лет прекрасно играет за «Валенсию» итальянский защитник Амедео Карбони. Таких примеров можно найти в истории немало, особенно если говорить о вратарях: достаточно упомянуть Дино Дзоффа, величайшего голкипера в истории итальянского футбола, в 40 лет добившегося самого большого успеха, о котором только может мечтать футболист, – победы на чемпионате мира!

Но вершину футбольного долголетия, конечно же, покорил сэра Стэнли Мэтьюз, чья феноменальная карьера длилась до пятидесяти лет (причем сам он позже утверждал, что мог – и должен был – поиграть еще несколько сезонов). Много лет прожив в Англии, я убедился, как чтят здесь этого поистине легендарного футболиста болельщики всех поколений, независимо от клубной привязанности. Пусть он не выигрывал тех трофеев, которыми могут похвастаться многие другие, не побеждал в международных турнирах с клубами или сборной, однако и без того жизнь, целиком отданная футболу, не может вызывать иных чувств, кроме восхищения. Меня же пример Мэтьюза всегда вдохновлял особо, ведь в отличие от большинства футбольных долгожителей – вратарей и защитников – он неизменно играл лишь на одной позиции: на позиции правого крайнего форварда, то есть на моей.

Вот мои кумиры, вот те, кому я мечтал подражать, те, чьи примеры продолжают вдохновлять меня и не позволяют пока подумывать об уходе из футбола. Я верю, что впереди у меня есть еще несколько лет, которые можно посвятить любимой игре. Предпочитая твердо стоять на земле, а не витать в облаках, я сознаю, что, пожалуй, мне не суждено добиться того, чего добились те, о ком я только что говорил. По крайней мере, чемпионом мира я не стану, да и в финале Лиги чемпионов сыграть едва ли придется. Но мне и без того есть что вспомнить и чем гордиться: оглядываясь назад, я смело могу утверждать, что не зря выбрал футбол делом своей жизни. Впрочем, я хочу смотреть не только назад, но и вперед. В конце концов, не мечты о кубках и титулах руководят мною, а любовь к замечательной игре и вера в то, что я еще смогу этой игре пригодиться. Ну, а раз есть любовь и вера, как не быть надежде?

Наверное, именно эти чувства и заставили меня взяться за написание книги, которую вы держите сейчас в руках. И еще благодар-

ность. Я благодарен футболу за то, что он позволил мне почувствовать радость побед и свершений, за то, что открыл для меня свой неповторимый мир, за то, что познакомил с прекрасными людьми и дал возможность многое узнать о жизни в разных странах.

Эту книгу я назвал «Моя география», и название выбрано отнюдь не случайно. Географию я, как и все мы, конечно же, изучал в школе и, кстати, имел по ней весьма неплохие отметки. Но именно благодаря футболу знакомый с детства предмет наполнился для меня новым содержанием. Кировоград, Харьков, Киев, Донецк, Манчестер, Ливерпуль, Флоренция, Глазго, Саутгемптон – вот она, моя география, изученная не за партой по учебнику, а, что называется, в естественных условиях, где каждый урок начинался на зеленом прямоугольнике поля, не таком уж большом, если смотреть на него с трибуны, но поистине бескрайнем, если окажешься в центре.

И пусть не все уроки были одинаково увлекательными и радостными, за каждый из них в отдельности и за все вместе я могу сказать футболу одно лишь слово: «Спасибо».

### ОТКРЫВАЯ ФУТБОЛ

Собственно, моя география – это не только города и страны, в которых мне довелось играть. Сын украинки и литовца, родившийся в Кировограде, сравнительно небольшом (особенно по меркам моей родины, занимавшей тогда одну шестую часть суши) областном центре, сегодня я имею два паспорта (российский и британский) и, кажется, прочно осел в окрестностях Лондона, этой многомиллионной, многоликой и многоязычной европейской столицы, возможно, одного из самых космополитических городов мира. Моя география продолжается и в моих детях: Андрей родился в Манчестере, Ева – в Глазго, они британские подданные и с равным успехом говорят на двух языках. Дочка, конечно, пока не то чтобы говорит, а лишь лопочет отдельные фразы, а вот сыну уже пришлось столкнуться с языковой проблемой и после переезда из Глазго старательно избавляться от шотландского акцента, который довольно сильно мешал взаимопониманию с одноклассниками. Кто знает, как сложится их жизнь, куда забросит их судьба, с кем сведет, какое продолжение получит в них наша семейная география?

Ну, а для меня все началось в тот момент, когда мой отец, Антанас Канчельскис, закончив в родном Каунасе среднюю школу, отправился проходить срочную армейскую службу. Ему повезло: принимая во внимание необъятные размеры Советского Союза, можно сказать, что служить ему довелось неподалеку от дома, ведь от Каунаса до Кировограда всего-то чуть больше девятисот километров.

Развлечений в то время было немного – разве что танцы по субботним вечерам. Туда-то, как правило, и отправлялся отец с товарищами, получая увольнительную. И вот в один прекрасный день на танцплощадке он встретил девушку, как и он, недавно окончившую школу и работавшую на фабрике почти в самом центре города. Они танцевали вместе весь вечер, а затем стали встречаться так часто, как позволял воинский устав.

Срок отцовской службы подошел к концу, но его армейский роман оказался куда более серьезным, чем простое увлечение. Вскоре они поженились и стали жить в доме матери вместе с ее старшим братом. Бабушку и дедушку по материнской линии мне не суждено было знать – родители моей мамы умерли рано: мать – когда ей было 12, отец – незадолго до ее свадьбы.

В этом доме – крохотной хибарке с удобствами во дворе – родились мы: сперва моя сестра Наташа, а затем и я. И только когда мне было два года, наша семья получила нормальную квартиру, казавшуюся родителям роскошной по сравнению с прежним жилищем. Впрочем, я не мог в полной мере разделить их радость по случаю новоселья. Мне, малышу, и в старом доме жилось хорошо и счастливо, поскольку родителям удавалось ограждать меня от всех бытовых проблем.

Попад в Англию и рассказывая новым друзьям о своем детстве, я пытался пересказать им содержание одного из любимых фильмов детства – «Ирония судьбы, или С легким паром». Он был отличной иллюстрацией к нашей тогдашней жизни в одном из тысяч совершенно одинаковых панельных домов, какие возводились в те времена и в Москве, и в Ленинграде, и в Кировограде. Но я все равно любил наш дом и с теплотой вспоминаю его сейчас – если и не сам дом, в котором, естественно, не было ничего примечательного, то, по крайней мере, его окружение. В детстве я много времени проводил на улице, играя с друзьями или просто гуляя в тенистых садах, окруженных широкими полями и речками, которых было великое множество между двумя большими реками – Днестром и Бугом.

Да, мы с родителями были счастливы, хотя, конечно, не видели никаких особых благ, не принадлежа ни к одному из почтенных в те годы сословий. Отец, водитель грузовика, зарабатывал 150 руб-

лей, мать – 100. Тот, кто помнит 70-е годы, поймет, что это был вполне приличный доход, позволявший пусть не жить в роскоши, зато и не голодать. Ну, а трехкомнатная квартира в десяти минутах ходьбы от центра города, конечно, считалась для нас большой привилегией, хотя сейчас такие квартиры принято презрительно называть малогабаритными. Но то были совсем другие времена.

Учился я в средней школе № 32. Не могу сказать, чтобы учебный процесс доставлял мне особое удовольствие: в двоечниках я не ходил, но и быть отличником особо не стремился. В общем, учился весьма посредственно, о чем, честно признаюсь, впоследствии иной раз приходилось пожалеть. Зная наперед, с чем придется столкнуться в жизни, конечно, прилагал бы больше усилий в освоении некоторых предметов. В первую очередь, разумеется, английского языка. Помню, как-то раз учительница, пытаясь образумить меня, сказала: «Андрей, ну почему же ты не стараешься? Ведь английский может тебе когда-нибудь пригодиться». Тогда я посмотрел на нее, выпучив глаза от удивления: откуда это, интересно, в Кировограде могли взяться иностранцы? Но прошло не так уж много времени, и, как вы понимаете, мне пришлось с огромным трудом наверстывать упущенное в школьные годы.

Думаю, не помешали бы и лишние знания по математике, когда уже в Англии мне пришлось столкнуться с такими неведомыми по советской жизни понятиями, как налоги, социальные льготы, кредиты, страховки и тому подобное. В первые месяцы пребывания за границей мне пришлось немало попотеть, осваивая совершенно незнакомые понятия, законы и положения, заполняя кипы непонятных бумаг, хорошо знакомых моим товарищам по команде с ранних лет.

Любимым моим предметом, конечно же, была физкультура. Природа одарила меня атлетическим телосложением, я увлекался гимнастикой, обожая упражнения на турнике, кольцах и брусьях, и полагал, что именно в этом мое призвание. Но футбол в конце концов пересилил.

Как и тысячи сверстников по всей стране, да, наверное, и по всему миру, мы каждую свободную минуту использовали для того, чтобы погонять мяч, делились на команды, которым давали громкие



названия – «Спартак», «Динамо», «Шахтер», «Торпедо», – и оторвать нас от этого могли только сумерки или громкие крики родителей.

Однажды к нам в школу на урок физкультуры пришел какой-то человек, разбил нас на две команды и предложил поиграть в футбол. А после урока подозвал меня и еще двоих ребят поговорить. Тут-то и оказалось, что это был футбольный тренер. И он пригласил нас к себе на тренировки, сказав, что у нас есть способности!

Как на крыльях, летел я в тот день домой, чтобы сообщить родителям радостную весть. Они тоже обрадовались и сразу согласились отпускать меня на тренировки. Не знаю, верили ли они в тот момент, что из меня выйдет приличный футболист. Но на всякий случай отец предупредил: «Если вдруг не будет получаться – не расстраивайся. Продолжай стараться и работать, быть может, тогда добьешься своего. Ну, а если нет – тоже ничего страшного, в конце концов, не всем дано попасть на вершину. Найдешь себя в чем-нибудь другом».

Но ничего другого мне уже не хотелось. Отныне я жил только футболом и даже во сне обводил соперников, прорывался к воротам, бил, пасовал...

Человеку, открывшему для меня футбол, я буду благодарен до конца своих дней. И имя его никогда не забуду – Валерий Петрович Капинус. Быть может, это покажется вам банальным, но каждая его тренировка была для меня похожа на праздник. Он учил нас не только различным техническим приемам, но и пониманию игры. От него мы узнали, насколько важно чувствовать себя не просто группой игроков, но настоящей командой, единым целым. Он говорил о том, что нужно уметь подчинить свой талант интересам общего дела. Не секрет, что каждый мальчишка всегда мечтает сам забить гол, обвести как можно больше партнеров, проявить себя в качестве дриблера и бомбардира. Но Валерий Петрович сумел заставить нас осознать, что порой точный пас может быть куда важнее и полезнее, чем ловкий финт или сильный удар, и что уважение тренеров, партнеров и зрителей можно заслужить не только и не столько забитым голом, сколько вкладом в общее дело. Пусть во время какой-либо комбинации тебе была отведена не самая главная роль, но если ты все сделал правильно и помог команде добиться успеха, зна-

чит, твой вклад ничуть не меньше, чем вклад того, кто нанес последний удар и чья фамилия появилась на табло.

А еще Капинус говорил нам, что только полная самоотдача может сделать нас первоклассными футболистами. Должен признать, что эти слова своего первого тренера я истолковал не совсем верно.

Я просто-напросто махнул рукой на учебу. К двенадцати годам моя изобретательность достигла определенного уровня (хотя на самом деле, что это за изобретательность?), и я стал просить свою сестру Наташу написать учителю записку о том, что я болен. Прогуляв неделю, я на день-другой появлялся в школе, а потом снова обращался с просьбой к сестре, которая мне потакала. Естественно, делалось это в тайне от родителей, которых я затем, чтобы не расстраивать, допусту обманывал, исправляя в дневнике плохие оценки на хорошие. Честно говоря, мне часто бывало стыдно за все эти проделки, но я успокаивал свою совесть тем, что делаю это ради успехов в футболе. А успехи действительно приходили.

Когда мне было 14, я играл за команду нашей школы, не зная, что за игрой наблюдал Николай Михайлович Кольцов. Известный в прошлом защитник киевского «Динамо», один из тех, кто в 1961 году впервые в истории клуба выиграл чемпионат СССР, он в то время работал тренером в Харьковском спортинтернате. После матча он пригласил меня и моего друга Игоря Макогона на пробы в Харьков.

Маме эта идея не понравилась – ей не хотелось отпускать меня так далеко от дома. Да и Капинус был против, поскольку хотел, чтобы я на следующий год поступил в спортшколу в Киеве. Но решающее слово оказалось за отцом: он убедил маму, и та нехотя согласилась.

Отбор должен был состояться 1 августа, и незадолго до этого дня мы с папой сели в рейсовый автобус и отправились в долгое, 10-часовое путешествие. По дороге отец рассказывал мне о местах, которые мы проезжали, ведь ему, водителю-дальнобойщику, часто доводилось ездить в Харьков. Теперь он сожалел, что раньше никогда не брал меня в свои поездки.

Как жаль, что отец не смог порадоваться моим успехам в большом футболе! Ведь он так мечтал о них, но, увы, не дожил даже до первых моих побед. Он умер от сердечного приступа, когда мне было всего 16.

Отбор проходил в несколько этапов и продолжался почти три недели. Мы сдавали беговые нормативы – на 30, 60 и 400 метров, демонстрировали различные технические приемы и, конечно, проводили игры. За это время из сотни претендентов осталось всего 20. Мы оба – Игорь и я – попали в число счастливицов. На пару недель нас отправили по домам отдохнуть, а затем мы вновь вернулись, чтобы приступить к занятиям.

Привыкать к новой жизни вдали от дома и друзей было нелегко, но только первое время. Вскоре я привык и к самостоятельности, и к ответственности за собственные поступки. Как и следовало ожидать, в нашей среде юных спортсменов нередко вспыхивали ссоры, но мне, как правило, удавалось держаться в стороне. Я не искал проблем, а просто хотел жить спокойно и мирно. Получалось это, впрочем, не всегда, и, если кто-то все же посягал на мою независимость, я старался дать ему достойный отпор.

А еще мне снова пришлось взяться за учебу, ведь в программу нашего обучения помимо футбола входили и все общеобразовательные предметы. Наташи, которая писала бы записки о моей болезни, рядом не было, да и вообще возможности увильнуть от уроков не представлялось. Ведь наши тренеры входили в школьный педсовет и требовали от нас хорошей успеваемости. Объясняли нам это предельно просто: тот факт, что мы попали в интернат, вовсе не гарантировал нам будущее спортсменов мирового класса. А значит, каждый должен был получить хорошее среднее образование, чтобы в случае неудачи в спорте найти себе другое место в жизни.

Контролировать нашу успеваемость было очень просто, ведь здесь уже никого нельзя было обмануть, исправив оценку в дневнике. Получив двойку, ученик на тренировке должен был перед всей командой объяснить, в чем причина. И если оказывалось, что причина крылась не в недостатке способностей, а в недостатке усердия, неминуемо наступала расплата в виде пробежки на 30 метров 30 раз подряд.

Ко мне подобные наказания не применялись: я был так благодарен Кольцову и так хотел его порадовать, что проявлял максимум старания не только на поле, но и в классе. Втянувшись в учебу, я стал получать удовольствие от некоторых предметов, больше

всего любил историю, географию и литературу. И не боялся, как раньше, быть вызванным к доске, а напротив, часто тянул руку. Уж не знаю, есть ли в этом какая-то взаимосвязь, но успехи в школе и в игре приходили ко мне параллельно, и вскоре я стал считаться одним из лучших футболистов в нашем интернате.

Мы начали играть в чемпионате Украины в своей возрастной группе. Лига была разделена на зоны – по 10 команд в каждой. По две лучшие попадали в финальный турнир, который проходил в Киеве, где и определялся чемпион. Нам, к сожалению, ни разу не удавалось пробиться в финальную пульту. И еще мы участвовали в чемпионате среди спортинтернатов. Таких в Советском Союзе было 24, из них три – в Москве и пять – на Украине.

Конечно, за нашими успехами пристально следили в «Металлисте» – местной команде мастеров. И когда я был в 10-м классе, готовясь закончить обучение, меня и еще троих ребят пригласили на предсезонный сбор «Металлиста». Мы провели несколько недель в Ялте и Сочи, и я даже получил место в дублирующем составе и сыграл пару матчей против других команд, также проводивших свои сборы в Крыму.

По возвращении из Сочи «Металлист» обещал связаться со мной. Звонка из клуба я мог бы ждать до сих пор. Но там, видимо, не задумывались о том, что футболисты – тоже люди, готовые уважать тех, кто уважает их. Увы, такое отношение, кажется, не изжито и до сих пор, по крайней мере, мне не раз еще приходилось сталкиваться с полным пренебрежением к игрокам со стороны тренеров и руководителей. Не хочу делать обобщений – подобное иногда встречается и за границей, в профессиональном футболе, но на моей родине это, судя по всему, считается в порядке вещей.

В то время я нуждался в поддержке и дружеском совете. В конце концов, если я не подошел «Металлисту», мне могли бы позвонить и сообщить об этом, а может, и сказать, над чем стоит поработать. Но никому это не пришло в голову. Ничего не сообщили и Кольцову, так что, в конце концов, он был вынужден сам позвонить в клуб. Ему просто сказали, что я слишком мал ростом, хотя мне было всего 17 и я продолжал расти.

Да, я действительно был невысок, мало весил, и, пожалуй,

мне все еще не хватало скорости. Но я постоянно работал над собой, придумав комплекс упражнений, которые ежедневно выполняю и сейчас. Сто прыжков на одной ноге с подтягиванием колена к груди, столько же на другой, а потом еще сотня на обеих. Может показаться, что это легко, но попробуйте сами и убедитесь, что это не так. Многие товарищи считали меня ненормальным, и я находил для своих упражнений укромное местечко или выполнял их по ночам. В одной книге я вычитал, что результат таких занятий дает себя знать лишь через 4–5 лет. Примерно так и получилось в моем случае: начав заниматься лет в 15, я уже после окончания школы ощутил результаты.

Ну, а школу я закончил не в лучшем настроении. Мне вручили аттестат об окончании спортинтерната, но какая в нем была польза? Ведь я не подошел даже «Металлисту», который никак нельзя было причислить к ведущим командам страны. Значит, нужно продолжать работать. Я чувствовал, что хорошо играю в футбол, и если вся проблема в недостаточном весе и скорости – я удвою тренировки.

По примеру Игоря Макогона, как и я, отвергнутого «Металлистом», я вернулся в Кировоград и предложил свои услуги «Звезде», которая тогда играла во второй лиге. Нас взяли на полгода с зарплатой по 80 рублей в месяц, но мы так удачно проявили себя, что вскоре стали получать по 160. Вполне приличная зарплата, благодаря которой я мог поддержать сестру и маму после смерти отца.

Но вот на горизонте замаячила другая проблема – армия. К счастью, у футболиста всегда был шанс избежать строевой службы. Такой шанс могли предоставить армейские команды – ЦСКА или СКА, а также клубы, принадлежавшие МВД, то есть динамовские. Так я и оказался в киевском «Динамо». Попастъ в этот клуб мне помог известный в прошлом полузащитник «Динамо» и сборной СССР Владимир Еремеев. Он, кстати, тоже родом из Кировограда.

Наверное, у меня изначально не могло быть реальной возможности закрепиться в ведущем на тот момент клубе страны, укомплектованном игроками самого высокого класса, которые составляли основу сборной СССР. Но все же наш временный союз был взаимовыгоден. Я избежал армейской службы и получил возможность



хотя бы тренироваться в компании великолепных мастеров под руководством опытного тренера Валерия Лобановского (жаль, что не удалось мне подольше поработать с этим выдающимся специалистом, ведь почти весь первый год я провел в дубле и очень редко общался с Валерием Васильевичем). «Динамо» же имело молодого игрока, которого можно было держать в ближайшем резерве и иногда выпускать на замену опытным футболистам, когда им требовался отдых. Тем не менее, в чемпионате СССР 1989 года я провел 15 матчей – ровно половину, что дало мне право на получение первой награды в жизни – бронзовой медали первенства.

С киевским клубом я впервые смог попасть за границу, поскольку «Динамо» часто приглашали для участия в различных международных турнирах. Так, летом 89-го я побывал в Англии и даже сыграл на знаменитом «Уэмбли» (мы уступили «Ливерпулю» – 1:2 и победили «Порту» – 1:0). Тогда же я и забил свой первый гол на этом стадионе, на котором спустя несколько лет мне предстояло одержать одну из прекраснейших побед в своей карьере. Еще я съездил в Голландию, где нашими соперниками были бельгийский «Мехелен» и «Аякс».

Когда срок моей «службы» подходил к концу, стало ясно, что Лобановский не мог гарантировать мне место в основном составе, хотя я и был уже игроком молодежной сборной. Вместе с тем было известно, что за мной внимательно наблюдал тренер донецкого «Шахтера» Валерий Яремченко. Поначалу Лобановский не хотел отпускать меня в Донецк, но затем этот вопрос как-то решился полюбовно. Сезон 1990 года я начал уже в «Шахтере».

Здесь я впервые почувствовал себя ценным игроком. Мне установили большую зарплату – 700 рублей, дали квартиру и машину. Я, кстати, и в «Динамо» не жаловался, получая 250 плюс проживание и питание на базе. И меня совсем не беспокоило, что зарплата многих ведущих киевских игроков превышала 1000 рублей.

Но, конечно, не деньгами объяснялась перемена в моем настроении. Я всегда был приучен вести скромную жизнь без особых излишеств, никаких заоблачных устремлений у меня не было, поэтому моей зарплаты мне хватало и в «Звезде». Гораздо важнее было другое: я стал игроком основного состава клуба высшей лиги. Ины-

ми словами, началась моя профессиональная футбольная карьера, хотя слово «профессионализм», как известно, в нашей стране в те времена не было в почете.

Развивалась и моя международная карьера: в составе молодежной сборной под руководством Владимира Радионова мы выиграли чемпионат Европы 1990 года. В финале нашими соперниками были югославы, и мы победили их сперва в Сараеве – 4:2, а затем в Симферополе – 3:1. А ведь в составе югославской команды играли футболисты, вскоре превратившиеся в «звезд» мирового уровня. Достаточно назвать Звонимира Бобана и Роберта Просинечки, которые выступали за такие великие клубы, как «Милан» и мадридский «Реал», и выигрывали Кубок европейских чемпионов.

Наш успех в молодежной команде привлек к нам внимание и тренера первой сборной Анатолия Бышовца, который впоследствии многих из нас взял на чемпионат Европы 1992 года в Швеции. И правда, прекрасная была у нас тогда «молодежка», многие из игроков которой с успехом выступали потом и в зарубежных клубах: Харин, Добровольский, Шалимов, Колыванов, Кирьяков, Мостовой, Юран...

В том же 90-м году произошло еще одно важнейшее для меня событие, на сей раз не связанное с футболом. Как-то летом я приехал на выходные к маме в Кировоград. Гуляя теплым вечером с друзьями, я повстречал Сергея Пальчикова, с которым мы вместе учились в харьковском спортинтернате. Он занимался плаванием и в своем возрасте считался едва ли не лучшим в стране. Сергей познакомил меня со своей спутницей по имени Инна. Судя по всему, это была любовь с первого взгляда. Я сразу почувствовал, что захочу еще раз встретиться с этой девушкой.

Однако часто видаться нам не удавалось. Я жил в Донецке и постоянно разъезжал с командой по всему Союзу. А ведь была еще и сборная, так что навещаться в Кировоград получалось нечасто.

Инна на четыре с половиной года моложе меня и в то время еще училась в школе. Прилежная ученица и хорошая пианистка, она также входила в школьный комитет комсомола. Именно в качестве общественного поручения ее обязали принять участие в конкурсе красоты «Мисс Кировоград», который проводила комсомольская ор-

ганизация города в ознаменование 235-летия со дня его основания. Такие конкурсы тогда были в новинку, поскольку кое-кем еще считались буржуазным методом развращения молодежи.

Даже сейчас, если случайно речь заходит о том конкурсе, Инна чувствует себя неловко. Она долго отказывалась, считая участие в таком мероприятии вовсе не почетным, а скорее, постыдным, но сделать ничего не могла: в конце концов, ей просто приказали. «Если Родина скажет: «Надо»...

Самое интересное в том, что она выиграла конкурс и в качестве награды получила путевку в круиз по Средиземному морю, а также приглашение на следующий этап – конкурс «Мисс Украина». Но от участия в нем ее отговорила мама, за что я ей безмерно благодарен. Иначе, глядишь, Инна победила бы и там, попала бы на «Мисс мира» или еще куда-нибудь, и наши пути с ней разошлись бы. А так мы поженились – чуть позже, когда я уже собирался в Манчестер, – и счастливы вместе вот уже 12 лет.

### ПЕРЕХОД В «МАНЧЕСТЕР ЮНАЙТЕД»

Это было в 1991 году. В Донецк пришла весна, и футбольный сезон в СССР только начался. «Шахтер» стартовал хорошо, и мы рассчитывали побороться за высокое место. С такими игроками, как Виктор Онопко и Сергей Щербаков, наши надежды не выглядели несбыточными.

Мне только что исполнилось 22 года, и я чувствовал, что решение перейти из киевского «Динамо» в «Шахтер» год назад было правильным. Выступления за новый клуб привлекли ко мне внимание тренера сборной Анатолия Бышовца.

Я был счастлив. «Шахтер» дал мне квартиру и машину, и мой доход был значительно выше среднего в стране. Я жил и играл недалеко от своего родного Кировограда. Сезон начался для нас очень хорошо, и наш тренер Валерий Яремченко был доволен нашей игрой. После шести матчей мы были на самом верху, к большому удивлению соперников.

Однажды, когда мы находились на сборе в Сочи, меня позвал для разговора Яремченко.

– Андрей, хотел бы ты поиграть в Англии? – спросил он.

– Что вы имеете в виду? – не понял я. – Нас пригласили в турне?

– Нет, я имею в виду, что тобой интересуется один из английских клубов. Мы не хотим тебя потерять, но это шанс всей твоей жизни.

– А откуда они обо мне узнали? У них что, есть в Донецке разведчики? – спросил я.

– За тобой наблюдали во время наших международных матчей. Один клуб хочет найти игрока на правый край. В Англии, похоже, таких игроков не слишком много, вот там и заинтересовались тобой. Ты произвел на них впечатление.

– А что это за клуб?

– Я знаю, что это звучит глупо, – замялся Яремченко, – но я понятия не имею. Они все держат в тайне, чтобы кто-нибудь другой не прознал и не перехватил тебя. Ладно, обсудим завтра. Пока.

Все, что я знал об Англии, это Парламент, Мадам Тюссо, Биг Бен и «Уэмбли». Первое, о чем я подумал: как же я уеду так далеко от мамы, которая после смерти отца осталась совсем одна? Естественно, она сказала, чтобы я о ней не беспокоился, а поступал так, как будет лучше для меня.

Всю ночь я ворочался с боку на бок. Для меня самым великим английским клубом был «Ливерпуль», который во времена моего детства выигрывал европейские кубки. Неужели мне вскоре предстояло играть рядом с Джоном Барнсом и Ианом Рашем? А может, это был не «Ливерпуль»? Может, «Арсенал», который решил поискать игроков в СССР после того, как сыграл со «Спартак»? Или «Астон Вилла», которая хотела купить Черенкова, обыгравшего ее в Бирмингеме? Я вспомнил и другие британские клубы, купившие советских игроков: несколько лет назад из соседнего Днепропетровска в «Саутгемптон» уехал Чередник, а Балтача попал в «Ипсвич». Только год прошел после отъезда Олега Кузнецова в «Глазго Рейнджерс».

На следующее утро Яремченко снова позвал меня к себе в кабинет.

«Поздравляю, – сказал он и обнял меня, как отец, отправляющий сына в далекое путешествие. Он вел себя так, словно решение о моем переходе уже принято, и вселял в меня уверенность в себе. – Знаешь, им повезло. Будь самим собой, покажи, на что способен. Будь в себе уверен. Я очень удивлюсь, если они найдут еще кого-нибудь с таким ударом, как у тебя. Мы подали документы на визу, так что можешь отправляться на неделю на смотрины. Кстати, мне сказали, что это клуб с севера страны».

Север Англии, подумал я, даже не сравнишь с севером Украины,



севером Казахстана или Сибири. Зато профессиональных футбольных команд там гораздо больше. Какая из них ждет меня?

Вернувшись домой после тренировки, я разыскал старую карту Европы. Все города для меня были футбольными клубами. Шеффилд – это «Юнайтед» или «Уэнсдей», Ливерпуль – «Ливерпуль» или «Эвертон» (хотя, когда я был в Англии, мне рассказывали, что бывший тренер «Ливерпуля» Билл Шенкли как-то сказал: «В Ливерпуле две команды – «Ливерпуль» и дубль «Ливерпуля») и, наконец, Манчестер – это «Сити» или «Юнайтед».

Хотя я уже играл за сборную, все же сомневался, окажусь ли достаточно хорош для настоящего профессионального клуба. Только недавно футболисты в СССР получили возможность уезжать за границу. Думаю, мне повезло вовремя родиться.

Я много размышлял о тех, кто уехал до меня. Они все были старше, чем я, их карьера клонилась к закату, и они уезжали, чтобы передать свой опыт. Мне же было только 22, моя карьера только начиналась, и мне самому предстояло многому учиться.

Наконец все мои документы были оформлены, и я мог ехать.

Входя на борт самолета, направлявшегося на Британские острова, я мог только догадываться о том, что меня ждет, ведь до самого последнего момента я не знал, в какой клуб еду. От начала и до конца моя поездка была окутана тайной и от этого становилась волнительной, чтобы не сказать больше.

В свои 22 я отправился в путешествие, которое могло полностью изменить мою судьбу. Эта мысль не давала мне покоя, и, сидя в кресле, я ни на минуту не мог расслабиться и получить удовольствие от полета. Что ждет меня впереди в стране, языка которой я не знал? Внутри у меня все сжималось. Чем закончатся мои смотрины? Вопросов было так много, что я не понимал, радоваться мне или огорчаться.

Если меня примут, как смогу я жить в Англии, вдали от родных и друзей? Ведь я даже не в состоянии общаться с товарищами по команде иначе, как через переводчика. Но я должен буду хорошо играть, показать все, на что способен. Если я подойду новому клубу, то буду играть в Англии, на родине футбола. Мне предоставлялся шанс, о котором мечтают тысячи футболистов в моей стране. Но

буду ли я счастлив? Окажется ли Англия той землей обетованной, какой я ее себе воображал? Моя голова распухла от вопросов, оставшихся без ответов.

Я попытался представить себе, как будет складываться моя новая жизнь. Но что я знал об Англии? Видел ее на картинках – виды Лондона, знаменитые двухэтажные красные автобусы. Но Лондон не стоял на повестке дня, ведь мне заранее сказали, что я еду на север. Значит, об «Арсенале», «Тоттенхэме» или «Челси» можно было не думать.

Затем я получил более точную информацию о месте назначения: наш самолет держал курс на Манчестер. Значит, «Юнайтед» или «Сити». А может, это не конечный пункт, и из Манчестера мы двинемся куда-нибудь дальше автобусом или поездом? В конце концов, Англия не такая уж большая, и за несколько часов можно пересечь ее всю. Так что с равным успехом я мог оказаться и в Ливерпуле, и в Лидсе, и в Ньюкасле, и еще в десятке городов, расположенных неподалеку от Манчестера.

В общем, как долго я ни размышлял, мои раздумья ни к чему не могли привести, и беспокойство только усиливалось. Что ждет меня там, куда я еду? Чем больше я думал об этом, тем больше расстраивался.

Наконец мы начали снижаться. Небо было серым – точно таким же, как несколько часов назад на Украине, поэтому я не смог разглядеть ничего, пока мы не приземлились. С высоты Англия выглядела точно так же, как любая другая страна.

Лишь после того как я получил багаж и прошел таможенный контроль, мне, наконец, сказали, в какой клуб я направляюсь: «Манчестер Юнайтед».

Оглядываясь назад, я понимаю, что в тот момент даже не мог себе представить, насколько должна была измениться моя жизнь. За время моего пребывания в клубе «Юнайтед» напишет новую футбольную историю, и все, о чем мечтали руководители, тренеры и болельщики в течение 26 лет, осуществится.

Этим мечтам предстояло стать реальностью в субботу 14 мая 1994 года – через три года после того, как я пришел в клуб, в день финала Кубка Англии на «Уэмбли». Мы с боем пробивали себе дорогу

сквозь этот сезон, отстояли чемпионское звание в матче с «Ипсвичем» две недели назад и дошли до финала Кубка. Теперь оставался последний шаг: нужно было сделать то, что пока не удавалось нам в этом сезоне, – обыграть «Челси».

Во время подготовки к матчу наш тренер Алекс Фергюсон запретил всей команде общаться с прессой, но мы все равно каждый день читали газеты. Разговор в них постоянно шел о том, кто будет в составе. Наконец мы узнали, кого босс решил выставить на игру: Шмейхель, Паркер, Ирвин, Брюс, Паллистер, Кин, Инс, Кантона, Хьюз, Гиггз и я, Андрей Канчельскис. А Макклэйр, Уолш и Шарп остались на скамейке. В таком составе до этого мы играли лишь эпизодически.

День начался тоскливо, а к тому времени, как мы прибыли на «Уэмбли», зарядил дождь. Но это никак не отразилось на настроении болельщиков, которые тысячами шли на стадион, разодетые в цвета своих клубов. Ассоциация болельщиков «Челси» взяла на вооружение итальянский метод и разложила на всех сиденьях, отведенных для ее членов, большие бело-синие плакаты, которые зрители должны были поднимать во время игры. На этом фоне поклонники «Юнайтеда», экипированные только шарфами, выглядели бледно. Но несмотря на это, они были в прекрасном расположении духа, так как ждали от нас только победы и верили, что мы завоюем кубок.

Я знал, что интерес к этому матчу огромен. На черном рынке цены на билеты доходили до 500 фунтов. Задолго до того как мы вышли из туннеля, болельщики начали скандировать и петь. Когда же команды выбежали на поле, трибуны просто стали сходить с ума. Я чувствовал, что это самый важный матч в моей карьере. Адреналин бурлил в жилах.

«Челси», команда Гленна Ходдла, который позже возглавил английскую сборную, показала, на что способна, в первом тайме, отчаянно борясь и явно желая обыграть нас третий раз за сезон. На последней минуте тайма я увидел, как Гейвин Пикок с лета ударил по воротам, и было похоже, что мяч летит мимо Шмейхеля в сетку. Но нет, на несчастье «Челси», он попал в перекладину. В первом тайме никому не удалось забить.

В раздевалке во время перерыва Фергюсон спросил каждого из нас, чувствуем ли мы в себе силы, чтобы войти в историю. Каждый ответил утвердительно. Мы были решительно настроены на то, чтобы выиграть и увезти кубок из Лондона.

После перерыва «Юнайтед», чьи атаки возглавляли мы с Гитзом и Кантоной, разошелся не на шутку. Мы поймали ритм игры и контролировали ее. Эдди Ньютон сбил Ирвина, и судья Эллерей назначил пенальти в нашу пользу. Он аккуратно установил мяч на отметке, но Кантона все равно подошел, взял мяч и снова положил. Затем он отошел к линии штрафной, развернулся и сделал семь шагов вперед. Вратарь «Челси», мой хороший друг Дмитрий Харин, бросился не в ту сторону, и Кантона спокойно послал мяч в правый угол ворот.

За первым пенальти быстро последовал второй. Фрэнк Синклэйр бросился за мной, когда я получил мяч от Хьюза, и уложил меня на траву. Мистер Эллерей назначил новый пенальти, и Кантона повторил свой успех.

Когда мы повели с разницей в два мяча, Ходдл, который был тогда играющим тренером, решил взять дело в свои руки, выйдя на замену вместо Крэйга Берли, чтобы подбодрить команду. Но было уже поздно: игроки «Челси», казалось, осознали свою участь. Отдав столько сил в первом тайме, они уже выдохлись.

После ошибки соперников в обороне, вызванной мокрым, вязким полем, Хьюз забил третий гол. «Ну, уже почти все, – подумал я, – они ни за что не смогут отыграться». Но стоило нам чуть расслабиться, как «Челси» ринулся вперед, и Джон Спенсер заставил Шмейхеля потрудиться, отбивая удар, который стал последним для наших соперников.

К концу матча Фергюсон заменил меня Брайаном Макклэйром, а Дениса Ирвина – Ли Шарпом. Последние усилия «Челси» пропали даром: соперники были не в состоянии остановить нас. Прямо перед финальным свистком Инс дал пас Макклэйру, и тот довел счет до 4:0.

Наши чувства нельзя было передать словами. Мы добились того, чего хотели, и даже большего. Я был одним из 14 игроков, которые стали лишь четвертой командой в этом столетии, су-

мевшей сделать дубль, – после «Тоттенхэма», «Арсенала» и «Ливерпуля».

Это был час огромного личного триумфа. Три года с момента моего приезда в Англию и до того дня, когда я поднял над головой два великих трофея, не прошли незаметно. Они были полны событий как на поле, так и вне его. Одни я предпочел бы забыть, другие, напротив, навсегда останутся в памяти. Но даже при том, что мне не всегда удавалось избегать ошибок и не всегда все складывалось так, как хотелось, я бы ни за какие блага не отдал ни одного дня, прожитого с такой прекрасной командой, как «Манчестер Юнайтед». Ошибки, неудачи и разочарования – тоже часть жизни профессионального футболиста, которую при всех ее радостях и преимуществах никак не назовешь легкой прогулкой по зеленому полю. В тот день, когда мы сделали исторический дубль, я понял это особенно отчетливо, и был благодарен судьбе за каждое мгновение тех трех лет, которые провел в красной майке «Юнайтеда».



### ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ

Смотрины весной 91-го прошли успешно. Меня приняли в команду, и я дебютировал 11 мая в матче с «Кристал Пэлас» в гостях. Решение об этом в последнюю минуту принял Алекс Фергюсон, который с огромным трудом пытался получить для меня разрешение на работу от властей. Сделать это непросто, если ты не из страны, входящей в Европейское Сообщество, поскольку любой кандидат должен отвечать множеству условий. Ты должен быть не старше 28 лет, сыграть свыше десяти матчей за сборную и быть ее постоянным игроком в течение последних лет. Не могу понять, почему мне пришлось так долго ждать, ведь и мой возраст, и 20 с лишним игр за сборную должны были удовлетворить самые жесткие требования. И все равно процедура длилась, казалось, бесконечно.

Утром в пятницу 10 мая боссу (именно так футболисты называли Фергюсона) позвонили и сказали, что все в порядке. Я мог выйти на поле против «Кристал Пэлас». Это был предпоследний матч сезона, кроме него клубу предстояло только сыграть в финале Кубка кубков. Босс дал большинству основных игроков отдохнуть, поскольку игра с «Пэлас» не имела особого значения. Но все равно перед ней он провел такую установку, словно от результата зависел чемпионский титул. Хотя мы проиграли – 0:3, мне понравилось, как играла наша команда, тем более что это был практически второй состав. Особенно хорошее впечатление на меня произвел Даррен Фергюсон, сын тренера. И еще я заметил, что босс относился к не-

му ничуть не лучше, чем к остальным, а критиковал, наверное, даже больше.

После матча Алекс спросил меня, чего я хочу: остаться в Англии, поехать в Роттердам на матч с «Барселоной» или отправиться домой. Мне сказали, что «Юнайтед» вышел в финал европейского кубкового турнира впервые за 23 года, что, на мой взгляд, было слишком большим перерывом для клуба такого уровня и авторитета. Я подумал: а что если мой приезд принесет команде удачу? И поехал в Роттердам.

Это был незабываемый вечер. «Барселона» сплошь состояла из звезд и считалась фаворитом. Но никто не принял в расчет отвагу и решительность таких игроков, как Пол Инс и Брайан Робсон, которые без устали трудились в середине поля и вели свою команду к победе. Великолепная игра Стива Брюса и Гари Паллистера в обороне не дала каталонцам ни единого шанса, ни единой надежды на гол. А впереди Марк Хьюз играл с такой силой и с таким напором, каких «Барселона», думаю, не встречала в испанской лиге. В свое время Хьюз играл за «Барселону», и в тот вечер испанцы наверняка пожалели о том, что отпустили его.

Именно Хьюз забил оба гола. Особенно впечатляющим был второй мяч: прорвавшись сквозь оборону «Барселоны» на край, Марк мощно пробил с немыслимого угла. С игры «Барселона» ни за что не могла забить, но Рональд Куман подтвердил свою репутацию мастера стандартных положений и отыграл один мяч со штрафного. 2:1 – и я наблюдаю за тем, как мои новые партнеры поднимают над головой один из самых престижных клубных трофеев.

Эта победа означала, что в следующем сезоне – моем первом сезоне в Англии – наш клуб будет играть сразу в нескольких турнирах: в чемпионате, Кубке Англии, Кубке лиги, Кубке кубков и Суперкубке. Я понимал, как важно для больших клубов постоянно пополнять коллекцию своих призов, и подумал, что от нас, наверное, будут ждать побед хотя бы в двух турнирах из пяти. На большее, пожалуй, рассчитывать было сложно – травмы и усталость по ходу сезона всегда берут свое.

Даже в тот радостный день, когда клуб выиграл Кубок кубков, Алекс думал о будущем. В отеле после матча он сиял от удовольст-

вия, но уже тогда вынашивал планы перестройки команды. Предстояли три существенные перемены: новый вратарь из Дании – Петер Шмейхель и два новых игрока на флангах – Райан Гиггз и я.

Оглядываясь назад, я просто не могу себе представить, как мне удавалось быстро свыкаться со стремительными переменами в моей жизни. Сегодня я играю за «Шахтер» и думаю о предстоящем сезоне в СССР, а завтра уже тренируюсь на далеком Западе с Брайаном Робсоном и другими ребятами. Потом, буквально за считанные часы до последнего матча в сезоне, я получаю разрешение на работу, а спустя несколько дней еду в Голландию на финал Кубка кубков и становлюсь свидетелем яркой победы своего нового клуба. Сколько всего интересного мог я рассказать друзьям по приезде домой!

Но дома мне предстояло еще кое-что, гораздо более важное. Живя в Манчестере в отеле, я понял, что больше всего на свете мне необходим родной человек рядом. Я все время думал об Инне.

Мы поженились 22 июня 1991 года. После свадьбы Инна поехала со мной в Англию, где я начал готовиться к новому сезону.

В то время крайние форварды вышли из моды. Большинство тренеров предпочитали оборонительную стратегию, чтобы избежать поражения. Но в ходе сезона стало очевидно, что Фергюсон стремится организовать активную игру на флангах: с моей помощью на правом, а с помощью Райана Гиггза – на левом.

Когда стало ясно, что нам предстоит играть вместе, мы заключили небольшое пари: кто больше забьет за сезон. Гиггз отличился первым, в матче против «Норвича». Он забил великолепный гол правой ногой с острейшего угла. Я надеялся, что это удача, которая сопутствует новичкам, и что мне тоже будет везти, иначе в конце сезона придется раскошелиться. Но я еще не был полностью уверен в себе, да и Алекс решил дать мне побольше времени на адаптацию к английскому футболу – лишь в начале ноября я получил место в основном составе.

Из моих первых голов мне больше всего понравился тот, который я забил на выезде «Олдхэму» в первый день Рождественской недели. Я слишком близко подошел с мячом к линии ворот, и мне пришлось возвращаться и еще раз обыграть Барретта. Дойдя до угла вратарской, я развернулся и правой ударил в нижний угол. Еще

по два гола забили Денис Ирвин и Брайан Макклэйр, а шестой мяч провел Гиггз. Это был прекрасный матч, доставивший удовольствие зрителям. Мы выиграли – 6:3. «Баундари Парк» такой игры еще не видел. «Манчестер Юнайтед» был на отличном ходу, и пресса уже провозгласила нас чемпионами. Это были лучшие мгновения года. Я играл во всех предыдущих пяти матчах и забил два гола.

Впрочем, эйфория продлилась недолго. В первый день нового, 1992 года мы получили болезненный удар. Из-за травмы я не мог сыграть против «Куинз Парк Рейнджерс». Рэй Уилкинс, Энди Синтон, Саймон Варкер и Рой Вегерле растерзали нас с помощью простых, аккуратных пасов, и мы потерпели унижительное поражение – 1:4. Три гола забил Деннис Бэйли.

Когда в чемпионате мы шли ноздря в ноздю с «Лидсом», судьбе было угодно свести нас в двух других домашних турнирах: Кубке лиги и Кубке Англии.

Это был переходный для нашего клуба период, и Фергюсон от недели к неделе менял состав. Гиггза проводил свой первый сезон, так что босс хотел поберечь его силы, чтобы он полностью раскрыл свой потенциал. Я только что прибыл из-за границы, и мне давали время на то, чтобы приноровиться к английскому футболу. Уэбб, Робсон, Донахью, Блэкмор и Филен уже постепенно заканчивали, и Алекс пытался найти новый оптимальный вариант состава. Ли Шарп восстанавливался после болезни и временно не мог играть.

В среду 8 января мы выиграли на «Элланд Роуд» в четвертьфинале Кубка лиги – 3:1. Гиггз и я забили по голу, еще один провел Клэйтон Блэкмор. Мы понимали, что эта победа осложнит нам жизнь, но она стоила свеч, ведь мы вышли в полуфинал.

Неделю спустя мы вернулись в Лидс и выиграли в третьем круге Кубка Англии – 1:0 благодаря удару Марка Хьюза головой. В следующем круге мы сыграли с «Саутгемптоном» 0:0 на «Делле», потом 2:2 на «Олд Траффорде» и после этого проиграли 2:4 в серии пенальти.

Январь 1992 года был очень тяжелым месяцем для «Лидса», и в клубе, наверное, вздохнули с облегчением, когда поражения в кубках сделали менее напряженным дальнейший календарь команды. Наши же победы, напротив, увеличили нагрузку. Если в пяти играх

чемпионата перед Рождеством мы забили 18 голов, то в следующих пяти – с конца декабря по 22 января – всего пять.

Английский футбол продолжал удивлять меня. После ничьей с «Саутгемптоном» мы дома сыграли вничью с «Шеффилд Уэнсдей», но в это же время, ко всеобщему удивлению, «Олдхэм», который мы разгромили – 6:3, выиграл у «Лидса» – 2:0. Это было всего второе поражение йоркширского клуба в чемпионате с начала октября. «Лидс» тоже играл нестабильно, и для того, чтобы укрепить состав, был куплен француз Эрик Кантона.

В промежутке между такими яркими победами, как, например, над «Уимблдоном» – 5:1, «Лидс» умудрялся крупно проигрывать, скажем, «Саутгемптону» – 1:4. А потом я пошел на «Мэйн Роуд» и видел, как его разгромил «Манчестер Сити» – 4:0. Хотя мы сами играли не очень убедительно, наши главные конкуренты тоже мало походили на будущих чемпионов.

Тем временем мы обыграли в полуфинале Кубка лиги «Миддлсбро» и отправились на «Уэмбли», где в финале победили «Ноттингем Форест» – 1:0. Может быть, эта победа придаст нам необходимый заряд?

В течение следующих девяти дней нам предстояло провести пять матчей. В первом – дома против «Саутгемптона» – я забил единственный гол ударом с лёта левой. В хорошем настроении мы отправились в Лондон на матч с низко стоявшим в таблице «Луттоном». К моему разочарованию, меня не поставили на игру, что, учитывая мой победный гол «Саутгемптону», меня озадачило. Также меня не включили в состав на выездной матч с «Вест Хэмом» несколько дней спустя. Поражение от одного аутсайдера и ничья с другим решили нашу судьбу. Проигрыш на «Аптон Парке» был к тому же очень болезненным из-за того, что «Вест Хэм» только что потерял шансы остаться в первом дивизионе. Я и сейчас убежден, что мне следовало сыграть в обоих матчах.

Несмотря на несчастье на «Аптон Парке», мы отставали всего на очко от «Лидса» после 40 матчей. Не все было потеряно. «Лидс» играл с «Шеффилдом Юнайтед», а мы должны были отправиться на «Анфилд» в гости к «Ливерпулю». Матчи начинались в разное время, поэтому, выходя на поле, мы уже знали, как сыграл «Лидс».

Он победил – 3:2 благодаря автоголу на последних минутах матча, в котором «Шеффилд» вполне мог выиграть. «Ливерпуль» же не собирался делать нам одолжение и выиграл – 2:0.

Алекс достойно принял поражение и пророчески произнес: «Случилось то, что мы должны научиться преодолевать. Сейчас не время обсуждать «Манчестер Юнайтед». В этот момент от имени «Олд Траффорда» я должен поздравить Говарда Уилкинсона (тренера «Лидса». – А.К.) с замечательным достижением. Это был хороший сезон. Мы проиграли чемпионат, но все равно сезон был хорош. Мы получили удовольствие. Временами мы показывали хороший футбол и были близки к победе. Запомните мои слова: в следующем сезоне мы добьемся своего».

В последнем матче мы выиграли дома у «Тоттенхэма» – 3:1. Этот матч запомнился не только результатом, но и голом престижа, который на 88-й минуте нам забил Гари Линекер, – последним голом выдающегося форварда в первом дивизионе.

Фергюсон был прав, говоря, что это был хороший сезон. Мы выиграли Кубок Лиги и Суперкубок Европы. Второй трофеей мы завоевали в ноябре в матче с обладателем Кубка чемпионов белградской «Црвеной Звездой» – еще одну игру пришлось втиснуть в наш и без того плотный календарь. Хорошо хоть, что оба клуба договорились разыграть Суперкубок не в двух матчах, а в одном и прошел он на «Олд Траффорде». Но все равно игра оказалась нелегкой, и победу нам принес единственный гол Макклэйра во втором тайме.

Было жаль, что нам так и не удалось пробиться в главный и самый престижный из европейских турниров – Кубок чемпионов, но в словах босса о том, что в будущем сезоне мы добьемся своего, чувствовалась уверенность. Я искренне надеялся, что буду среди тех, кто поможет тренеру выполнить обещание.

Все считали, что мой первый сезон был удачным. Брайан Робсон, самый опытный, авторитетный и прославленный игрок тогдашнего состава, на которого не только болельщики, но и более молодые партнеры смотрели как на живую легенду, всегда подбадривал меня. А перед тем как я собрался в отпуск домой, подошел ко мне и сказал: «Андрей, честное слово, я просто поражен тем, как тебе удалось прижиться в нашем футболе. Ты провел прекрасный



сезон и превратил наш правый фланг в свою собственность. Многие не справлялись с такой ролью, но ты чувствуешь себя там как рыба в воде. Так что не волнуйся, никто тебя не тронет. Теперь хорошо отдохни, ты заслужил это, и будь готов к следующему сезону».

Поддержка такого великого игрока, который понимает футбол как никто другой, значила для меня очень многое. Его мнение уважали все, и я был счастлив, что он так хорошо отзывался обо мне. Любому новичку нужна поддержка, иностранцу же – вдвойне.

Возвращение домой было несколько странным. Я приехал в «Юнайтед» в мае 91-го гражданином СССР, а несколько месяцев спустя эта страна перестала существовать. Но ее футбольная сборная продолжала участвовать в чемпионате Европы, правда, под другим названием – сборная СНГ, Содружества Независимых Государств. Просуществовала она лишь до конца финального турнира в Швеции, а после этого перед всеми нами стал выбор: за какую страну играть теперь?

У меня, наверное, было больше вариантов, чем у кого-либо из моих партнеров. Литва и Украина – это понятно. И, разумеется, Россия, которая вроде бы официально считалась преемницей СССР. Выяснилось даже, что благодаря какому-то дальнему родству у меня была возможность стать гражданином Франции. А еще мне говорили, что Джекки Чарльтон, тренировавший сборную Ирландии (и впоследствии добившийся с ней немалых успехов), интересовался, не было ли во мне частицы ирландской крови.

В конце концов, я выбрал Россию. Прежде всего потому, что хотел быть вместе со старыми партнерами, а большинство из них предпочли именно российскую сборную. Ну, и, конечно, сыграл свою роль шанс выступить на чемпионате мира 1994 года в США. Шанс, которым, как известно, я по собственной же воле отказался воспользоваться. Впрочем, об этом разговор еще впереди.

Отпуск, который в том году был очень непродолжительным (существенную часть лета отнял чемпионат Европы), я провел в своем любимом Крыму, в Ялте. По вечерам мы с Инной гуляли в Парке Гагарина, ездили на экскурсии в Ливадию, Гурзуф, устраивали пикники в окрестностях Никитского ботанического сада. Крымский пейзаж обычно заставляет меня забыть обо всем, но в тот раз никакие кра-

соты не помогали отвлечься от мыслей об Англии и «Юнайтеде». За завтраком, обедом и ужином, во время прогулок по горным тропам и отдыха на черноморских пляжах мы говорили только о нашем будущем в Англии. Мы часто встречали иностранных туристов, сходивших на берег с красивых лайнеров, которые бросали якоря в порту. Находясь поблизости, мы улавливали отрывки английского разговора, хотя в то время я мог понимать лишь отдельные слова.

Даже когда иностранцы молчали, их легко было отличить от местных туристов. Они выглядели более уверенными, менее скованными, возможно, из-за того, что были лучше одеты и имели больше денег. Мы не могли отделаться от мысли, что в следующий приезд уже нас, наверное, будут принимать за иностранцев. Мы не стыдились своей родины и национальности, напротив, гордились ими, но вместе с тем были не против, если в будущем сможем позволить себе то, о чем несколько лет назад лишь мечтали. Как быстро меняется жизнь!

А потом кто-то узнал меня. «Манчестер Юнайтед» – чемпион!», – крикнул мне человек, который сам, наверное, не представлял, каким пророчеством станут его слова.

### БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Лето я провел в Швеции – не на каникулах, а играя в футбол за СНГ. Как я уже сказал, мы пробились в финал под флагом СССР, но потом играли под другим названием. До самого последнего момента мы опасались, что нас дисквалифицируют на том основании, что страны, чья сборная играла в отборочном турнире, больше не существует.

Поскольку большинство из нас играли в молодежной сборной, которая выиграла чемпионат Европы, мы считали, что у нас неплохие шансы. Вернулся в строй Дмитрий Харин, получивший тяжелую травму в России и перенесший операцию в Испании. Его возвращение вдохновило команду, и Дмитрий доказал, что по-прежнему может решать судьбу матча своими ловкими руками и отличной реакцией. Гленн Ходдл, играющий тренер «Челси», на тот момент считал Харина одним из лучших вратарей Европы и, думаю, не ошибался.

В Швеции все вышло не так, как мы рассчитывали, но все равно это был прекрасный опыт. В сборной я выполнял больше оборонительных функций, чем в клубе, и в матче против Голландии мне было поручено играть против Брайана Роя, которого мы считали одним из самых опасных в команде соперников. Мы достойно бились и, думаю, по праву сыграли вничью.

Рой был прекрасным футболистом, великолепно умел двигаться и укрощать мяч. Мне не раз приходилось сталкиваться с ним в анг-

лийской лиге – он играл за «Ноттингем Форест» и пользовался там огромной популярностью, что меня несколько не удивляло.

Хотя у меня было не очень много времени для отдыха тем летом, я все-таки сумел заехать в Кировоград к маме. А потом вернулся в Манчестер и стал готовиться к своему второму сезону. Несмотря на то, что мне пришлось играть практически без перерыва, я был свеж, полон сил и готов помочь команде добиться того успеха, который ускользнул от нас в последние дни прошлого сезона. С тех пор со мной столько всего произошло, что у меня даже не было времени переживать нашу неудачу. Хотя ни тогда, ни сейчас я не мог понять, каким образом мы умудрились позволить «Лидсу» увести чемпионский титул прямо у нас из-под носа. Но что толку плакать над пролитым молоком? В футболе, как и в жизни, что прошло, – то прошло. Куда важнее то, что ждет нас впереди.

Я чувствовал, что второй сезон будет для меня легче. Я никого не разочаровал своей игрой в первый год. Наше тесное партнерство с Гитзом хвалили все без исключения. Я постепенно привыкал к жизни в Манчестере и начал считать свой комфортабельный дом в Олтринхэме настоящим домом. Мне не терпелось вновь увидеть товарищей по команде: игроки «Юнайтеда» – отличные ребята и с первых дней помогли мне почувствовать себя в своей тарелке, даже снабдили списком наиболее употребительных английских выражений, чтобы я мог участвовать в их беседах. Лишь через некоторое время я осознал, что эти выражения не были предназначены для употребления в культурном обществе.

Они, конечно, посмеивались надо мной и иногда разыгрывали, сообщая, например, неправильное время начала тренировки (вообще-то первой фразой, которую я выучил по-английски, была: «Тренировка начинается в десять»). Тренировки у нас вел Брайан Кидд. В этих шутках не было ничего злого или жестокого – просто ребята веселились. Да и я спокойно относился к этому. Я уже научился уму-разуму в раздевалках Киева и Донецка.

По-моему, успех «Юнайтеда» во многом был основан на той дружеской атмосфере, которая царила на нашем тренировочном поле – «Клиффе». Все футболисты очень хорошо относились друг к другу: игроки из юношеских команд были счастливы считать себя чле-

нами этой большой семьи, а старшие товарищи выказывали уважение к молодым, что, на мой взгляд, очень важно.

Наверное, лишь уйдя из «Юнайтеда», я смог по-настоящему оценить, насколько мне повезло попасть именно туда. В конце концов, то был мой первый заграничный клуб, и я вполне мог считать, что все остальные команды живут так же дружно, единой сплоченной семьей. Но на поверку все оказалось совсем не так, и нигде больше я не встречал даже подобия той потрясающей обстановки, в которой прожил четыре года.

Да, у меня в каждой команде появлялись приятели, быстро завязывались дружеские отношения, которые мы выносили за рамки игр и тренировок. Нередко и в Ливерпуле, и во Флоренции, и в Глазго мы с Инной проводили свободное время в компании моих партнеров и их жен. Это естественно, поскольку без дружбы и общения за пределами стадиона не может существовать настоящая команда. Игроки должны чувствовать себя не только коллегами по работе в строго отведенные для этого часы, так как футбольная команда – это нечто гораздо большее, чем трудовой коллектив.

Это понимали все в тех клубах, в которых мне довелось играть после «Манчестера», но нигде дружба между игроками не была такой естественной и крепкой. Может, это отчасти объясняется тем, что я был молодым игроком, и к тому же иностранцем, поэтому партнеры старались уделять мне как можно больше времени и внимания, понимая, как мне тяжело в непривычной обстановке. Так или иначе, я постоянно чувствовал заботу со всех сторон, каждый стремился помочь мне словом и делом, причем на наших отношениях ничуть не отражалась разница в возрасте или в авторитете. Не только мои сверстники, но и опытные старшие игроки, на которых все мы смотрели снизу вверх, – Брайан Робсон или Стив Брюс – никогда не были против того, чтобы потратить на меня свое время, если мне требовался совет или помощь. Кстати, и Брайан, и Стив уже работают тренерами в премьер-лиге.

Точно так же и их жены взяли своеобразное шефство над Инной: помогали ей осваивать окрестности, вести хозяйство, водили по магазинам и никогда не оставляли одну во время наших выездных матчей.

Вот так мы жили и дружили в «Юнайтеде», причем не только игроки, но и тренеры. Вместе весело отмечали едва ли не все праздники. Наверное, лучшее свидетельство дружбы и единства в клубе – рождественская вечеринка. По традиции, во время ужина еду подают тренеры, а потом молодые игроки разыгрывают представление.

Называя команду «Манчестера» семьей, я должен включить в нее и руководителей клуба. Многие из них окружили нас поистине отеческой заботой, и это отнюдь не преувеличение. Самый яркий пример – Бобби Чарльтон, настоящая живая легенда, подлинный символ «Юнайтеда». Он входил в молодую честолюбивую команду, созданную в 50-е годы тренером Мэттом Басби и восхищавшую всю Англию своей игрой. Этих ребят, ставших чемпионами в 1956 и 1957 годах, так и называли – «малыши Басби», им прочили великое будущее. Но надеждам не суждено было сбыться: многие ведущие игроки погибли во время страшной авиакатастрофы в Мюнхене 6 февраля 1958 года – в самый трагический день в истории английского футбола.

Бобби Чарльтон чудом выжил, как и сам Мэтт Басби, и стал лидером возрожденного «Юнайтеда», который десять лет спустя первым из английских клубов выиграл Кубок европейских чемпионов. А за два года до этого он в составе сборной завоевал величайший титул, о котором только может мечтать футболист, – титул чемпиона мира.

Естественно, и в клубе, и в Манчестере, да и во всей Англии сэр Бобби пользуется необычайным уважением; болельщики всех поколений, видя его, испытывают благоговейный трепет, и, конечно же, у нас, игроков, хоть мы и сталкивались с ним чуть ли не каждый день, возникали те же чувства. Но сам он, казалось, и не догадывался об этом: никогда не смотрел ни на кого из нас свысока, держался с нами на равных, всегда был готов выслушать любого и помочь чем только мог.

И это вовсе не было частью его работы – просто он такой и есть: добрый, заботливый, отзывчивый человек. Лишний раз я убедился в этом лет через пять после того, как ушел из «Манчестера».

Как-то раз мы с Инной и Андреем поехали летом отдохнуть на остров Барбадос и однажды, лежа под жарким тропическим солнцем на берегу бескрайнего Атлантического океана, встретили сэра



Бобби. Оказалось, он отдыхал неподалеку с супругой. Наши пути к тому времени давно уже разошлись, но это нисколько не повлияло на теплоту наших отношений: Чарльтоны были так же добры и дружелюбны, как если бы я оставался действующим игроком «Юнайтеда». А маленький Андрюшка покори́л их настолько, что они просто не хотели отпускать его от себя.

Прекрасно понимая, что нам с Инной иногда не помешает побыть вдвоем, они каждый день приглашали Андрюшу к себе и часами возились с ним, всячески развлекая и балуя так, как только бабушки и дедушки умеют баловать внуков.

Вот это я и называю семьей. Настоящей семье не страшны расставания: покинув отчий дом и разбредясь по всему белу свету, люди все равно остаются родными друг для друга, и их отношения нисколько не меняются с прожитыми в разлуке годами и пройденными поодиночке километрами. Именно такой семьей был для нас «Манчестер Юнайтед»: игроки приходили и уходили, в какой-то момент пришел, а затем ушел и я, но в большинстве своем мы на всю жизнь остались друзьями и, встречаясь, чувствовали, что мы друг другу не чужие.

У меня до сих пор прекрасные отношения со всеми ребятами, с которыми я играл на «Олд Траффорде», и я радуюсь каждой новой встрече с ними. При этом я чувствую, что и они радуются так же искренне, как и я.

А совсем недавно, получив очередное доказательство крепкой дружбы, я, признаюсь, даже опешил. Под доказательством я имею в виду автобиографию Роя Кина, сразу же после выхода в свет обретшую скандальную известность. Рой всегда был простым и искренним парнем, не державшим камня за пазухой и не скрывавшим своих чувств и мыслей. Именно таким он и остался, рассказывая историю своей жизни. Наверное, не мое дело обсуждать действия своего друга и бывшего партнера по команде, однако, честно скажу, мне показалось, что в этой книге Рой был уж чересчур откровенным и прямолинейным. Некоторые его признания, кстати, сослужили ему дурную службу, и Английская футбольная ассоциация на основании этих признаний даже завела на него дисциплинарное дело о дискредитации футбола.

Впрочем, повторю, не мне его судить: если Рой решил, что ему следует поступить именно так, значит, у него были для этого основания. Так или иначе, он написал бескомпромиссную книгу – как в отношении себя, так и в отношении окружающих: признался в некоторых собственных некрасивых поступках и недвусмысленно выразил свое отношение к поступкам многих других.

Многим досталось от него, что называется, по первое число, причем даже тем, кого можно было считать его друзьями. Что ж, после выхода этой книги число друзей Кина, думаю, резко сократилось. А я, читая ее и в очередной раз сталкиваясь с нелицеприятными высказываниями в чей-то адрес, не мог избавиться от мысли: «Ну вот, сейчас и до меня дойдет черед».

Не дошел: я оказался пусть и не единственным, но одним из очень немногих, о ком Рой написал хорошо. Естественно, это заметили все вокруг, и мне уже не раз говорили: «Смотри-ка, а вы с Роем, оказывается, настоящие друзья». Я действительно всегда считал и продолжаю считать его своим другом, хотя, думаю, дружба не помешала бы ему высказать претензии и мне, если бы он чувствовал, что для этого есть основания.

Вот так мы жили и дружили в «Манчестере», так и продолжаем жить и дружить.

Вернемся, однако, назад. В той замечательной обстановке, которую я попытался только что описать, я был готов начать со своей командой новую битву в новом сезоне 1992/93. Но при этом не предполагал, что мне предстоит и личная битва, которая уже поджидала меня на флангах.

Начало сезона было ужасным. Я участвовал в трех первых матчах, и мы проиграли в гостях «Шеффилд Юнайтеду» – 1:3, дома «Эвертону» – 0:3 и также дома сыграли вничью с «Ипсвичем» – 1:1. Команда выглядела плохо и даже отдаленно не напоминала ту, которая закончила предыдущий сезон на втором месте. Лишь некоторые ребята действительно играли на пределе. На следующие три матча меня не поставили, и такое решение босса выглядело правильным, поскольку все эти матчи команда выиграла – у «Ноттингем Фореста», «Саутгемптона» и «Кристал Пэлас». Три поражения со мной и три победы без меня – такая нехитрая статистика

вполне могла повлиять на отношение босса ко мне до самого конца сезона.

Хотя потом я забил один из голов «Эвертону», который мы обыграли – 2:0 (волею календаря мы дважды встречались с ним в чемпионате в течение месяца), было яснее ясного, что босс испытывает сомнения насчет меня. Даже несмотря на то, что Ли Шарп не мог играть из-за травмы, я не был уверен в своем месте. Мы еще не пришли к той ситуации, в которой три крайних – Райан, Ли и я – боролись бы за два места на флангах. Я единственный из троих прирожденный правый крайний, но все равно не чувствовал себя в безопасности. Когда над твоей головой постоянно висит большой вопросительный знак, ты теряешь уверенность в своих силах и вполне можешь выпасть из состава. Надежду в меня вселяли только подбадривающие крики наших болельщиков: «Не волнуйся, Андрей, все нормально, сынок», «Все хорошо, Андрей, молодец».

Босс имел обыкновение называть вещи своими именами. Он не скрывал своих мыслей и часто критиковал меня за то, что я играл с опущенной головой, плохо выполнял передачи с фланга, терял чувство позиции. Сидя на трибуне или скамейке запасных, я видел, что на самом деле, каковы бы ни были мои недостатки, без меня команда выглядела ничуть не лучше, чем со мной. Я сам чувствую, когда играю плохо, но тогда мне казалось, что я все делаю правильно.

Постепенно я начинал понимать, чего ждут от профессионального футболиста. Теперь мне ясно, что тогда босс просто хотел, чтобы я все время делал больше и больше. Целью его критики было подтолкнуть меня к самому пределу моих возможностей. Наверное, мне все слишком легко далось в первый сезон. На протяжении большей его части мы с Гиггзом играли вместе, и люди вокруг радостно обсуждали, что «Юнайтед» вновь вернулся к игре на флангах. В те времена, когда большинство команд буквально выдавливали результат в каждой игре, насыщая середину поля футболистами, жестко играющими в отборе и умеющими только разрушать, наш босс осознал необходимость атаковать широким фронтом и растягивать оборону соперников. Такой тактики босс придерживался на протяжении всего первого для меня сезона в «Юнайтеде», за исключением разве что одного-двух случаев, когда ставил на мое место игро-

ка более оборонительного плана. И хотя мы все-таки упустили чемпионский титул – в основном из-за перегруженного календаря в конце сезона, – все были восхищены тем, как смело и решительно стремился Фергюсон к открытой игре.

Теперь я думал о том, не разочарован ли босс в собственной концепции, в своих взглядах на то, как нужно играть в футбол. Остроатакующая игра создает пространство и свободу, от которой команда получает выгоду. Но если это не приводит к нужному результату, у тренера возникает вполне естественная реакция – он хочет добиться надежности. Я понимал, что головой играю, по британским меркам, не очень уж хорошо, что в отборе мне недостает агрессивности, но ведь меня не за эти качества взяли в команду. Мне говорили, что я недостаточно много работаю, но вместо того чтобы пораньше давать мне мяч и оставлять с глазу на глаз с левым защитником, от меня вдруг стали требовать, чтобы я возвращался назад и играл против левого крайнего. Создавалось впечатление, что от меня больше ждут помощи обороне, чем атаке. Как это ни странно, в похожей, более оборонительной роли я играл на правом фланге в сборной, и босс всегда говорил, что английский футбол подойдет мне лучше, поскольку я получу больше свободы в атаке.

Впервые с тех пор как я начал играть в футбол на улицах Кироваграда, я был в смятении и начал сомневаться в самом себе. Правильно ли я сделал, что пришел в «Юнайтед»? Мне казалось, что я играю ничуть не хуже, чем раньше: моя физическая форма была отличной, скорость – по-прежнему высокой, и в матчах с «Лидсом» и «Эвертоном» я доказал, что соперникам нужно следить за мной в оба.

Временами мне было страшно одиноко. Футбол – это средство общения, и для меня, иностранца, он был главной связующей нитью с окружающими. Если эта нить оборвется, я стану все равно что глухонемым. Но я не собирался сдаваться, напротив, сжав зубы, приготовился к борьбе.

Я играл в ничейных матчах с «Тоттенхэмом» (1:1) и «Куинз Парк Рейнджерс» (0:0). Обе команды переигрывали нас в основном благодаря большему числу игроков в середине поля. Привычные пути, по которым мы развивали свои атаки, были перекрыты, и нам труд-

но было доставлять мяч на фланги. И все же после обоих матчей я чувствовал, что виновником неудач считают меня.

Мы представляли собой команду, которая не забивала голов. Босс был озабочен тем, как мы играли, и занялся поисками решения проблем с присущими ему прямоотой и решительностью. Чтобы быть справедливым по отношению к нему, следует отметить, что действовавшее в Европе правило трех иностранцев доставляло ему немало хлопот, и, думаю, временами он оставлял меня в запасе для того, чтобы проверить состав, который будет играть в еврокубках. В конце концов, он просто делал свою работу и не был обязан оправдывать каждый свой выбор, ведь от его решений в первую очередь зависела его собственная судьба. А всем мил все равно не будешь: продвигая одного игрока, тренер всегда рискует обидеть другого.

«Юнайтеду» предстояло познакомиться с Россией во время матчей с московским «Торпедо» на Кубок УЕФА. Первый матч прошел на «Олд Траффорде», и «Торпедо» вполне заслужило нулевую ничью, играя с пятью полузащитниками и удерживая мяч с помощью коротких передач.

Затем нас ждала поездка в Москву на ответную игру. Для любого человека, отправляющегося в Россию, сложности начинаются с получения визы. Это две голубенькие бумажки с фотографиями – одна – для въезда, а другая – для выезда. На них указываются имя, номер паспорта и цель поездки. Процедура проверки документов одного человека на границе занимала, помню, минут пять, и это так резко отличалось от паспортного контроля в большинстве других европейских стран, где ты на ходу просто помашешь кому-нибудь своим паспортом и пойдешь своей дорогой.

Кен Мерретт, секретарь клуба, занимался нашими визами. По какой-то странной причине единственная сложность возникла там, где ее меньше всего ожидали, – со мной. Как оказалось, мне требовалось дополнительное разрешение на выезд из России. Это мы узнали только в аэропорту по дороге назад.

В декларациях, которые вы заполняете при въезде и выезде, нужно указывать, сколько у вас с собой денег. Причем важно, чтобы на обратном пути денег было меньше, иначе вам не миновать расспросов. Это однажды случилось с Тревором Брукингом, когда он играл

в «Вест Хэме». Он записал в декларацию на выезд на сто фунтов больше, чем на въезд, и когда его спросили, где он взял эти деньги, он ответил, что выиграл в карты. Это объяснение, к счастью для него, было принято с чувством юмора.

В Москве мы посетили Кремль, Красную площадь, Собор Василия Блаженного. Ребята закупили меховых шапок, значков, матрешек и разных марок. Всем им очень понравилась Москва, они без конца приставали ко мне с расспросами, и мне пришлось рассказывать все, что я учил в школе по российской истории.

Мы всей командой сфотографировались на фоне кремлевских стен и мавзолея. Впервые «Манчестер Юнайтед» играл в России, и какое же живописное зрелище представляли мы в меховых шапках и армейских фуражках!

Что же касается игры, то чем меньше о ней говорить, тем лучше. В холодный и мокрый вечер Марк Хьюз был удален с поля, и мы проиграли по пенальти. Я был очень расстроен тем, что мне не пришлось сыграть в том матче. Вместо меня выбрали Дэнни Уоллеса, который вовсе не правый крайний, и я смотрел за игрой с трибуны, рядом с тренером сборной Анатолием Бышовцем и Валерием Яремченко, моим прежним тренером в донецком «Шахтере», который специально приехал с Украины посмотреть, как я играю. Уоллеса, который явно был не на своем месте и к тому же не в форме, заменили в самом начале второго тайма. Как профессионал я держал свой рот на замке, но сейчас могу сказать, что был страшно расстроен тем, что мне не дали сыграть в Москве перед собственными зрителями.

В общем, то был не лучший период в моей жизни. Единственной радостью тогда для меня было то, что Инна забеременела и через несколько месяцев у нас должен был родиться первый ребенок.

Впрочем, когда мы уезжали из Москвы, произошел забавный инцидент, который разогнал мою печаль. Все благополучно прошли паспортный контроль под надзором бдительного и заботливого Кена Мерретта, как вдруг выяснилось, что у него самого возникла проблема. Два суровых человека в форме увели его. Как потом выяснилось, мистер Мерретт потерял свою визу.

Меня удивила легкомысленность, с которой отнеслись все к этому происшествию. Когда самолет оторвался от земли и нам принес-



ли напитки, председатель правления клуба Мартин Эдвардс повернулся к нам и сказал: «Джентльмены, я хочу поднять бокал за тех, кого нет с нами», а через несколько минут, видимо, переняв русскую привычку произносить один тост за другим, предложил выпить «за нового секретаря клуба мистера Кена Рэмсдена».

На следующий день офис «Юнайтеда» погрузился в глубокий траур. К дверям привязали черные ленты, повсюду зажгли свечи. На стене висела огромная петиция, составленная лидерами движения «Освободите Мерретта». Там были обращения такого содержания:

«Пожалуйста, не надо обмена пленными. Андрей Канчельскис».

«Спасибо за все, что ты сделал для нас за многие годы. Алекс Фергюсон».

«Кен, мы не будем работать, пока тебя не освободят. Администрация».

«Продается автомобиль «Тойота». Миссис Мерретт».

Я находил этот английский юмор весьма своеобразным. Секретарь клуба остался где-то далеко, в чужой стране, а все вокруг над этим потешаются. Но на самом деле я понимал, что все, как и я, очень беспокоятся за него.

Через несколько дней он вернулся из своего заключения и обнаружил все эти ленты, свечи и петицию. Тот факт, что он с юмором принял это, о многом говорил. Вскоре мистер Мерретт вновь взялся за работу с присущей ему педантичностью.

Октябрь 1992 года был крайне неудачным для нас. После поражения в Москве тучи стали сгущаться над клубом. Нашему боссу предстояло восстановить боевой дух своего войска. Мое собственное положение было по-прежнему шатким. Теперь шанс сыграть на моей позиции предоставили моему доброму другу Клэйтону Блэкмору. Он пребывал в таких же смешанных чувствах, как и я. У него отличная техника и прекрасный удар, которые позволяли ему играть практически на любом месте, но все-таки от него нельзя было ожидать, что он будет летать туда-сюда по правому флангу. Было ясно, что босс несколько изменил свою точку зрения относительно игры с двумя атакующими крайними. Результат был плачевен, мы не забивали, и ему пришлось пойти на эксперимент. Мне в этом эксперименте была отведена роль жертвенного агнца.

Я был полон сил и стремления вернуть доверие босса. Сложившаяся ситуация меня никоим образом не устраивала: я, игрок основного состава сборной, должен в клубе бороться с Дэнни Уоллесом и Клэйтоном Блэкмором за место на правом фланге, на котором ни Дэнни, ни Клэйтон не чувствовали себя хорошо. Тренеры сборной, видевшие игру в Москве, звонили мне домой в Олтринхэм и спрашивали, что со мной случилось: не заболел ли я, не получил ли травму, почему меня не поставили? Я совершенно искренне не мог им ничего объяснить. Но вскоре разорвалась бомба, и отголоски этого взрыва трясли нас до самого конца сезона, а я едва не был выставлен на трансфер.

Я хорошо провел матч с «Ливерпулем» (мы сыграли вничью – 2:2) и довольно уверенно чувствовал себя во время игры с «Уимблдоном». При счете 0:0, когда мне казалось, что я вот-вот смогу нарушить равновесие, меня заменили. В итоге мы проиграли – 0:1, а босс дал понять, что недоволен мной. Команда наскребла за ноябрь всего три очка, и хотя я участвовал только в двух матчах, становилось все более и более очевидно, что постоянного места в составе мне не получить. Возможно, я вообще был не нужен. Тот домашний матч с «Уимблдоном» оказался моей лебединой песней на «Олд Траффорде». До конца сезона я ни разу не появился на поле в домашних матчах и лишь время от времени попадал в состав (в основном, выходил на замену), когда мы играли на выезде.

Невооруженным глазом было видно, что команда сбилась с пути. Босс пытался найти выход из тупика и в конце концов нашел. Совершенно неожиданно он решил сделать ставку на другого иностранца, у которого в то время возникали такие же проблемы, как и у меня. Француз Эрик Кантона прибыл в Англию с плохой репутацией: его стычки с другими игроками, тренерами и прочими руководителями широко обсуждались прессой, а частая смена клубов – «Осер», «Марсель», «Монпелье», «Бордо», «Ним» и, наконец, «Лидс» – создавала впечатление ненадежности. «Лидсу» он в то время перестал подходить и, как и я, много времени проводил на скамейке, хотя в предыдущем сезоне его вклад в победу команды в чемпионате невозможно было переоценить. Он страшно огорчился, ему не нравилось, как с ним обращаются. Его голы за «Лидс» гово-

рили сами за себя, но едва дела у клуба начинали идти неважно, он тут же становился козлом отпущения. Мне казалось, что мы с ним попали в одинаковую ситуацию.

Эрик – честный парень, который не любит несправедливость и не выносит незаслуженной критики. Он очень уверен в себе – потому и стал таким выдающимся игроком, но его нужно вдохновлять и поддерживать, а не критиковать.

Во время своего первого сезона в «Юнайтеде» я внимательно следил за Эриком в «Лидсе». Несмотря на то, что именно его прибытие на «Элланд Роуд» позволило «Лидсу» украсть у нас чемпионский титул, его постоянно меняли или оставляли на скамейке, как только что-то не ладилось. И я понял, что если подобное случается даже с таким игроком, как Эрик, то уж мне-то, наверное, следовало терпеть, когда это происходило со мной.

Потом он сделал то, на что я, честно говоря, не мог решиться: попросил трансфер. Затаив дыхание, мы ждали развития событий. Многие считали, что тренер, который решится взять Кантону, – сумасшедший. Говорили, что это непостоянный футболист, который испортит атмосферу в команде. И вдруг, посреди всей этой болтовни, босс сделал решительный ход: 27 ноября 1992 года Эрик Кантона стал игроком клуба «Манчестер Юнайтед», а спустя некоторое время критики были посрамлены. Босс же оказался прав, его решение спасло клуб.

Вопрос о переходе Кантоны был поднят после того как стало ясно, что руководству «Юнайтеда» не удастся купить за три с половиной миллиона фунтов нападающего сборной и «Шеффилд Уэнсдей» Дэвида Херста. Тогда взоры были обращены на Эрика, и «Юнайтед» заполучил его всего за миллион.

В декабре мои отношения с боссом стали хуже некуда. Как-то раз в конце тренировки он сказал, что отправит меня в дубль. Я рассмеялся и сказал, что за дубль играть ни за что не буду. Он был просто ошарашен, а Стив Брюс посмотрел на меня так, словно хотел сказать: «Андрей, ты что, рехнулся?»

Ребята хранили молчание. У меня со всеми были хорошие отношения, и, думаю, они переживали за меня, предвидя, чем все может закончиться. Но я решил, что с меня достаточно. Я приехал в

Манчестер из Донецка не для того, чтобы играть за дубль. Неужели мне, игроку сборной, нет лучшего применения, чем в дубле? За прошедшие месяцы во мне многое накопилось, и я уже был не в силах сдерживаться.

Мистеру Фергюсону мое поведение, мягко говоря, не понравилось. Он не привык к тому, что игроки не выполняют его указаний. Мне самому было нелегко, но я понял, что настал момент, когда надо что-то делать. После тренировки босс вызвал меня к себе в кабинет. В этом кабинете находится все, что необходимо ему для работы, например, видеоманитофон для просмотра игр, а огромное окно выходит на поле. Даже если босс не присутствует на тренировке, можно быть уверенным, что он внимательно смотрит за всем происходящим. Мимо него не пройдет ничто: он видит все и мгновенно дает понять, если ему что-то не нравится. Находясь с ним в этой комнате с глазу на глаз, чувствуешь себя не очень уверенно – словно стоишь посреди ринга напротив Леннокса Льюиса.

И вот в тот незабываемый день я вошел в кабинет босса. Он смотрел на меня так, что не оставалось никаких сомнений в его чувствах. Затем спросил, было ли шуткой то, что я сказал насчет дубля. Я ответил, что полностью понимаю, чего он хочет, но отказываюсь это делать. Тут он взорвался, но я собрал всю свою волю в кулак и стоял на своем. Я решил: пусть он оштрафует меня, выставит на трансфер или отправит в Сибирь, но я все равно не буду играть за дубль. Он сказал, что если я не буду поддерживать форму, следуя его указаниям, то зачехлю на скамейке запасных, а потом, когда понадобится, буду не готов. Я ответил, что всегда буду готов, и ушел, трясясь от гнева. Все это было ужасно, но я не собирался идти на попятную.

Этот разговор преподал мне первый урок футбольного профессионализма: ты не должен говорить тренеру, что ему делать, твоя задача – выполнять его указания. Но Алекс Фергюсон не из тех, кто затаивает злобу на игроков, и поэтому, наверное, он и стал одним из самых выдающихся тренеров в истории британского футбола. Мне ужасно хотелось стать частью его успеха, но только время могло показать, удастся ли этой мечте сбыться.

На следующий день я тренировался с молодежной командой, а потом несколько недель с дублем. Замечание о том, что я могу зачех-

нуть на скамейке запасных, заставило меня задуматься. Если босс хотел встряхнуть меня, ему это удалось. Я упорно тренировался и после тренировок работал сам, чтобы не потерять форму. Тренеры – Эрик Харрисон, Поп Робсон и Джимми Райан – относились ко мне очень хорошо, и мне нравилось тренироваться у них. Они прекрасные специалисты, а уровень молодежной команды оказался на удивление высоким. Все ребята скромные, трудолюбивые, и от работы с ними я получал удовольствие. Как раз перед приходом Эрика тренировочные методы в клубе резко изменились. Брайан Кидд, еще один из тех, кто выиграл Кубок чемпионов 1968 года, побывал в Голландии и Италии, где изучал тренировочный процесс в «Аяксе» и «Парме», и вернулся с массой свежих идей. Совпавший с его возвращением приход Эрика явился сильнейшим стимулом для всех игроков.

Когда появился Эрик, мои шансы на возвращение в основной состав, казалось, стали еще меньше. Ли Шарп выздоровел после долгой болезни, и теперь они с Райаном Гиггзом стали регулярно играть на флангах. Хотя никто из них явно не испытывал удовольствия от игры на правом краю, дела команды пошли на поправку. Эрик мгновенно завел всю команду, и она наконец-то начала выигрывать.

Снова обретая уверенность в себе, получив поддержку от всей команды и поняв, что он всегда будет попадать в состав, Кантона играл все лучше и лучше. Летом мы оба были на чемпионате Европы в Швеции и выступили там примерно одинаково, но как по-разному сложились наши судьбы после этого!

В первом матче Эрика мы выиграли дома у «Норвича» – 1:0, а затем, 19 декабря, нам предстояло в гостях играть с «Челси». Я хорошо помню тот день, потому что в Лондон из Донецка прилетел Яремченко, специально, чтобы посмотреть на меня и обсудить мои дела с боссом. В команде было много травмированных, и я был почти уверен, что выйду на поле. Я отлично себя чувствовал и находился в прекрасной форме. Но выпустили меня всего лишь на последние 15 минут, однако этого было достаточно, чтобы мой донецкий тренер убедился, что я хорошо играю. Мы сыграли вничью – 1:1, и гол забил Эрик.

В ту субботу Яремченко остался с нами в Олтринхэме. Он сказал мне, что боссу мое будущее представлялось не особенно радостным.

Все та же история: я играю с опущенной головой, плохо выполняю навесы и к тому же нестабилен. Яремченко спросил, что я сам думаю по поводу всего этого. Я ответил, что пасы даю ничуть не хуже, чем раньше. Что же до английского стиля игры в линию в обороне, то он мне очень подходил, потому что в такой ситуации достаточно одного точного паса, чтобы вывести меня к воротам. Услышав про мою так называемую нестабильность, я улыбнулся: как же можно определить, стабилен я или нет, если я так редко играю? Точно такой же критике в свое время подвергался Эрик Кантона в «Лидсе».

Яремченко согласился со мной, но сказал, что я могу потерять место в сборной, если по-прежнему буду сидеть на скамейке. Он посоветовал мне подождать до конца сезона, а потом, если ничего не изменится, обещал поискать клуб, который будет больше во мне заинтересован. Разумеется, все это можно было сделать только с согласия босса, но мы надеялись, что он отпустит меня. Я иностранец и не играю в основном составе – на мой взгляд, это две довольно серьезные причины, чтобы босс захотел продать меня.

Кроме разочарования в профессиональной жизни, все остальное у меня было в порядке. Мы с Инной готовились к рождению маленького Канчельскиса – обследование показало, что у нас будет мальчик. Я был здоров, Инна счастлива. Чего еще требовать от жизни? Встречая Рождество в нашем шикарном доме, мы еще яснее ощущали свое счастье, вспоминая, как нелегко живется нашим друзьям и родственникам на родине.

Семьям футболистов очень трудно отмечать Рождество и другие праздники так, как это делают другие семьи. Тебе обязательно предстоит вскоре играть, поэтому нужно быть готовым к матчу, а стало быть, не пить, умеренно есть и много отдыхать. Рождество 1992 года ничуть не отличалось от остальных – через день нас ждал у себя «Шеффилд Уэнсдей».

За 20 минут до конца мы проигрывали – 1:3, и босс решил выпустить меня вместо Райана Гиггза. Мой товарищ по гостиничному номеру Брайан Макклэйр сразу же подключил меня к игре несколькими хорошими пасами. Я буквально летал по полю, а Брайан был бесподобен. Вскоре он забил свой второй гол в матче, а затем Кантона сравнял счет.



Без сомнения, эта игра стала переломной для нас. В каждом сезоне найдется матч, который ты можешь назвать ключевым на пути к успеху или, наоборот, к провалу. Теперь босс мог строить команду, которая, как он планировал, будет бороться за чемпионский титул. Он был не из тех людей, которые себе позволяют дважды подряд упускать заветную цель в последний момент. Мне же оставалось надеяться, что и я вхожу в его планы.

До того как к нам пришел Кантона, у нас была огромная проблема с забиванием голов. Перед матчем с «Шеффилд Уэнсдей» мы забili всего 20 мячей в 24 играх, а в трех следующих – в Шеффилде и дома «Ковентри» и «Тоттенхэму» – 12. О Кантоне заговорил весь город.

Может сложиться впечатление, что после того как меня посадили на скамейку, результаты команды стали лучше, но даже сейчас, по прошествии немалого времени, я не могу с этим согласиться. Не мой уход, а приход Кантоны дал новый заряд «Юнайтеду». Больше всего на свете я мечтал вновь получить место в составе этой возродившейся команды!

Я радовался за свой клуб, хотя переживал за себя. Мне приходилось несладко, но я не опускал рук и продолжал тренироваться, чтобы всегда быть готовым использовать шанс, который мне могут предоставить. Шанс появился раньше, чем я предполагал, – в гостевом матче с «Куинз Парк Рейнджерс», но, к сожалению, мне не удалось сыграть рядом с Кантоной, который в предыдущей игре получил травму и не смог выйти на поле. В центре играли Гиггз и Хьюз, а на флангах – мы с Шарпом. Команда в тот вечер была в потрясающей форме: мы выиграли – 3:1, и газеты на следующее утро всю расхваливали нашу быструю атакующую игру. Я забил один из голов и надеялся, что босс изменит свое мнение на мой счет. Увы, я заблуждался.

Домой после матча я приехал утром. Накануне Инна, как всегда по понедельникам, была на осмотре у врача. Я звонил ей из лондонского отеля, в котором мы остановились перед игрой, и все было нормально. Но к тому времени, когда я вернулся, Инна начала беспокоиться за ребенка. До этого он постоянно шевелился, а тут вдруг затих. На следующий день мы поехали в госпиталь, и нам сказали, что ребенок умер в утробе. По словам врача, чтобы извлечь мертвый плод, была необходима операция.

Следующие дни превратились в один сплошной кошмар. Гюзель, наша подруга из Стокпорта, постоянно находилась рядом с Инной, а мне разрешили ночевать в госпитале. Инна испытывала ужасную душевную и физическую боль. По ночам мы оплакивали нашего ребенка, которому так и не довелось увидеть свет.

Доброта и отзывчивость окружающих – и тех, кто был связан с клубом, и простых жителей Манчестера – поразили меня. Каждый день нам приносили сотни писем со словами поддержки от болельщиков «Юнайтеда». Наш дом был просто завален цветами и напоминал гигантскую оранжерею.

Все проблемы, которые я испытывал на футбольном поле, не стоили и выеденного яйца по сравнению со смертью нашего ребенка. Пережив настоящее горе, я перестал обращать на них внимание. Босс очень переживал за меня и сказал, чтобы я выбросил все из головы и заботился только о жене. И еще он сказал, что после моей игры против «Куинз Парк Рейнджерс» решил поставить меня на матч Кубка Англии против «Брайтона».

Джон, капеллан «Юнайтеда», не жалея сил и времени, помогал нам с Инной организовать похороны. Через Брайана Робсона и Стива Брюса ребята передали, что хотели бы прийти и поддержать нас, но, подумав, мы решили, что будет лучше, если придет один представитель от игроков. Им стал мой добрый друг, с которым мы всегда жили вместе во время выездов, Брайан Макклэйр. Он пришел вместе с Алексом Фергюсоном, Брайаном Киддом, Кеном Мерреттом и некоторыми другими работниками клуба. На могильной плите была простая надпись: «Канчельскис». Мы даже не успели придумать имя нашему сыну.

После этой ужасной потери у меня не было ни малейшего желания играть в футбол. До сих пор не могу понять, как я сумел все это пережить. Наверное, сила воли. Я все-таки не опустил рук, продолжал работать и тренироваться – и это помогло.

Я вернулся к тренировкам на «Клиффе» так скоро, как только смог. Было приятно вновь оказаться вместе с ребятами. Все относились ко мне очень доброжелательно и старались подбодрить. В этот период я осознал, какие отличные, душевные парни подобрались в «Юнайтеде».

«Манчестер Юнайтед» изо всех сил старался стать клубом номер один. В этой гонке имена и репутация ничего не значат. Одиннадцать человек борются против одиннадцати, и за второе место не полагается никаких призов. Мне говорили, что клуб не выигрывал чемпионат 26 лет, после того как с поста тренера ушел один из величайших героев футбола – сэр Мэтт Басби. После него многие тренеры пытались добиться такого успеха, но бесполезно.

В то время я был очень занят своими проблемами. Мне казалось, что я играю достаточно хорошо, чтобы получить постоянное место в основном составе. Тренеры сборной уже стали интересоваться, что происходит, и дать им ответ я мог только игрой. В распоряжении босса были три фланговых игрока, и он остановил свой выбор на Гиггзе и Шарпе. Тренировать такой клуб, как «Манчестер Юнайтед», нелегко, но босс был достаточно добр, чтобы показать мне, что понимает мои чувства. Он обещал поговорить с моим агентом в конце сезона.

Я не лез в бутылку, но тот сезон стал для меня печальным опытом: я сыграл лишь 11 полных матчей. Находясь на поле и видя, что готовится замена, я с ужасом смотрел на стоявшего у кромки физиотерапевта Джимми Макгрегора, боясь, что он сейчас поднимет табличку с цифрой «7». После матча с «Куинз Парк Рейнджерс» я попадал в стартовый состав четыре раза – всегда на выезде – и в трех случаях не доиграл до конца. В одном из этих матчей – против «Норвича» – я забил гол. Я играл хорошо, как и вся команда, которую на следующий день расхвалили газеты. До конца оставалось минут 15, когда у боковой линии я увидел Джимми, державшего за спиной таблички и не открывавшего секрета до последней минуты. Естественно, я начал волноваться, но к моему облегчению выяснилось, что уйти с поля должен игрок под номером «10». Я был счастлив, но затем вдруг получил удар: оглядываясь вокруг, я не видел игрока с номером «10», а потом заметил, что некоторые ребята как-то робко показывают на меня. Я просто забыл, что в том матче вышел вместо травмированного Марка Хьюза под десятым номером. И вот в мгновение ока радость сменилась горьким разочарованием. Уходя с поля, я даже не пытался скрыть свои чувства.

Следующую игру – дома против «Шеффилд Уэнсдей» – я

пропускал из-за матча за сборную. Если раньше я сказал, что матч с этим клубом на «Хиллсборо» стал для нас ключевым, то ответная встреча была не менее важна, поскольку в тот момент мы вели упорную борьбу за чемпионский титул с «Астон Виллой».

Матч получился очень напряженным. Главный судья потянул мышцу и был заменен лайнсменом. Тот пробыл на поле лишь несколько минут и назначил пенальти в наши ворота. Джон Шеридан его реализовал. За пять минут до конца, когда казалось, что мы вот-вот потеряем три очка, Стив Брюс сравнял счет после углового, поданного Денисом Ирвином. 90 минут истекли, пошла 91-я, затем 92-я, 93-я, 94-я... «Уэнсдей» уже явно выдохся, а мы рвались вперед, стремясь к победе. Развязка наступила неожиданно: Гари Паллистер получил мяч на правом фланге и сделал точную передачу под удар головой Стиву Брюсу. В итоге наш капитан забил два мяча с пасов товарищей по обороне. Если кому-то и требовались доказательства решимости и отваги «Юнайтеда», то этот матч, названный «97-минутной игрой», их предоставил сполна. Брайан Кидд, что на него совсем не похоже, выскочил из углубления, в котором находится скамейка запасных, выбежал на поле и упал на колени, радуясь победному голу. Он так не вел себя даже в тот момент, когда забил гол в финале Кубка чемпионов 1968 года. Босс тоже выбежал на поле, но потом вдруг осознал, что делает, и, съездившись, вернулся на место.

Я был зрителем на трибуне «Театра мечты», как называют манкунианцы «Олд Траффорд», а хотел быть актером. Мне даже не нужно было главной роли – просто хотелось стать членом труппы. После этого матча наших ребят было не остановить. «Астон Виллу», должно быть, шокировало такое чудесное спасение «Юнайтеда».

Мы стали чемпионами перед последним матчем – дома с «Блэкберном». Накануне вечером мы узнали, что «Олдхэм» победил «Астон Виллу», а значит, титул наш. Стив Брюс, наш капитан, пригласил всех к себе отпраздновать это историческое событие. Мы все были счастливы. На следующий день стадион окутала карнавальная атмосфера. Босс выпустил меня на замену, чтобы и я насладился праздником. А после матча – новые торжества и море шампанского.

Мне было жаль, что я так мало сыграл в том сезоне. Даже на замену выходил в основном в гостевых матчах. Должно быть, у всех

сложилось впечатление, что в гостях я играю лучше, чем дома. Разумеется, постоянные зрители на «Олд Траффорде» не могли оценить мою игру, но я чувствовал, что их горячая поддержка могла подвинуть меня на чудеса.

На следующее утро после матча с «Блэкберном» я встретился с боссом, чтобы обсудить мою ситуацию. Он находился в приподнятом настроении, улыбался, шутил и, казалось, не понимал, вокруг чего весь этот шум. Я – ценный член великолепной команды. Все ребята и тренеры хотят, чтобы я остался. Он понимает причины моего разочарования, но просит быть терпеливым. Все изменится. Если он не сдержит своего слова, мы вернемся к этому разговору в следующем сезоне. Мистер Фергюсон только что добился того, чего за 26 лет не мог добиться ни один тренер «Юнайтеда». Я с ним не разговаривал с глазу на глаз с тех пор, как отказался играть за дубль. Он имел полное право быть счастливым. Что бы там я ни думал, команда, которую он выбрал, победила. Но, разговаривая со мной, он держался спокойно и скромно, практически не упоминая о чемпионском титуле, который он вернул Манчестеру. Он не переживает подолгу успех или неудачу. Вчерашний день – уже история. Во время нашего разговора было ясно, что он уже думает о том, как еще лучше сыграть в следующем сезоне. И вот, войдя в этот кабинет полным решимости покинуть клуб, я через полчаса был убежден им в том, что нужен команде и что он будет очень огорчен, если я попрошу трансфер. Он высоко ценил меня и не хотел терять.

Босс улыбался мне и смотрел добрым взглядом, разительно отличавшимся от того, каким пронзал, словно лазером, во время нашего разговора зимой. Он был рад и горд тем, что доказал неправоту всех критиков. Ему ведь тоже пришлось выдержать жестокую битву, из которой он вышел победителем. Глядя на него, я начинал проще относиться к своему неуютному положению. Босс – суровый человек, но очень тонко чувствует и понимает истину, которую открывает футбол.

В конце разговора Алекс встал и пожал мне руку. «Мне нужно бежать на телевизионное интервью, – сказал он. – Не забудь привезти мне из отпуска баночку икры». Босс действительно уже думал на несколько шагов вперед.

### ТРЕТИЙ СЕЗОН

Алекс Фергюсон, вне всякого сомнения, умеет выигрывать. С тех пор как я пришел в «Юнайтед» в 1991 году, команда завоевала Кубок кубков, Суперкубок Европы, Кубок английской лиги, Кубок Англии и дважды – чемпионский титул. К этому можно добавить две победы в Суперкубке Англии и второе место в чемпионате. Постоянно продолжает пополняться трофейный зал «Олд Траффорда» и после моего ухода: в нем теперь есть даже еще один Кубок чемпионов.

Во многом достижения босса объясняются его трудолюбием. Он посвящает работе буквально все свое время и всегда первым приезжает на «Клифф», чтобы до начала тренировки сделать массу дел. В наших тренировках он любил принимать самое активное участие и всегда очень радовался, если ему удавалось дать хороший пас во время двусторонних игр. Я не переставал удивляться тому, что, когда он забивал гол, выводивший его команду вперед, игра тут же прекращалась, так что этот гол становился победным. Видимо, босс по-прежнему хотел быть игроком.

После матча он иногда бывал рассержен, но если это выездная игра, то быстро отходил за карточным столом в компании Паллистера, Инса и Брюса, и тогда создавалось впечатление, что они просто отправились в увеселительную поездку.

Поражение в чемпионате 1991/92 приоткрыло новую черту характера босса, о которой я раньше не подозревал. Клуб, как никогда за четверть века, был близок к победе, но когда все кончилось и



битва была проиграна, босс, казалось, несколько не расстроился; он просто сказал, что мы провели хороший сезон и не стоит лить слезы. Он никого и ничто не обвинял, не стонал по поводу того, что нам пришлось провести пять заключительных игр за очень короткое время. Нет, все было кончено, и сетовать не стоило. Мысли босса мгновенно переключились на будущее, словно прошедший сезон был лишь подготовкой к победе в новом чемпионате, словно все это являлось частью некоего грандиозного плана. Он считал, что мы получили бесценный опыт и что нельзя научиться выигрывать, не проигрывая.

И когда в следующем году «Юнайтед» наконец выиграл чемпионат, мистер Фергюсон принял победу так же, как и поражение: конечно, он был безмерно счастлив, но не переступил никаких границ.

Мои мысли возвращаются к игре с «Блэкберном», которую мы проводили уже в ранге чемпионов. Я снова был отправлен в запас, но босс подошел ко мне и сказал: «Я выпущу тебя на поле во время матча. Этот сезон был для тебя неудачным, но в следующем все изменится». А потом он провел неожиданную установку – неожиданную в том плане, что это была совершенно обычная установка, словно от результата матча зависела наша победа в лиге. Но для босса это была действительно обычная игра. Зрители хотели видеть чемпионский футбол, а не чемпионское чванство, и босс уже забыл или на время перестал думать о нашей победе. Казалось, что это новость вчерашнего дня, а сегодня надо было думать о дне завтрашнем.

В следующем сезоне я вновь попал в стартовый состав. Это было прекрасное чувство – понимание того, что после прошлых неудач у тебя есть новый шанс зарекомендовать себя. В тот момент, когда босс делал установку на игру с «Блэкберном», думаю, он уже помышлял о предстоящем дубле, а может, и о хет-трике, который нам едва не удался.

Когда же в 1994 году мы сделали дубль, мысли босса, наверное, обратились к Европе. Три года подряд его выбивали из еврокубков испанцы, русские и турки, и теперь Фергюсону, боровшемуся с правилом трех иностранцев, приходилось искать новые решения. Победа в чемпионате была чрезвычайно важна и для тренера, и для клуба. Кубок чемпионов сменил название на Лигу чемпионов и пре-

вратился в групповой турнир, так что нам были гарантированы по крайней мере шесть матчей до четвертьфинала.

В тени команды, состоявшей из опытных игроков, босс взрастил группу молодых футболистов, которые пришли в клуб вместе со мной. Всем тогда было по 16, и прямо из школы они попали в юношескую команду. Теперь им стало по 19, и Фергюсон, чтобы дать им место в составе, приготовился отпустить ветеранов – Майка Филена, Брайана Робсона и Клэйтона Блэкмора, а чуть позже, в ходе сезона, продал в «Ковентри» Дайона Дублина.

Многие тренеры были бы настолько удовлетворены достигнутым за три года успехом, что на месте босса могли бы уйти в отставку. Но босс всегда ставил перед собой все более высокие цели. Когда я слышал разговоры о великих звездах прошлого, в них всегда упоминались имена Дункана Эдвардса, Джорджа Беста, Бобби Чарльтона и Дениса Лоу. Но величайшим из всех был сэр Мэтт Басби, ставший легендой «Юнайтеда». Мистер Фергюсон теперь тоже присоединился к этому элитарному клубу и по праву может сам считать себя легендой.

Я уверен, что главной целью босса была победа в Кубке чемпионов, которой в 1968 году добился сэр Мэтт Басби. Этот успех ему удалось повторить в 99-м, но и тогда он не посчитал, что настало время уйти на покой. Значит, просто не может прожить без столь волнующей работы, какой является работа тренера такого великого клуба.

Кабинет сэра Мэтта, который во времена моего пребывания в «Юнайтеде» еще был жив и занимал пост почетного директора, находился возле главного офиса. Дверь всегда была открыта, так что проходящие мимо могли увидеть и поприветствовать его. Как и другие, я всегда заходил и здоровался с ним, но при этом не был уверен, знает ли он, кто я такой. В его глазах постоянно вспыхивала какая-то искорка, когда он говорил мне, что нужно «продолжать бороться». Он умер накануне жеребьевки чемпионата Европы 1996 года, которая состоялась за день до нашей домашней игры с «Эвертоном». Это было странное совпадение – все представители международного футбола собрались в то время в Манчестере и проводили в последний путь этого доброго и порядочного джентльмена, равного которому в любви к футболу и понимании его не найти.

Когда я прибыл в Манчестер, помощником босса был Арчи Нокс. Они с Фергюсоном, похоже, были большими друзьями. Вместе приехали они на «Айброкс» в 1991 году, чтобы посмотреть на меня во время матча сборных СССР и Шотландии. Мне нравился Арчи, и я жалел о том, что он ушел в «Глазго Рейнджерс» как раз в тот момент, когда я приспособливался к его тренировочной системе. Его место занял Брайан Кидд, до этого работавший с юношеской командой. Как потом оказалось, более удачного выбора «Манчестер Юнайтед» сделать не мог.

За время своей карьеры Брайан играл в «Арсенале», «Эвертоне» и «Манчестер Сити», а взращен был сэром Мэттом и Джимми Мерфи, которые воспитали его в духе традиций «Юнайтеда». В возрасте 19 лет в 1968 году он забил гол в финале Кубка чемпионов на «Уэмбли».

Брайан к своей работе тренера относился очень серьезно и тщательно планировал ежедневные упражнения. После тренировок он всегда готов был позаниматься отдельно с любым желающим. Алекс постепенно передал Брайану управление всем тренировочным процессом и послал его в Италию и Голландию для изучения опыта «Пармы» и «Аякса».

Брайан – верный помощник мистера Фергюсона и никогда не выставлялся напоказ. Все интервью для прессы и телевидения он оставлял боссу. И хотя его имя редко появлялось в печати, успех нашей команды во многом был определен его участием.

Киддо, как мы его называли, – верующий католик, и, когда мы отправлялись на выездные игры по воскресеньям, он первым же делом узнавал, где находится ближайший собор, и шел на мессу.

Вообще тренировочная система в клубе организована очень хорошо, и каждый из тренеров, работавших с нами, вносил свой вклад в общее дело: Джим Райан, Эрик Харрисон и Поп Робсон проводили игроков по этой системе, и их успех в этом деле говорил сам за себя. Они всегда поддерживали друг друга, и их верность делу и дружелюбие передавались футболистам. Каждый из них заботился обо мне так, что я быстро почувствовал себя как дома. За это я благодарен и Джимми Макгрегору, бывшему физиотерапевту клуба, который был мне добрым и отзывчивым другом, пытавшимся поддер-

жать в любой момент. Мне было жаль, когда он покинул «Олд Траффорд», но надо сказать, что и его преемник Дэйв Февр, пришедший в футбол из регби, тоже произвел на всех прекрасное впечатление своим профессиональным и спокойным отношением к делу.

И все же Джимми Макгрегор остается для меня самым лучшим специалистом, с каким мне посчастливилось работать. И я не единственный, кто так ценит его. Достаточно сказать, что, когда он уходил из «Юнайтеда», семь команд премьер-лиги пытались заполучить его. Но Джимми предпочел открыть в Манчестере собственную практику. А игроки «Юнайтеда» до сих пор обращаются к нему за советом – естественно, тайком от Фергюсона, который страшно разозлился бы, узнав, что они консультируются у специалиста со стороны, игнорируя клубного физиотерапевта. Очень часто приходилось и мне прибегать к услугам Джимми, в каком бы клубе я ни играл. Я всегда знал, что лучше чем он, мне никто не поможет.

Наша добившаяся успеха команда представляла собой тщательно выверенный химический состав. Конечно, главным ингредиентом в нем был Кантона, но сам он первым признавал, сколь многим обязан таким игрокам, как Кин, Инс и Хьюз. Смесь силы, решительности и воли к победе каждого из этой тройки равна сумме этих качеств в целых командах. Закрывая глаза, я вспоминаю, как Кин забил победный гол на последних секундах матча с «Манчестер Сити»; как Инс отобрал мяч у двух защитников «Барселоны», после чего Ли Шарп сравнял счет. А кто может забыть удар Марка с лета на «Уэмбли», давший нам еще один шанс в Кубке Англии?

Эрик расцвел на «Олд Траффорде», наслаждаясь неповторимой атмосферой и теплотой, царившими на трибунах. Он был прирожденным форвардом, создававшим и забивавшим голы, великолепный в воздухе и бесподобный на земле.

Для меня же новый сезон начался примерно так же, как и предыдущие. Было заметно некоторое улучшение, но в целом я предвидел, что буду то попадать в состав, то выпадать из него, и второе, возможно, будет происходить чаще. Мы начали с двух побед – над «Норвичем» (2:0) и «Шеффилд Юнайтед» (3:0), но за 20 минут до конца домашнего матча с «Ньюкаслем» меня заменили. К тому времени мы вели 1:0, и буквально через минуту после моего ухода с по-

ля Энди Коул сравнивал счет. В следующем туре мы красиво обыграли в гостях «Астон Виллу» – 2:1, но затем меня не включили в стартовый состав на матч с «Саутгемптоном». Потом я появился в составе против «Вест Хэма» (мы выиграли – 3:0), после чего из шести матчей провел лишь один – с «Суиндоном» (мы победили – 4:2, и я забил гол). Меня использовали только в играх Кубка лиги.

Босс говорил мне, что я играю хорошо, но ему приходится думать о еврокубках, и, выбирая состав на матчи чемпионата, он держал в голове тот вариант, который должен играть в Европе. Понятно, что меня он в расчет на международные матчи не принимал, и мне, судя по всему, оставалось ждать, пока нас выбьют из Кубка чемпионов. Только тогда я сумею получить постоянное место в составе. Четыре игры с «Кишпешт-Гонведом» и «Галатасараем» я пропустил, а турецкий клуб тогда не позволил нам пробиться в групповой турнир Лиги чемпионов (мы оба раза сыграли вничью, и «Галатасарай» получил преимущество за счет голов, забитых на «Олд Траффорде»).

Алекс Фергюсон был очень разочарован выступлением в Европе и, вернувшись из Стамбула, тут же позвал меня к себе. Он сказал, что даст мне шанс – сумею ли я его использовать, зависит только от меня. Я буду играть в очередном матче – местном дерби против «Манчестер Сити» на «Мэйн Роуд». Выбравшись из турецкого вулкана, мы сразу же попадаем в другой, поскольку дерби всегда проходят очень напряженно.

Ребята вернулись из Турции в четверг утром, и, хотя игра с «Сити» была назначена на воскресенье, они, должно быть, ощущали последствия перелета. Мы проигрывали к перерыву 0:2, несмотря на то, что играли хорошо. Босс убеждал нас, что, продолжая в том же ключе, мы непременно чего-нибудь добьемся. Действительно, после перерыва Кантона забил два гола (я был заменен прямо перед вторым), а за четыре минуты до конца, когда «Сити» усилил давление, Кин провел победный мяч. Нет чувства более приятного, чем то, которое испытываешь, когда ты и твоя команда сделали невозможное и превратили мечту в реальность. Я говорю о мечте болельщиков, которые в первую очередь хотят, чтобы мы были лучшими в своем городе.

В следующем матче – мы дома выиграли у «Уимблдона» (3:1) – я забил гол. А затем, во время ничьей с «Ипсвичем» (0:0), меня заменили за полчаса до конца игры. Зрители были недовольны и открыто продемонстрировали свои чувства по поводу замены.

Так все и продолжалось до матча с «Ньюкаслем» на «Сент-Джеймс Парке» 11 декабря. Счет не был открыт, когда я вышел на замену. Не скажу, что я очень уж хорошо играл, но дал Инсу голевой пас. Насколько я могу судить, именно в этот момент босс решил поверить в меня. Наконец-то я получил место в основном составе. Теперь мы должны были настроиться на то, чтобы стать первым в истории клубом, выигравшим все три национальных турнира – чемпионат, Кубок Англии и Кубок лиги.

В конце предыдущего сезона Фергюсон уверял меня, что мое время придет. Мне вообще-то казалось, что оно шло слишком долго, но все равно босс был верен своему слову. Теперь я отплачу за доверие ему, а также болельщикам – особенно тем, которые во время полуфинала Кубка Англии на стадионе «Мэйн Роуд» скандировали мое имя и пели песенку в честь Канчельскиса. Мой контракт истекает в конце сезона, но я сделаю все, чтобы обеспечить успех и доставить удовольствие. Я не мог избавиться от воспоминаний о том, как в мой первый сезон борьба на всех фронтах привела к тому, что мы упустили победу в чемпионате. Но ведь не может такое повториться дважды!

Через десять дней после матча с «Ньюкаслем» у нас с Инной родился ребенок – Андрей Андреевич Канчельскис. После трагической потери нашего первенца мы наконец-то стали счастливы – мальчик был совершенно здоров.

Теперь уж ничто не помешает мне добиться своего: у меня есть сын, я снова в составе – успех обязательно придет ко мне!

Это был еще один хороший сезон для нашей команды. К марафонской гонке за чемпионским титулом прибавились два турнира, менее продолжительные, но не менее напряженные – Кубок Англии и Кубок лиги, и это лишь придавало нам дополнительную душевную энергию. Оставалось только узнать, хватит ли нам сил и выносливости выдержать такую нагрузку.

Ключевым моментом сезона стал выездной матч с «Ливерпулем».



К перерыву мы выигрывали 3:1, и я никогда не видел, чтобы Алекс Фергюсон был так доволен нашей игрой. Второй тайм, однако, сложился совсем иначе, и нам повезло, что мы спасли хоть очко – 3:3. Босс был в бешенстве и наговорил некоторым игрокам массу довольно обидных вещей. Но на следующее утро он собрал нас, чтобы все уладить, и обстановка в команде снова стала нормальной.

После этого мы выиграли три матча подряд, но затем вдруг сыграли вничью на «Аптон Парке» с плохоньким «Вест Хэмом» и проиграли «Челси». За этим последовала прекрасная победа над «Шеффилд Уэнсдей» – 5:0, а потом травма не позволила мне принять участие в матчах против «Суиндона» и «Арсенала», закончившихся вничью. В этот момент скептики начали подумывать о том, что мы можем проиграть все три турнира. Эрика удаляли с поля в обоих матчах – и с «Арсеналом», и с «Суиндоном». Фортуна, похоже, вновь поворачивалась к нам спиной. «Блэкберн» побил нас на «Ивуд Парке» – 2:0 (оба гола забил Алан Ширер), и его шансы в борьбе с нами за чемпионский титул резко возросли, тем более что нам приходилось разрываться, а Кантона был дисквалифицирован на шесть матчей. Новая катастрофа: Шмейхелю показали красную карточку в четвертьфинальном матче Кубка Англии против «Чарльтона», а это означало, что он пропустит финал Кубка лиги на «Уэмбли» 27 марта. Нам не повезло – в финале мы проиграли «Астон Вилле» – 1:3, но результат никоим образом не отражал хода игры. Особенно обидно было мне: пытаюсь предотвратить третий гол, я сыграл рукой и был удален. Что ж, судья действовал по правилам. Это было первое удаление в моей жизни. Прогулка от ворот до раздевалки оказалась очень долгой.

Вот так и получилось, что в течение нескольких недель всех иностранцев «Юнайтеда» – Кантону, Шмейхеля и меня – постигла одна и та же участь: мы были удалены и дисквалифицированы. Команда проиграла Кубок лиги, «Блэкберн» наступал нам на пятки в чемпионате, а мне предстояло пропустить полуфинал Кубка Англии против «Олдхэма» на «Уэмбли» 10 апреля. Этот матч всегда будут помнить как матч Марка Хьюза. На последних секундах дополнительного времени он сравнял счет. Что это был за гол! Только Хьюз мог нанести такой удар с лета в столь напряженный момент. Про-

махнись он – и мы бы проиграли. А кое-кто утверждает, что если бы Марк не забил, мы упустили бы и победу в чемпионате. В переигровке полуфинала на «Мэйн Роуд» я уже мог участвовать, а матч чемпионата против «Лидса» был перенесен на следующую неделю. На поле «Элланд Роуд» мог появиться и Эрик, поскольку теперь повторный полуфинал становился последней из шести игр, на которые он был дисквалифицирован.

Я никогда не забуду гол, который забил «Олдхэму» на «Мэйн Роуд», можно сказать, решив вопрос о победителе. Я получил мяч на правом краю, и путь вдоль бровки был перекрыт. Осмотревшись, я решил идти влево, время от времени разворачиваясь и останавливаясь. Наверное, со стороны я был похож на автомобиль, который едет по скоростному шоссе и пытается найти съезд с него.

Возможно, я зашел слишком далеко и упустил самый удачный момент для продолжения атаки. Мяч был у меня на левой ноге, и поэтому никто не ожидал удара. А я вдруг решил попробовать пробить по воротам. Сильно бить не требовалось – я находился прямо напротив ворот, нужно было лишь точно закрутить мяч подальше от вратаря. В тот момент, когда мяч отрывался от моей бутсы, я точно знал, где он окажется. Гол! Левоу!!! Мы были на пути к «Уэмбли», а я оказался героем. Что ж, этот гол стал наградой тем, кто поддерживал меня и хотел, чтобы я остался в клубе. После моего удара на 15-й минуте игры счет стал 2:0 (первый гол забил Ирвин), и теперь никто уже не сомневался в нашей победе. В итоге мы выиграли – 4:1 и получили право сыграть в финале против «Челси». Этот вечер я не забуду никогда. Брайан Робсон давал мне прекрасные пасы на протяжении всего матча, и я получал огромное удовольствие от игры. А затем, когда мы покидали поле, случилось нечто неожиданное. Я слышал все нарастающий шум на трибунах. Зрители что-то скандировали. Но что? Может, мне кажется? Может, я недостаточно хорошо знаю английский? Но нет, я расслышал все правильно. Трибуны скандировали: «Андрей должен остаться», – этот призыв звучал все громче и громче.

Никогда еще мне не приходилось испытывать такие чувства на футбольном поле. Тысячи болельщиков ясно давали понять, что не хотят, чтобы меня продавали в другой клуб. И хотя я всегда созна-

вал, что болельщики на моей стороне, впервые их поддержка была выражена столь открыто. Их чувства благодаря прессе, телевидению и радио стали известны не только мне, но и всей стране. Я был тронут до глубины души. Мне казалось, что отношение всего мира ко мне изменилось в течение одного вечера – от безразличия до восхищения.

В последующие дни я получил массу писем от болельщиков, просивших меня не уходить. Несколько сотен поклонников «Юнайтеда» составили трогательную петицию. Возле каждой подписи было или доброе пожелание, или восторженная оценка моей игры, или даже хвалебные стихи. Там были автографы людей всех возрастов. Я навсегда запомнил, что написала 72-летняя Мэри Вуд: «Дорогой Андрей, я уже пенсионерка, мне много лет, и я знаю, когда передо мной хороший футболист. Пожалуйста, останься».

Но от меня ничего не зависело. Фергюсон и председатель правления клуба назначили мне встречу в ближайшее время, чтобы обсудить мое будущее. Мой контракт истекал, и мне предстояло узнать, собираются ли они продлить его и если да, то на каких условиях. Вот так все просто.

Через три дня после победы в полуфинале над «Олдхэмом» мы проиграли «Уимблдону». Играть на «Селерст Парке» против так называемой «Сумасшедшей банды» всегда нелегко. Мы не показали ничего особенного и потерпели очень досадное поражение.

Но несмотря на эту неудачу, победа над «Олдхэмом» придала нам новых сил. Мы по-прежнему думали о дубле. В ближайшие дни нам предстояло принимать «Манчестер Сити» и ехать к «Лидсу» на «Элланд Роуд». Это были подходящие матчи, чтобы проверить свои возможности. Болельщики «Лидса» могут быть очень недружелюбными, и мы гордились тем, что нам своей игрой удалось заставить их молчать. Они даже не оскорбляли Кантону, которого, естественно, считали главным злодеем, поскольку он перешел к нам из их клуба. Мы выиграли – 2:0, я забил первый гол. Это была важнейшая победа, которая показала силу нашего характера. Фергюсон полагал, что игра с «Лидсом» была одной из лучших для нас в том сезоне.

Мы стали чемпионами незадолго до финала Кубка. Благодаря это-

му у нас была такая роскошь, как целая неделя для подготовки к игре против команды Дмитрия Харина. Никогда до этого в финале Кубка Англии не играли россияне. Теперь же их оказалось сразу двое.

Это был великий день. Я любил играть на «Уэмбли» перед полными трибунами. Поле этого стадиона, наверное, ничем не отличается от остальных, но мне кажется, что на нем у меня всегда было больше возможностей и места для рывков. Атмосфера наэлектризована, ведь финал – это награда для болельщиков из обоих лагерей за их поддержку в течение всего сезона.

«Манчестер Юнайтед» сделал дубль, и торжества длились всю ночь. Мне было жаль, что в игре не принял участия Брайан Робсон, ведь он заканчивал карьеру и собирался стать тренером. В отеле после игры председатель правления торжественно поблагодарил его за выдающиеся заслуги перед клубом. Это был грустный момент. Мы с Инной уехали пораньше, чтобы к утру вернуться в Манчестер: нам предстояло крестить Андрея Канчельскиса-младшего.

Робсон оказывал мне самую большую поддержку в «Юнайтеде». Перед каждой игрой он тихонько рассказывал мне на ухо что-нибудь о соперниках и особенно о том футболисте, который будет играть против меня. Еще он говорил, что, если ему удастся стать тренером в каком-нибудь хорошем клубе и если «Юнайтед» захочет продать меня, он будет первым в списке покупателей (и жизнь показала, что это были не пустые слова). Хотя к тому времени, когда «Юнайтед» достиг пика, Брайан уже перестал быть капитаном команды, и его карьера постоянно прерывалась из-за травм, авторитет и влияние этого игрока невозможно переоценить. У него всегда находилось время, чтобы поднять наш боевой дух. В истории «Юнайтеда» бывали и более популярные игроки, чем Брайан, но никто не был столь отважным и никто так не умел настраивать товарищей, чтобы они отдавали игре все. Я всегда буду помнить, что он сделал для меня, как заставил поверить в себя, как часто поощрял и хвалил. Надеюсь, я оправдал его ожидания.

За неделю до финала мои представители встретились с председателем правления клуба Мартином Эдвардсом, Алексом Фергюсоном и адвокатом Морисом Уоткинсом. Мне предложили пятилетний контракт на условиях, которые ставили меня в один ряд с са-

мыми высокооплачиваемыми игроками клуба. Значит, мои старания были оценены и меня хотели оставить. Это для меня очень много значило. До этого я уже привлекал внимание других клубов из Европы, но, имея контракт с «Юнайтедом», отказывался от переговоров. Разумеется, если бы клуб хотел продать меня до истечения контракта, я бы интересовался другими предложениями, особенно во второй год, когда чувствовал, что иду в никуда. Но «Юнайтед» не вел речи о моей продаже, и я решил быть верным клубу до конца своего первого, трехлетнего контракта, чтобы предоставить руководству право выбора. Его ответ был быстр и щедр.

Когда нас с Мартином Эдвардсом фотографировали в его кабинете, меня охватила теплая волна удовлетворения. Председатель выглядел очень довольным, когда я ставил свою подпись на контракте, и сказал, что боялся потерять меня, поскольку за моими выступлениями пристально следили в Италии, Голландии и Германии. Мы пожали друг другу руки, и он пожелал мне удачи в будущем с его клубом.

Мне по-прежнему было трудно надеяться на то, что я попаду в состав, который будет играть в еврокубках, но все же, понимая, как европейский состав влияет на решения тренера при определении варианта на внутренние матчи, я хотел, чтобы меня, по крайней мере, принимали в расчет. Меня не покидало чувство, что решение обойтись без меня в матче в Стамбуле с «Галатасараем» было ошибочным.

В течение трех месяцев моя репутация невероятно возросла. Из суперзапасного я превратился в одного из ведущих игроков клуба. При этом я понимал, что не стал играть лучше, чем раньше; просто мне дали шанс проявить себя, которого не может быть, когда ты сидишь на скамейке.

Я был по-настоящему счастлив. Мне было нелегко добиться того, чего я все-таки добился: меня слишком часто и слишком легко заменяли. Но все-таки я доказал, что кое-чего стою. Это было видно по лицу председателя.

Одна из стен моего дома была увешана медалями, выигранными с «Юнайтедом». Там были и фотографии: мы с товарищами по команде совершаем круг почета с Кубком чемпиона страны и с Куб-

ком Англии. Каждый раз, глядя на эту стену, я понимал, как мне повезло: большинство игроков могли только мечтать об этих медалях и трофеях. Сегодня в моем новом доме в Ист Гринстеде, южном пригороде Лондона, коллекция наград занимает более скромное место: я уже порядком на них насмотрелся, а пускать пыль в глаза окружающим не вижу смысла. Тому, кто знает меня как футболиста, о моих достижениях и так хорошо известно. Ну, а тем друзьям и знакомым, для которых моя футбольная карьера не так важна, я не докучаю рассказами о своих подвигах и демонстрацией трофеев. Если они приходят в мой дом, значит, ценят меня не как знаменитого игрока, а как человека, и для меня это важнее.

А медали, кубки и другие призы обрели свое место на полке возле лестницы, ведущей на мансарду, где находятся комнаты наших детей. Каждый раз, отправляясь к себе, Андрюшка проходит мимо них и иногда задерживается на минутку, берет в руки какую-нибудь блестящую вазочку или статуэтку. Быть может, когда-нибудь это приведет к тому, что он захочет пополнить нашу семейную коллекцию? Что ж, я не возражаю, даже напротив, мне будет приятно. Но я не хочу оказывать на него давление, пусть сам ищет свой путь в жизни. Впрочем, футбол ему нравится, и он играет нападающим в команде своей школы. А что будет дальше – поглядим.

Летом 94-го я впервые за четыре года сумел по-настоящему отдохнуть. Не могу сказать, что это меня особенно радовало, поскольку такой шанс я получил благодаря добровольному отречению от чемпионата мира в США и упустил, как выяснилось впоследствии, единственный шанс принять участие в величайшем турнире на планете. Но об этом я расскажу чуть позже.

А тогда я смог полностью отключиться от футбола на целый месяц. Мы с Инной взяли ребенка и поехали домой. Андрюшкиным бабушкам не терпелось его увидеть. Потом мы оставили сына с ними на пару недель и вместе с семьями Олега Кузнецова и Алексея Михайличенко поехали отдохнуть в Испанию, в Марбелью.

Это шикарное место с экзотическими садами и роскошными отелями. Номера в них похожи на дворцовые покои – кругом мрамор и золото. Там находится теннисная школа Мануэля Сантаны, и мы много времени проводили на корте, правда, играли не ракетками,



а ногами и головой. Даже во время каникул мы не могли забыть о футболе.

В один из дней мы провели товарищеский матч сборных России и Украины: Кузнецов играл в паре с Михайличенко, а я – с Олегом Романцевым. Не помню, кто победил, но было весело.

### НАКОНЕЦ-ТО УСПЕХ!

Первая половина сезона 1994/95 прошла хорошо. Я играл в каждом матче и часто забивал. В меня поверили, и это придало мне сил и позволило войти в ритм.

Было непривычно и очень волнительно слышать похвалы своей игре от специалистов и журналистов. Они еще больше вдохновляли меня. Приятно сознавать, что такие авторитетные люди, как Кевин Киган, Рон Аткинсон, Тревор Брукинг, Рэй Уилкинс и другие, на твоей стороне.

По природе я атакующий игрок и люблю забивать. Мне нравится, когда мне поручают плотно играть с левым защитником соперников, постоянно оказывать на него давление и предотвращать его подключение к атаке. Хуже, если мне приходится беспокоиться о левом крайнем – тогда уже не удастся столько угрожать воротам. Но, к счастью, рядом со мной обычно находились такие партнеры, как Пол Паркер или Рой Кин, вполне способные выполнить необходимую оборонительную работу. Их присутствие на поле позволяло мне уходить вперед. Рядом с такими игроками я чувствую в себе силы затерзать любого соперника.

Итак, начав постоянно играть в основном составе, я стал больше забивать. А гол – это, что ни говорите, самое главное и самое запоминающееся событие в футболе.

Новые правила, введенные на чемпионате мира, помогали нападающим, ведь теперь судьям предписывалось гораздо строже нака-

зывать за грубые нарушения типа подкатов сзади. Правда, и сейчас далеко не всегда арбитры решаются сразу же достать из кармана красную карточку, и все же борьба с грубиянами повелась куда более жесткая. Защитники стали бояться атаковать сзади, и можно было принимать мяч, не опасаясь, что тебя ударят по ногам.

В том сезоне я получил место в составе и на международные матчи. Победа над «Гётеборгом» (4:2) в первой игре стала великолепным началом. Это была и отличная реклама для Лиги чемпионов – когда обе команды выходят на поле, чтобы победить. При новой системе, дававшей за победу три очка, играть вничью никому было невыгодно, и поэтому все команды старались показывать атакующий футбол. Пресса расхваливала нас на все лады, я был рад своему первому голу в еврокубках, но больше всего – тому, что меня поставили на такую ответственную игру.

Не знаю, отвлекала ли нас Лига чемпионов от внутреннего чемпионата, но перед поездкой в Турцию на матч с «Галатасараем» (вновь судьба свела нас с этим клубом, но теперь уже в групповом турнире) мы проиграли «Ипсвичу» – 2:3. В прошлый раз я не ездил с командой в Стамбул, потому что не хотел быть туристом, но теперь меня взяли, и это означало, что я приглашен в «путешествие в ад». Болельщики «Галатасарая» чрезвычайно агрессивны и шумны. Не знаю почему, но мне показалось, что они особенно не любят «Манчестер Юнайтед».

Я уже кое-что знал о Стамбуле, потому что был там со сборной. Мне запомнились шумные, пестрые улицы, базары, мечети и величайший памятник – дворец Топкапи, стоящий над Босфором.

Стадион «Али Сами Йен» 28 сентября 1994 года стал новой страницей в моей биографии. Едва мы вышли на поле, поднялся невероятный шум, в небо взвились бесчисленные ракеты всех цветов радуги. Мы дышали не воздухом, а дымом: турки активно создавали обстановку обещанного ада. Фейерверки, думаю, были более удачными, чем игра, закончившаяся со счетом 0:0, но у меня нет особых претензий к болельщикам. Они разбираются в футболе. А некоторые игроки «Галатасарая», в частности Тугай, играли здорово. Тугай получил травму прямо перед перерывом и был заменен, что несколько облегчило нам жизнь.

На мой взгляд, после того как «Барселона» в великолепном стиле обыграла нас на «Ноу Кампе» (4:0), было сделано все-таки много неверных выводов о сравнительных достоинствах английского и испанского футбола. Мы слишком сильно уважали соперника и смотрели на него снизу вверх. Конечно, нельзя отрицать мастерство Ромарио и Стоичкова, но в условиях более плотной игры на «Олд Траффорде», где поле поменьше, чем в Барселоне, Стоичков практически выпал из игры и большую часть времени провел на газоне, выпрашивая штрафные, а Ромарио лишь эпизодически демонстрировал свой класс. На «Ноу Кампе» они разорвали нас в клочья, но на «Олд Траффорде» мы с Шарпом сделали примерно то же самое с их защитниками. Во время игры в Манчестере «Барселона» очень часто выглядела беспомощной под нашим натиском и, уверен, была счастлива увезти домой хоть очко (мы сыграли 2:2).

Я был восхищен тем, как «Барселона» контролировала мяч и комбинировала, а также ее тактической выучкой. Но не пытаясь найти оправдания, скажу, что действовавший в то время лимит на иностранцев (это ведь было до знаменитого «дела Босмана») очень осложнял жизнь британским клубам, когда ирландцев, шотландцев и валлийцев в английских командах вдруг начинали считать легионерами. Представьте себе наш ужас, когда нам сказали, что в Барселоне придется играть без Петера Шмейхеля. У нас и так не было дисквалифицированного Кантоны и травмированного Шарпа, отсутствие же Петера стало тяжелым психологическим ударом. Испанцы же, наверное, очень обрадовались, узнав, без скольких ключевых игроков мы будем выступать. Не думаю, что в сильнейшем составе мы бы потерпели такое чувствительное поражение.

Вылет «Ньюкасла» от «Атлетика» (Бильбао) усилил впечатление превосходства испанского футбола над английским. Тем не менее в домашней игре «Ньюкасл» вел 3:0 и только из-за отсутствия опыта и чрезмерной уверенности в своих силах не стал удерживать счет и пропустил два гола в контратаках. А в Бильбао поражение со счетом 0:1 было достаточным, чтобы проиграть по сумме двух матчей из-за голов, пропущенных дома. Это было очень похоже на то, как за год до этого мы уступили «Галатасараю». Будь английские тренеры и футболисты более прагматичны, они бы в ту пору смогли добиться боль-

шего на европейской арене. Но они еще не привыкли думать о счете в первую очередь, а об игре – во вторую (кстати, я вовсе не собираюсь утверждать, будто это правильный подход). В сезоне 1993/94 мы, принимая «Галатасарай», предложили ему сыграть в открытый футбол, и турки приняли вызов. В итоге игра оказалась потрясающей по интриге и накалу страстей, так что «Олд Траффорд» бушевал все полтора часа. Мы сыграли вничью – 3:3, но болельщики не осуждали нас за то, что мы не смогли победить. Они видели, что мы старались изо всех сил и играли так хорошо, как только могли. За это поклонники были нам благодарны, но турнирная ситуация не стала легче, ведь мы были обязаны выигрывать на выезде. А уж там «Галатасарай» сделал все, чтобы не пропустить, ибо команда знала: если будет достигнут нужный результат, ее болельщики простят невыразительную и пассивную игру. Так и получилось.

То же самое произошло год спустя с «Ньюкаслем». Ведя с перевесом в три мяча, команда даже не задумывалась о том, чтобы ослабить натиск, подумать о собственных воротах, о том, как удержать солидное преимущество. И поплатилась за это. Хотя я вовсе не уверен, что, задумав подопечные Кевина Кигана уйти в оборону, им удалось бы сыграть лучше. Ведь они к такой манере просто непривычны. Ну, а в том, что за такую пассивность их непременно осуждали бы зрители, можно не сомневаться.

10 ноября 1994 года – еще один исторический день в моей жизни. В этот день состоялось манчестерское дерби, в котором я забил три гола. Только потом я узнал, что за всю историю этих встреч такое удавалось лишь пять раз, и что наша победа – 5:0 – самая крупная в истории. Это был величайший праздник для меня, и я впервые дал настоящее, большое интервью для телевидения. Игра стала хорошей подготовкой для матча за сборную против Шотландии на «Хэмпден Парке» 16 ноября. Обычно наша команда собирается в Москве за неделю до игры, но в тот раз новый тренер сборной Олег Романцев разрешил всем приехать 11 ноября сразу в Шотландию. Тому были две причины: во-первых, многие футболисты находились за рубежом, играя за клубы Германии, Испании, Португалии, а во-вторых, в Москве из-за холода не было никакой возможности нормально тренироваться.

Играть вдали от дома всегда нелегко, особенно перед зрителями, которые с таким воодушевлением поют свой гимн. Но мы сыграли хорошо, заставив шотландцев потрудиться на совесть. Романцев считал самым опасным у соперников Гари Макаллистера из «Лидса», но наш капитан Виктор Оношко сумел справиться с ним. После игры Макаллистер сразу же сказал мне, что наша команда ему понравилась и что игру такого качества редко увидишь в премьер-лиге.

Домой я возвращался с боссом. Он со своим братом Мартином, тренером «Хаддерсфилда», приехал на «Хэмпден» посмотреть на нашу игру. Был он также и на приеме, организованном Шотландской ассоциацией футбола перед матчем, и там президент РФС Вячеслав Колосков поблагодарил его за то, что он хорошо подготовил меня к игре. Затем босс отвез меня на машине в Манчестер. Прощаясь, он сказал: «Теперь я знаю, по крайней мере, одного игрока, который сегодня вовремя ляжет спать и будет готов к завтрашней тренировке». Как обычно, он думал о будущем – о предстоящей в субботу игре с «Кристал Пэлас».

Вскоре после этого мы отправились в Швецию играть с «Гетеборгом». В самом начале игры я упустил хороший шанс, а затем несколько раз соперников выручал вратарь. В целом, думаю, мы позволили «Гетеборгу» показаться лучше, чем он есть, и босс был очень расстроен нашей игрой, назвав ее небрежной. После неудачи (1:3) наше положение стало плохим, и даже поражение «Барселоны» в Турции не помогло нам. Фергюсон посчитал, что мы упустили золотой шанс и что теперь испанцы ни за что не проиграют шведам. Я думал иначе. Единственная убедительная победа была одержана «Барселоной» над нами. А если она проигрывала «Гетеборгу», то мы в случае победы над «Галатасараем» выходили бы в восьмерку. Если же «Барселона» сыграет вничью, нам придется выигрывать как минимум семь мячей.

В общем, наши шансы казались невелики, но, в конце концов, кто мог предвидеть нашу победу над «Манчестер Сити» со счетом 5:0 за несколько недель до этого?

Как прекрасно сыграли мы против турок! В то время как мы принимали на «Олд Траффорде» «Галатасарай», все постоянно держа-



ли ухо востро, чтобы знать, как проходит игра между «Барселеной» и «Гетеборгом». Мы мчались вперед, а испанцы с трудом сражались со шведами. Неужели возможно чудо? Ответ был отрицательным: мы выиграли – 4:0, а «Барселена» сыграла вничью – 1:1. Очков у нас было поровну, но «Барселена» имела лучшую разность.

И все же при данных обстоятельствах наша крупная победа была особенной. В ходе турнира мы так и не смогли предстать во всей своей силе. Конечно, лимит на иностранцев повлиял на «Юнайтед» больше, чем на любую другую команду, но, мало того, нас постигла настоящая эпидемия травм. Босс, как правило, имел богатый выбор фланговых игроков: Шарп, Гиггз и я боролись за два места, а рядом еще были Бен Торнли и Кейт Гиллеспи, всегда готовые сыграть на краю. И вдруг оказалось, что четверо из нас травмированы, к тому же в самый последний момент выяснилось, что Кейт не считается ассимилированным игроком: рожденный в Северной Ирландии, он играл в «Юнайтеде» лишь три года вместо положенных по тогдашним правилам пяти. Инс, Хьюз, Шмейхель и Паркер не могли играть – кто из-за травм, кто из-за дисквалификации, – и пришлось выпускать Роя Кина, едва восстановившегося после нескольких недель лечения. Фергюсон, казалось, не был озабочен сложившейся ситуацией – он знал, что может положиться на «малышей» Батта, Скоулза, Дэвиса, Гари Невилла, Пилкингтона, О'Кейна, Бекхэма и Каспера. Они пришли в клуб вместе со мной, когда им было по 16, и попали в юношескую команду. Несколько раз я тренировался с ними во время своего второго сезона и понял, что это отличные ребята. А сегодня некоторых из них знает весь мир, поскольку они стали лидерами и «Юнайтеда», и сборной Англии.

«Гетеборг» в итоге стал первым в группе, но я не думаю, что он выглядел лучше нас. В конце концов, разве мы не разбили его на «Олд Траффорде» в самом первом матче – 4:2? Что же до «Барселены», то как бы ее ни расхваливали, очков она набрала столько же, сколько и мы, и все наши надежды были развеяны одним досадным поражением в Испании.

Последние несколько месяцев были для меня очень насыщенными: напряженный чемпионат, поездки в Россию, Швецию, Турцию, Испанию и – почти рядом, но все-таки – в Шотландию. Моя голова

была переполнена впечатлениями от поражений и побед, цветов, запахов и звуков разных стран, бесчисленных аэропортов и отелей.

Перед тем как мы поехали в Швецию, меня признали лучшим игроком в двух домашних матчах – с «Манчестер Сити» и «Кристал Пэлас». Но в жизни никогда нельзя рассчитывать на то, что тебе постоянно будет улыбаться удача. Андриюша заболел, и я подхватил от него вирус. Меня заменили под конец матча с «Арсеналом» в гостях, который завершился нулевой ничьей, а затем в домашней игре с «Норвичем» (мы выиграли – 1:0). Мне приходилось покидать поле из-за болей в животе, которые, как я полагал, были следствием вирусного заболевания (из-за этих болей мне пришлось пропустить матч с «Галатасараем»). Дэйв, наш физиотерапевт, и доктор Макхью сказали, что я перегружаю мышцы живота во время тренировок, и посоветовали мне уменьшить нагрузки. В следующем матче – с «Куинз Парк Рейнджерс» – нам пришлось нелегко, но мы умудрились вырвать победу – 3:2, сохранив шансы на чемпионский титул. Героем дня стал один из молодых ребят – Пол Скоулз, забивший два гола головой и тем самым доказавший, что для этого не нужно быть ростом под два метра.

Следующим был домашний матч с «Ноттингемом». Эта команда в ту пору всегда показывала хороший футбол, и я с интересом ждал предстоящую игру, хотя чувствовал себя не на все сто. До этого дня мы не пропустили ни одного гола в домашних матчах чемпионата, и было бы здорово продолжить эту серию до Нового года. Однако, хоть мы и осадили ворота «Фореста» в последние 20 минут, нам не удалось спастись от поражения – 1:2. Эта была одна из тех игр, в которых очень трудно атаковать широко, и я так и не сумел продраться сквозь оборону соперников. И меня, и Гиггза заменили под конец матча.

Единственное хорошее, что произошло со мной в ту субботу – это выигрыш в национальную лотерею. Я прочитал о том, что кто-то выиграл 17 миллионов фунтов, и решил попытать счастья. Купил три билета: себе, Инне и Андриюше, и – хотите верьте, хотите нет – каждый из нас выиграл по 10 фунтов. Мне приходилось часто смеяться, когда меня спрашивали, не боюсь ли я, что об этом выигрыше узнает вся страна, или лучше сохранить это в тайне.

Каким замечательным стал для меня этот год: Андрюша родился 23 декабря 1993 года, а к декабрю 94-го я был лучшим бомбардиром клуба. Мой английский улучшался, и я уже дал два послематчевых интервью для телевидения. Вокруг все больше болельщиков носили майки с номером 14 на спине, и меня наконец-то начала признавать пресса.

Приближалось Рождество, и хотя мы богато украсили наш дом, все же самой яркой была коллекция в моем кабинете. В ней были выигранные с «Юнайтедом» медали чемпиона, обладателя Кубка Англии, Кубка лиги, Суперкубка Европы и Суперкубка Англии. Всего лишь четыре года назад я уехал из Донецка. Разве мог я тогда предполагать, чего сумею добиться?

Нам с Инной очень нравилось встречать Рождество – праздник, который в Советском Союзе долгое время не отмечали. О том, что он стал официальным в России, я узнал, уже находясь в Манчестере.

Рождество в 1994 году было особым: впервые мы встречали его втроем – с Андрюшей, которому только что исполнился год.

Последней игрой года была домашняя встреча с «Лестером». Я был полон решимости показать все, на что способен, и увеличить счет своим голам. В четырех матчах мне не удавалось забивать, но я либо пропускал эти игры из-за болей в животе, либо был заменен. У меня по-прежнему побаливало слева внизу живота, и это сильно мешало мне, хотя зрители, возможно, не понимали причин ухудшения моей игры. Я мог бежать и бить по мячу, но боялся резко поворачиваться. Точно так же чувствовал я себя и в домашней игре с «Кристал Пэлас», из-за чего и попросил замену вскоре после того, как забил гол.

К тому времени я уже забил десять мячей в чемпионате, но останавливаться не собирался. Хотя мы и сделали дубль в прошлом сезоне, нам все равно было важно подтвердить свою репутацию в матче с одной из команд, находившихся в самом низу таблицы. «Лестер» наводнил свою штрафную площадку защитниками, стремясь уйти от разгрома. Игроки обороны были хороши в воздухе, а мы дали им возможность демонстрировать свое мастерство в игре головой. Во втором тайме я все-таки достиг цели ударом левой с 25 ме-



### **«ЮНАЙТЕД» СНОВА В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ**

Конец декабря пробудил воспоминания о тех временах, когда я то попадал в состав, то выпадал из него. Будучи замененным в конце домашнего матча с «Ноттингемом», проигранного 1:2, я искренне не мог понять причин такого решения. Если бы меня заменили форвардом, чтобы усилить атаку, это было бы понятно. Но в том матче я играл против одного из сильнейших защитников в лиге – Стюарта Пирса. Он был особо известен умением подключаться к атакам, но в той игре мне все время удавалось предотвратить его рейды вперед. «Форест» контролировал середину поля и тем мешал нам активно использовать фланги. Игра получилась тяжелой, но в тот момент, когда я покинул поле, она была равной. Пирс казался очень довольным, глядя мне вслед.

Я с надеждой ждал следующую игру против «Челси». Впервые после прошлогоднего финала мне предстояло сыграть против своего друга Дмитрия Харина. Но это я так думал: состав, объявленный Фергюсоном перед матчем, поразил меня. Судя по всему, босс решил создать насыщенную среднюю линию, чтобы сделать игру максимально плотной. Мы были лучшей командой в лиге и при этом отказывались от своих основных принципов игры широким фронтом! Мне снова пришлось задуматься над тем, доверяет мне тренер или нет. Я был в отличной форме и страшно расстроился, узнав, что не буду играть. Тактическая же задумка была столь же загадочной для меня, сколь и для всех остальных в раздевалке.

В январе я получил сразу несколько наград. Одна из них – «Фэйр плэй» – была присуждена мне группой известных специалистов, которые оценили мое отношение к игре. И еще несколько призов вручили мне различные группы болельщиков «Юнайтеда» со всей страны. Видеть, что тебя признают болельщики, всегда приятно, и я горжусь тем, что они так хорошо ко мне относились.

Жизнь на «Олд Траффорде» всегда напряженная. Прошел слух, что Марк Хьюз уходит в «Эвертон», а вместо него будет сделано какое-то солидное приобретение. Никто не подозревал, насколько солидным оно будет. 10 января в «Ньюкасле» был куплен Энди Коул. Как мог Кевин Киган отдать такого игрока? Наверное, все дело было в сумме сделки – 7 миллионов фунтов (по тем временам, это были большие деньги). Коул много забивал в «Ньюкасле» и, перейдя к нам, спустя несколько недель подтвердил свою репутацию пятью голами в матче с «Ипсвичем», который мы выиграли – 9:0. В той игре он был просто неудержим. Но вот чего ему не хватало на первых порах, так это стабильности: он чередовал выдающиеся матчи с провальными, и в конце сезона многие именно его винили в том, что «Юнайтед» вновь не стал чемпионом. В самом конце сезона Энди растранижил довольно много отличных голевых моментов в нескольких важных играх, особенно в гостевом матче с «Вест Хэмом», и мы не сумели взять необходимые очки.

Но со временем этот недостаток в игре Коула исчез. По крайней мере, в историческом для «Манчестера», да и всего английского футбола сезоне 1998/99, когда «Юнайтед» сделал беспрецедентный хет-трик, выиграв чемпионат, Кубок Англии и Кубок чемпионов, о нестабильности не было и речи. У Энди тогда появился новый партнер по атаке – вечно улыбавшийся Дуайт Йорк из Тринидада и Тобаго, и они на пару наколотили больше полусотни мячей за сезон.

Но до этого было еще далеко, а в сезоне 1994/95 Энди Коул забивал нерегулярно. Но все же не это, на мой взгляд, действительно помешало нам стать чемпионами в третий раз подряд. Самый большой сюрприз еще поджидал нас. В гостевом матче с «Кристал Пэлас» 25 января Эрик Кантона был удален с поля за безобидный с виду удар защитника «Пэлас» Ричарда Шоу. Всю игру Эрика толка-



ли, пинали и атаковали сзади, и в конце концов он сорвался. Мне было очень жаль его, когда он стоял у скамейки запасных – одинокий, огорченный и всеми покинутый. В этот момент ему было нужно, чтобы кто-то положил ему руку на плечо и сказал несколько подбадривающих слов. Но у него, казалось, не было ни одного друга во всем мире. А то, что случилось потом, уже стало частью футбольного фольклора. Один зритель спустился по трибуне на целых одиннадцать рядов, чтобы бросить в лицо Эрику самые гнусные оскорбления, какие только можно придумать. В том состоянии, в каком находился Эрик, он просто не мог сохранить контроль над собой. Он всегда все делает открыто. Телевизионные камеры уже следили за ним, и его удар в стиле кун-фу стал на долгое время любимой закуской для телезрителей на завтрак, обед и ужин. Всего этого можно было избежать, если бы кто-нибудь был рядом с Эриком в тяжелую для него минуту. Но некий хам, которого я могу назвать «болельщиком» только в кавычках и чье имя не хочу называть, первым среагировал и сделал все, чтобы разозлить Эрика.

Мы с волнением ждали развития событий, и через два дня боссы клуба вынесли решение. На пресс-конференции представитель клуба Морис Уоткинс зачитал официальное заявление: «Сегодня «Манчестер Юнайтед» отстранил Эрика Кантону от всех матчей первой команды до конца сезона 1994/95. Кроме того, игрок был оштрафован на максимальную сумму, предусмотренную его контрактом. Выработывая это решение, полностью поддержанное всеми игроками, «Манчестер Юнайтед» принял во внимание свою ответственность как перед самим клубом, так и перед игрой в целом. Клуб и игроки сожалеют об обстоятельствах, приведших к такому наказанию. По другим, связанным с этим вопросам никаких заявлений в дальнейшем сделано не будет».

Все обсуждали только одно: как отреагирует Футбольная ассоциация? Удастся ли нам, команде, когда-нибудь еще сыграть с Кантоной? Но футбольный мир принял сторону Эрика и просто объяснял его срыв особенностями характера. Его поддержали и многие знаменитые игроки прошлого. Гари Линекер: «Призывы к немедленным санкциям были, на мой взгляд, преждевременными». Денис Лоу: «Назовите это наглостью, безумием, безобразием, но Кантона

есть Кантона. Как и у меня, такие взрывы у него в крови. Я никогда не искал неприятностей, и Эрик, уверен, тоже. Просто неприятности сами находят вас». Сэр Бобби Чарльтон: «Кантона – один из величайших игроков в мире, и будет очень жаль, если его выбросят из игры».

Как ни странно, бывший вратарь «Юнайтеда» Алекс Степни не был с согласен с такой точкой зрения. Он сказал: «Кантона должен уйти из клуба. Джорджа Беста постоянно провоцировали в течение многих лет, но он всегда справлялся с этим. Ни один игрок не может быть выше клуба, кем бы он ни был. Кто-то должен встать у него на пути, и, думаю, это сделает Ассоциация, дисквалифицировав его пожизненно».

Сам Джордж Бест придерживался иного мнения: «Разговоры о пожизненной дисквалификации глупы – это было бы просто смешно. Он оказался втянут во что не следовало, но я бы не стал валить все на него».

Думаю, за всех сказал бывший игрок сборной Англии Родни Марш: «Наказывать надо болельщика».

Эрика поддержал и форвард «Тоттенхэма» и сборной Германии Юрген Клинсманн: «Кантона попал в очень сложную ситуацию, потому что все знают о его горячем темпераменте, и зрители, особенно во время гостевых матчей «Юнайтеда», стараются спровоцировать его. Они просто хотят довести его до той точки, в которой он потеряет контроль над собой. Это и случилось. Надеюсь, те люди в Ассоциации, которые занимаются этим вопросом, постараются понять Эрика и осознают, в каком напряжении находится футболист в подобной ситуации».

Итог стал огорчительным и для босса, и для Кантоны, и для других игроков, и более всего для болельщиков. Футбольная ассоциация решила продлить дисквалификацию до 30 сентября, и это означало, что Эрик за восемь месяцев пропустит по меньшей мере 35 игр. Его оштрафовали на 20 тысяч фунтов, то есть на двухнедельную зарплату – это максимальная сумма, предусмотренная его контрактом. Кроме того, Французская федерация запретила ему играть за сборную и лишила капитанских полномочий до конца сезона. Ожидалось, что до окончания дисквалификации Эрик будет играть

хотя бы за дубль, но этому помешал исполнительный директор Футбольной ассоциации Грэм Келли. Но, по крайней мере, миновала угроза тюремного заключения, которое апелляционный суд в марте решил заменить общественно полезными работами.

Это была настоящая трагедия для команды. Вклад Эрика в наш успех за последние годы был огромен, а его преданность игре не вызывала сомнений. Он много работал на тренировках, всегда первым приезжал на «Клифф» и часто помогал остальным.

Во время всего разбирательства босс неустанно повторял, что не откажется от Эрика, и пытался объяснить его взрыв: «Когда на поле все складывается плохо для Эрика и он чувствует, что судьи не защищают его, у него возникает ощущение несправедливости. Ни одна его грубость не была намеренной или расчетливой. Это просто потеря контроля над собой. Такого Кантону вы никогда не увидите на тренировочном поле. Я знаю, что во Франции у него была репутация хулигана, но здесь я часто вижу его спокойным и уравновешенным. Возможно, он просто копит все отрицательные эмоции в себе до тех пор, пока они не переполняют его и не вырываются наружу во время матчей».

В те дни мы готовились к кубковому матчу с «Рексхэмом», зная, что Эрика долго не будет с нами. Сумеет ли мы обойтись без него, без не имевшего права играть в кубковых встречах Энди Коула, без травмированного Хьюза, без дисквалифицированных Брюса и Гарри Невилла?

Уже через десять минут после начала матча «Рексхэм» повел в счете, когда Кирон Деркан сыграл в стенку с Гаретом Оуэном и пробил мимо Шмейхеля. Но это продолжалось недолго: Денис Ирвин сравнял счет семь минут спустя, а затем Гиггз забил отличный второй гол.

«Рексхэм» яростно боролся, заставив потрудиться Шмейхеля. Но к концу команда устала, Брайан Макклэйр забил гол, затем Ирвин реализовал пенальти, и, наконец, автогол капитана «Рексхэма» Тони Хьюмса закрепил нашу победу – 5:2.

Поначалу после ухода Эрика все было не так уж плохо. 4 марта, выиграв у «Ипсвича» – 9:0, команда вошла в историю. Теперь букмекеры снова стали считать нас фаворитами чемпионата.

Поскольку Эрику нескоро предстояло выйти на поле, поползли слухи о том, что он, возможно, уедет из Англии. Председатель правления «Юнайтеда» постоянно повторял прессе, что, несмотря на дисквалификацию, Эрика не выставляли на трансфер, хотя миланский «Интер» проявлял интерес к нему и Полу Инсу.

Для меня год был не самым удачным. Я много времени провел на скамейке, и меня беспокоили боли в животе. Но я был уверен, что скоро вновь войду в форму.

Существует столько всяких факторов, которые могут повлиять на будущее профессионального футболиста: здоровье, настроение, личная жизнь, отношения в команде. Но когда меня спрашивают о том, какой момент стал переломным в моей карьере, я вспоминаю событие, никак не связанное с этими обстоятельствами. То, что действительно навсегда осталось в памяти, – это три гола в ворота «Манчестер Сити» в нынешнем сезоне. То была самая крупная победа «Юнайтеда» в дерби. Забить три гола в такой напряженной игре нелегко любому, тем более иностранцу. Да, это действительно был ключевой матч. Другой незабываемый момент – конечно, дубль сезона 1993/94. Выиграв два турнира в году, становясь необычайно горд собой и своей командой.

Вскоре я снова был в седле. Верьте или нет, но первой для меня игрой после перерыва стала встреча с «Манчестер Сити» на «Мэйн Роуд». Это счастливый для меня стадион – мы выиграли 3:0, а я забил тринадцатый гол в сезоне. Насчет следующего, домашнего матча Кубка Англии с «Лидсом» можно смело сказать, что мы сыграли великолепно. Я хоть и не забил, зато дал голевой пас Марку. Как удачно получилось, что его никуда не продали! Из-за дисквалификации Эрика Марка решили оставить. Он был очень популярен в «Юнайтеде», и было бы жаль, если бы он ушел. В следующем матче в Норвиче команда снова играла прекрасно, и я забил один из голов.

Теперь на моем счету было 14 мячей, и я с нетерпением ждал следующей игры на другом счастливом для меня стадионе – «Гудисон Парке» – против «Эвертона».

У меня много воспоминаний – каждый футболист хранит в памяти события прошлого. Но иногда о прошлом лучше забыть, а думать

о завтрашнем дне, о следующей игре. Матч закончен: 90 минут текли и остались позади. Впереди новая игра, и я должен отдать ей все свои силы.

Сыграть против «Эвертона» мне не удалось. И забить за «Манчестер Юнайтед» хотя бы еще один гол – тоже. А команде, так и не сумевшей по-настоящему восполнить потерю Кантоны, не удалось завоевать чемпионский титул. Осенью 96-го Кантона вернулся, и возвращение стало триумфальным: в том сезоне «Юнайтед» стал первой в английской истории командой, сумевшей сделать дубль дважды.

Но это происходило уже без меня: сезон 1995/96 я начал в другом городе – Ливерпуле – и в другом клубе – том самом «Эвертоне».

### ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Четыре года, проведенные в одном из величайших клубов Англии, Европы да, пожалуй, и мира, навсегда остались в моем сердце. В предыдущих главах я попытался рассказать о тех мыслях и чувствах, которые охватывали меня каждый раз, когда я надевал знаменитую красную футболку. И хотя я расстался с «Юнайтедом» в далеко не лучших отношениях, надеюсь, это не отразилось на моем рассказе. По крайней мере, я стремился к этому. Пусть не все и не всегда складывалось так, как мне хотелось, особенно в самом конце, но никакие конфликты и трения не могли перечеркнуть того, что было раньше.

Да, я ушел со скандалом, которого, может, и нельзя было избежать. Но, так или иначе, не этот скандал, а те замечательные мгновения каждого дня, когда я ощущал себя игроком великолепной команды, останутся в моей душе. И я счастлив и благодарен судьбе за то, что она привела меня в «Манчестер Юнайтед».

И еще я знаю, что мое пребывание в этом клубе не прошло незамеченным, что меня помнят до сих пор, что болельщики по-настоящему любили меня, а партнеры и соперники уважали. Журналисты же, хоть и обрушивались порой на меня (иногда справедливо, а иногда нет), в целом тоже высоко оценивали мои усилия.

Самому мне трудно рассуждать о том, насколько полезен я был для команды. Пусть это сделают за меня другие. Болельщики, со своей стороны, вынесли вердикт во время устроенного клубом на ру-



беже веков голосования, которое было призвано определить сто величайших игроков в истории «Юнайтеда». По итогам этого голосования, в котором первую пятерку составили Эрик Кантона, Джордж Бест, Райан Гигз, сэр Бобби Чарльтон и Петер Шмейхель, я занял 25-е место – между Дуайтом Йорком и Полом Инсом. Не буду называть имена многих известных футболистов разных поколений, которых я опередил в этой таблице о рангах. Не хочу хвастаться. Скажу лишь, что считаю свое 25-е место почетным.

О том же, как оценила мое пребывание на «Олд Траффорде» пресса, вам, расскажет статья журналиста Патрика Туэра. Он написал ее в качестве предисловия к моей автобиографии, вышедшей в Манчестере весной 1995 года.

\* \* \*

«Путь к третьему подряд чемпионскому титулу нельзя пройти без Канчельскиса», – такое заключение сделала газета «Гардиан» 3 марта 1995 года после сенсационной победы «Юнайтеда» над «Ипсвичем» со счетом 9:0 – самой крупной победы клуба в чемпионате за 103 года. «Они с Гигзом растянули оборону «Ипсвича» до предела, – говорилось в отчете о матче, – позволив Коулу и Хьюзу наносить разящие удары в центре». Призыв газеты удержать Канчельскиса был брошен через неделю после того, как тренер «Юнайтеда» Алекс Фергюсон отказал в трансфере игроку, расстроенному тем, что его оставили на трибуне во время последнего матча с «Эвертоном», закончившегося поражением – 0:1. По мнению Канчельскиса, его игра против «Норвича» неделей ранее, когда он забил один из двух безответных мячей своей команды, должна была обеспечить ему место в составе. Фергюсон же сказал, что просто хочет дать шанс всем игрокам.

Когда все внимание окружающих на поле было приковано к Энди Коулу, купленному за рекордную сумму в 7 миллионов фунтов, а вне поля – к Эрику Кантоне, дисквалифицированному на восемь месяцев за удар болельщика «Кристал Пэлас», Канчельскис, возможно, просто хотел напомнить всем о себе и о своем неоченимом вкладе в недавние достижения «Юнайтеда».

Он, может быть, и не является незаменимым, однако значимость

Канчельскиса для команды никогда не была тайной для Алекса Фергюсона. Рекордная покупка Коула в межсезонье как раз и подчеркнула, насколько ценен Канчельскис. Коулу необходима хорошая поддержка, а Канчельскис, любящий делать быстрые навесы в штрафную и не стремящийся во что бы то ни стало обыграть защитника, представляет собой идеального помощника.

Во время сезона, в котором «Манчестер Юнайтед» постоянно заставлял историков пересматривать свои архивы, вклад Канчельскиса был очевиден всем. За 11 туров до конца гонки за чемпионский титул с «Блэкберном» Канчельскис был лучшим бомбардиром команды, забив 14 голов. Как правило, мяч попадал в ворота после его коронного мощного стелющегося удара правой.

История гласит, что место в зале славы «Олд Траффорда» было забронировано для Канчельскиса 10 ноября 1994 года, когда он стал первым с 1960 года игроком «Юнайтеда», сумевшим сделать хет-трик в манчестерском дерби.

Статистики скажут вам, что это был первый хет-трик Канчельскиса за «красных дьяволов» с момента перехода за 650 тысяч фунтов из донецкого «Шахтера» в апреле 1991 года.

Но вот чего цифры и факты не могут передать, так это того стиля, в котором была одержана самая крупная победа «Юнайтеда» (5:0) над соперниками с «Мэйн Роуд» в игре, названной «дерби уничтожения».

То был классический Канчельскис. Возьмите первый гол, забитый Кантоной, но прекрасно организованный Канчельским с помощью точного паса на 30 ярдов со своей половины поля. Француз получил мяч точно под правую ногу, и ему не пришлось сбиваться с ритма, чтобы подправить его под левую и пробить мимо беззащитного Саймона Трэйси.

Это уже был классический Кантона. Если вы посмотрите подборку лучших голов Кантоны, то практически ни в одном эпизоде не увидите Канчельскиса. Кантона, как правило, действует на позиции правого инсайда, где чувствует себя наиболее естественно и где его находят передачи Райана Гиггза, Ли Шарпа и Дениса Ирвина с правого фланга. Хороший пример такой комбинации – победный гол Кантоны в ворота «Блэкберна» в январе 95-го, его послед-

ний гол перед тем ударом в стиле кун-фу на «Селерст Парке». Гигз обокрал Берга на левом краю и сделал идеальный навес, после которого француз головой послал мяч в верхний угол ворот.

Но первый гол в ворота «Сити» разрушил эту теорию. На протяжении оставшегося времени Кантона горел желанием отплатить услугой за услугу и, обыграв двух защитников, организовал первый гол Канчельскиса, выложив ему мяч под удар правой, после которого, отскочив по пути от Терри Фелана, мяч влетел в сетку возле ближней штанги.

После перерыва Шмейхель ввел мяч в игру от ворот, Кантона сбросил головой Канчельскису, и так возник второй гол Андрея. А хет-трик был завершен после сольного прохода по правому краю со своей половины поля, где Канчельскиса нашел пасом все тот же Шмейхель. Красивая «стенка» с Кантоной на подходе к штрафной площади вывела Канчельскиса на ударную позицию за спинами четверки защитников «Сити», и Андрей после незапланированной игры в «стенку» с Трэйси забил третий мяч. Когда Эрик и Андрей в ударе, популярный танец, пришедший к нам с другой стороны пролива, в исполнении «Юнайтеда» обретает новое содержание: канкан превращается в Кан-Кан.

Конечно, не этот потрясающий хет-трик Канчельскиса на четвертый год его пребывания в Манчестере дал всем понять, что Андрей освоился в клубе. Задолго до этого сердца и умы болельщиков «Олд Траффорда» были завоеваны яркой атакующей игрой правого крайнего, столь характерной для тех легендарных игроков клуба, которые носили футболки с номерами «7» или «11»: Коппелла, Хилла, Моргана, Эстона и – последнего, но далеко не худшего – Джорджа Беста.

Андрей Канчельскис впервые сыграл за «Юнайтед» на «Олд Траффорде» в начале сезона 1991/92 в матче против «Ноттс Каунти». Болельщиков в тот день поразили не только быстрота и скорость новобранца, вызвавшие сравнение с гоночным автомобилем. Эти его качества заметили все, ибо он раз за разом заставлял защитника гостей беспомощно озираться вокруг с сонным видом.

Но что было наиболее примечательным в игре Канчельскиса, так это его выносливость, столь редкая для сегодняшних фланговых иг-

роков, особенно в начале сезона. Он не переставая бегал вдоль и поперек поля все 90 минут, мучая защиту «Каунти» вплоть до финального свистка. Позже Бобби Чарльтон сказал, что это был самый впечатляющий домашний дебют, который он когда-либо видел.

Вскоре способность Канчельскиса двигаться без остановки принесла ему в глазах болельщиков репутацию самого быстрого и самого сильного игрока клуба.

В другой ситуации спокойная победа со счетом 2:0 над соперником, который в итоге вылетел в низший дивизион, была бы быстро позабыта или, по крайней мере, воспринималась бы очень спокойно. Но в первом домашнем матче сезона, когда новобранцы клуба проходят парадом перед аудиторией «Олд Траффорда» – по обыкновению, одной из самых многочисленных, – рождаются совершенно особые надежды.

Всего лишь за два года до этого 41 000 зрителей присутствовали на спектакле Майкла Найтона, нового владельца «Юнайтеда», сменившего свой деловой костюм на спортивный, чтобы пожонглировать мячом на голове перед до отказа заполненным «Стретфорд Эндом» (так называется одна из трибун за воротами «Олд Траффорда», на которой собираются самые преданные болельщики «Юнайтеда» – А.К.). «Красные» тогда разбили «Арсенал» – 4:1, но в итоге попытка Найтона взять клуб в свои руки превратилась в фарс, и команда выглядела в лиге очень бледно.

Но тот солнечный августовский день давал все основания предполагать, что с Канчельскисом и другими дебютантами клуба – защитником Полом Паркером и вратарем Петером Шмейхелем – у команды появились наконец те недостающие компоненты, без которых она долгие годы не могла добиться заветного чемпионского титула.

Этим ожиданиям был сужден жестокий крах, когда «Лидс» увел титул из-под носа «Юнайтеда», но Канчельскис за свой первый сезон забил восемь голов в 48 матчах, поделив с Брюсом третье-четвертое места в списке бомбардиров клуба вслед за Брайаном Макклэйром и Марком Хьюзом.

В то время как Пол Паркер был уже известен многим по выступлениям за «Куинз Парк Рейнджерс», а Петер Шмейхель – по игре за датскую сборную, лишь единицы слышали о Канчельскисе до его

приезда в Манчестер из Донецка. Почти никто не мог выговорить его фамилию, немногим удавалось разобраться, откуда же он приехал – из России, Украины или Советского Союза, – впрочем, для большинства это было одно и то же.

Но неожиданный развал СССР и появление нескольких новых независимых государств, в том числе и Украины, откуда Канчельскис родом, придали новые географические измерения футбольному миру. Советский Союз открылся внешнему миру под знаменем гласности и перестройки. Новобранец «Юнайтеда» вполне соответствовал духу времени, и вскоре уже сам Канчельскис ловко вскрывал оборону соперников, оставляя в дураках незадачливых защитников в классическом, проверенном временем стиле летающих крайних форвардов «Манчестер Юнайтеда».

Сэр Мэтт Басби всю свою жизнь свято верил в быстрых, эффективных крайних форвардов. Он чувствовал, что такие футболисты были незаменимой частью любой линии нападения, и его команды, равно как и большинство команд «Юнайтеда» после него, были верны этому атакующему принципу, зачастую используя по пять широко расставленных по фронту игроков.

Первым, кого купил Басби, став после Второй мировой войны тренером «Юнайтеда», был именно крайний форвард. Джимми Делани был расторопным, хоть и стареющим шотландцем, которого Басби прихватил у «Селтика» чуть ли не задаром. Несмотря на свой возраст и подверженность травмам (его прозвали «хрупкая кость» за многочисленные переломы ног), Делани за пять сезонов провел 164 матча в лиге за «Юнайтед». В 1948 году он получил медаль обладателя Кубка Англии, прибавив ее к аналогичной шотландской награде, завоеванной за 11 лет до этого. Затем он пошел дальше и сделал уникальный хет-трик, выиграв в 1954 году (в возрасте 38 лет!) Кубок Ирландии с «Дерри Сити».

Другим крайним форвардом в первой великой команде Басби был Чарли Миттен, подвижный местный парень, чья карьера была прервана войной. Миттен был не просто подыгрывающим – его результативность (50 голов в 142 матчах в лиге) несравнима ни с чем. Но его всегда будут помнить как главное действующее лицо «дела «Санта-Фе», которое потрясло британский футбол в 1950 году.

Во время турне по Америке по окончании сезона к Миттену подошел представитель клуба «Санта-Фе» из Боготы и предложил поиграть в Колумбии. За переход ему обещали 5000 фунтов плюс зарплату не менее 40 фунтов в неделю – почти в три раза больше максимального заработка на родине. Миттен ушел беспрепятственно, поскольку Колумбия находилась вне юрисдикции ФИФА, но год спустя он вернулся в «Юнайтед», который мгновенно дисквалифицировал его и выставил на трансфер.

Басби не хотел отпускать Миттена, но тот по окончании дисквалификации перешел в «Фулхэм», а затем в «Мансфилд». Потом он вернулся в Манчестер и работал менеджером на собачьих бегах на треке «Уайт Сити», откуда легко можно добросить камень до «Олд Траффорда»!

История с Миттеном стала первой из серии проблем, с которыми предстояло столкнуться Басби и его наследникам при работе с норовистыми крайними форвардами, по мере того как футбол вступал в современную эпоху.

Басби, не теряя времени, приступил к поискам замен для Делани и Миттена, и вскоре в «Юнайтеде» появились Джонни Бэрри, Дэвид Пэгг и Альберт Скэнлон, ставшие ключевыми игроками «Малышей Басби» – самой романтической и самой трагической команды в истории британского футбола.

Купленный Басби в Бирмингеме в начале сезона 1951/52 Бэрри был смелым, прямолинейным форвардом, любившим совершать рывки вглубь обороны соперников. Дэвид Пэгг играл больше в традициях крайних форвардов типа Тома Финнея, а стиль игры Скэнлона, племянника Чарли Миттена, отличался скоростью и резкостью.

Пэгг и Скэнлон вместе с Дунканом Эдвардсом и Эдди Колмэном вышли из легендарной команды, выигравшей в 1953 году юношеский Кубок Англии. Из этой четверки лишь Скэнлон мог пережить мюнхенскую авиакатастрофу пять лет спустя. Он выжил, чтобы до конца 1960 года провести еще 81 матч за «Юнайтед». Бэрри тоже остался жив, но серьезная травма головы, полученная в катастрофе, не позволила ему играть.

Пустоту, оставленную мюнхенской трагедией, нужно было как-то заполнять, и на авансцене появился еще один переживший тра-



гедию Мюнхена футболист – Бобби Чарльтон. Его больше помнят как великого инсайда, но в действительности он четыре года в начале 60-х провел на фланге и выступал за Англию в качестве левого нападающего.

Несмотря на то, что его талант позволял ему играть практически на любой позиции, у Бобби все же были сильные сомнения в правильности его новой позиции. «Я ненавижу играть на фланге, – говорил он, – ждать, зависеть от других. Мне хотелось постоянно участвовать в игре, самому что-то создавать. Помню, во время одного матча я не касался мяча 20 минут. И тогда я начал смещаться к центру в поисках мяча, но Джимми (Джимми Мерфи – один из тренеров «Юнайтеда». – А.К.) сказал мне, чтобы я возвращался на край. «Джимми, – говорил я, – ведь я же не вижу мяча». «Увидишь», – отвечал он. Мне эти указания страшно не нравились, но я никогда всерьез не обсуждал их. Если так хочет босс, я должен выполнять».

Этот несчастливый период в жизни Бобби подходил к концу, когда возник Джордж Бест, поразивший всех сразу и надолго. Не по годам развитый 17-летний ирландец дебютировал на правом краю атаки «Юнайтеда» 14 сентября 1963 года. В тот же вечер газета «Манчестер ивнинг ньюс» на последней странице поместила статью под заголовком «Малыш Бест блистает в атаке красных». То была первая из многочисленных подобных статей, которые нередко попадали и на первые полосы газет. Не все они имели прямое отношение к футболу.

Назвать Джорджа Беста просто крайним нападающим было бы несправедливо по отношению к его невероятному таланту. Это примерно то же самое, что назвать Эрика Кантону просто форвардом. Одного определения ни в том, ни в другом случае недостаточно, ибо этим футболистам по силам любая роль в атаке.

Но больше всего чудес Бест творил на флангах, часто совершая проходы, во время которых казалось, будто мяч привязан к его бутсам невидимой нитью. У него было все, что необходимо крайнему форварду, – скорость, равновесие, контроль мяча, две одинаково сильные ноги – и многое другое. Например, он хорошо играл в воздухе и мог выполнять хитроумные удары с углового, закручивая мяч в ворота.

Как Элвиса Пресли или Мухаммеда Али, других суперзвезд его поколения, Беста можно запомнить разным – таким, каким он шел вверх, или таким, каким вновь опускался вниз.

Но, наверное, самым запоминающимся его выступлением был матч против «Бенфики» в четвертьфинале Кубка чемпионов 1966 года на лиссабонском «Эштадио да Луш» – «Стадионе света». Бест разорвал португальскую оборону на мелкие части, заставив умолкнуть 90 тысяч зрителей и забив два гола в матче, завершившемся блистательной победой «Юнайтеда» – 5:1. Телекомментатор Би-Би-Си Кеннет Уолстенхолм только и восклицал: «Что же за игрок этот Бест!», а пресса по возвращении Джорджа в Англию назвала его «Битлом». Так родился первый футболист-шоумен. Все остальное, как говорится, – история.

Другим крайним форвардом «Юнайтеда», блиставшим в те бурные 60-е, был Джон Коннелли, который, как и Бест, обладал редким умением чувствовать себя как дома на любом фланге. Мэтт Басби отвалил почти 60 тысяч фунтов – огромная сумма по тем временам – за опытного игрока «Бернли» и сборной Англии.

Эти деньги были потрачены не зря. За свой первый сезон Коннелли забил в 42 матчах 15 голов с правого фланга, а Бест прибавил к ним 10 с левого, и с их помощью «Юнайтед» завоевал чемпионский титул 1965 года, обойдя «Лидс» по разности мячей.

Коннелли был продан в «Блэкберн» в начале сезона 1966/67, Бест перешел на правый фланг, а Джон Астон занял его место на левом. Как и большинство из тех, кто в тот год праздновал новый успех в чемпионате, он был выходцем из академии футбольного искусства Басби.

Астона всегда будут помнить за блестящее выступление в финале Кубка чемпионов 1968 года на «Уэмбли», где «Юнайтед» обыграл «Бенфику» – 4:1. Увы, как и его великая команда, Астон сломался в следующем сезоне и больше никогда не достигал таких сказочных высот. В августе Басби купил Вилли Моргана за 105 тысяч фунтов, и Астон провел оставшиеся три сезона на «Олд Траффорде» в забвении.

Благодаря длинным темным волосам, фотогеничному лицу и модной внешности Морган был назван в прессе новым Джорджем Бес-

том. «Стретфорд Энд» вскоре причислил его к рангу выдающихся игроков, распевая во время матчей: «У нас есть Вилли, Вилли, Вилли, Вилли Морган на краю, на краю».

Но несмотря на то, что игра «Юнайтеда» по-прежнему была полна изящества и таланта, результаты давались со все большим трудом. Басби ушел, и никакая кавалерийская лихость на флангах не могла скрыть тот факт, что «Юнайтед» пришел в упадок. Бест практически в одиночку пытался удержать команду наверху. В течение четырех сезонов после победы в Кубке чемпионов он становился лучшим бомбардиром клуба. Цифры говорят сами за себя: в 446 матчах он забил 178 голов, и пять раз ему удавалось забивать более 20 мячей за сезон.

Но образ жизни Беста – пьянство, азартные игры, любовные похождения – вынуждал тренеров постоянно заботиться о прикрытии на тот случай, если своенравный гений вдруг загуляет. С этой точки зрения лучшим приобретением «Юнайтеда» стал Иан Стенли-Мур. Он забил пять мячей в 11 играх после того, как тогдашний тренер Фрэнк О'Фаррелл купил его у «Ноттингем Форест» в марте 1972 года. К сожалению, в середине следующего сезона Иан получил настолько серьезную травму голеностопа, что его карьера была закончена.

Удалившись от футбола, Бест на короткое время вернулся на «Олд Траффорд» в сентябре 1973 года. У руля тогда был Томми Дохерти, и Бест провел подряд дюжину матчей, пока в январе 1974 года не был оставлен на скамейке во время матча третьего круга Кубка Англии против «Плимута» за то, что появился на стадионе за 20 минут до начала игры.

Дохерти не хотел более терпеть выходки Беста. Бест больше никогда не носил красно-белых цветов. В конце того сезона «Юнайтед» вылетел во второй дивизион.

У Дохерти возникли проблемы иного рода с другим крайним форвардом, которого он унаследовал от Мэтта Басби. Вилли Морган какое-то время был капитаном команды, но затем они крепко поссорились с «Доком». Ссора вылилась в долгую судебную тяжбу относительно замечаний, которые позволил себе Морган в интервью телевидению Гранады, где он назвал Дохерти «худшим из когда-либо существовавших тренеров». Дело дошло до высоких инстан-

ций, и в 1981 году Дохерти дважды обвинялся в лжесвидетельстве, после того как признал несоответствия в своих показаниях, но оба раза был оправдан.

Не успела с уходом Беста и Моргана закончиться одна эпоха блистательных фланговых атак, как началась новая. Стоит вам только упомянуть о «летающих крайних», как любой болельщик старше 30 лет назовет имена: Стив Коппелл и Гордон Хилл. Это необычное сочетание глубокомысленного выпускника Ливерпульского университета на правом краю и простоватого кокни (простолюдин, выходец из восточной части Лондона. – А.К.) на левом стало символом кавалерийского футбола времен Дохерти.

Коппелл и Хилл восхищали болельщиков и сокрушали соперников по всей стране в середине и конце 70-х. В атаке они оказывали прекрасную поддержку Стюарту Пирсону, Джимми Гринхоффу и Лу Макари.

Стюарт Пирсон вспоминает о тех радостных временах, когда «Юнайтед» выиграл Кубок Англии 1977 года – первый за девять лет трофеев после Кубка чемпионов: «То были лучшие дни в моей жизни. Мы просто выходили на поле и атаковали. И если пропускали три гола, то были уверены, что забьем четыре. Выходить на поле было приятно. Мы знали, что получим удовольствие».

За несомненный талант Хилла прозвали «Мерлин» (волшебник, герой английских сказок. – А.К.), но, как многие крайние форварды «Юнайтеда», он был своенравен, и его характер дал о себе знать в тот момент, когда Дэйв Секстон, преемник Дохерти, попросил его отходить назад, чтобы помогать обороне. Хилл счел такую игру не подходящей для себя, и в апреле 1978 года лучший бомбардир «Юнайтеда» в том сезоне (17 голов в 35 матчах чемпионата) в последний раз сыграл за клуб.

Напряженные отношения форварда и тренера стали достоянием гласности, когда Хилл обвинил партнеров по команде в своеобразной вендетте: «Они не любили меня и не хотели, чтобы у меня все получалось», а Секстон в ответ заметил: «Он был эгоистичным игроком».

Предложение Секстона Хиллу взять на себя оборонительные функции может показаться несколько странным в свете того, что

уже было сказано о традициях игры «Юнайтеда». Конечно, Басби никогда бы не стал требовать этого от Джорджа Беста.

Но к концу 70-х игра изменилась до неузнаваемости. Защитники стали сильнее и атлетичнее, оборона – организованнее тактически. Успех приносил все больший доход, а поражение, соответственно, убыток. Играющие широко на флангах форварды постепенно стали считаться роскошью. Все чаще в обиходе встречались выражения «отходить назад», «быстрее доставлять мяч вперед», «атаковать из глубины», «процент полезных действий» и, конечно, «4+4+2».

По мере того как игра становилась быстрее, роль крайних нападающих менялась. Им оставалось либо приспособиться, либо исчезнуть. Классическая система 4+2+4, при которой два крайних форварда старались удерживать мяч впереди, считавшаяся мерилом достоинств команды, находилась под угрозой гибели.

Вполне возможно, что это не простое совпадение: в переходный период «Юнайтед» ни разу не выиграл чемпионат, но четырежды побеждал в Кубке Англии. Ни сменявшие друг друга тренеры, ни сам клуб, ни его болельщики не хотели отказываться от старых традиций атакующей игры, в которой главная роль отводилась крайним нападающим. Играя на «Олд Траффорде», команда думала только об атаке, будь то на флангах или в центре, во многом еще и потому, что большинство команд-соперниц приезжали только защищаться.

Но и в матчах на выезде крайние нападающие «Юнайтеда» играли более свободно. На команду по-прежнему было приятно смотреть в конце 70-х – начале 80-х, когда с использованием форвардов на флангах (сперва – Коппелла и Хилла, позже – Микки Томаса и Эшли Граймса) она столь эффектно взламывала оборону соперников.

Наверное, лучший матч Коппелла за «Юнайтед» был сыгран на «Мэйн Роуд», когда он забил два гола во время победы в дерби 1979 года – 3:0. Но тяжелые условия современной игры сломили даже этого, самого разностороннего из крайних нападающих: Коппелл был вынужден закончить карьеру в 1983 году из-за травмы колена. Это нелегкое решение просто раздавило его: «Я верил, что смогу восстановиться после операции, но время шло, и я постепенно стал осознавать, что больше не смогу играть. Мы все понимаем, что, когда нам за 30, наш футбольный век подходит к концу. Но ведь мне-то

было всего 28. Я не знал, что делать. Конечно, у меня есть университетское образование, но я в первую очередь футболист и мечтал продолжать играть».

Коппелл выбыл из строя, и «Юнайтеду» срочно нужно было искать ему замену. Очевидным кандидатом был выросший в Манчестере Алан Дэвис, чья карьера на «Олд Траффорде» была мимолетной, но яркой. Бывший игрок «Рексхэма» провел лишь полдюжины матчей за «Юнайтед», но два из них пришлось на финал и переигровку финала Кубка Англии 1983 года против «Брайтона» (2:2, 4:0) на «Уэмбли», где он стал одним из героев.

Его героическое выступление в тех матчах послужило поводом для призыва в сборную Уэльса (предки Дэвиса были валлийцами). В течение нескольких недель после победы на «Уэмбли» он сыграл против Северной Ирландии и Бразилии, но накануне нового сезона, выступая за дубль «Юнайтеда» в товарищеском матче в Стамфорде, сломал ногу.

В том сезоне Дэвис попытался вернуться, провел три игры и забил единственный гол «Юнайтеда» в домашнем полуфинальном матче Кубка кубков против «Ювентуса» (1:1). Но травма все же оборвала его карьеру на «Олд Траффорде», и восемь лет спустя, после выступлений в низших дивизионах, он покончил с жизнью, осознав, что его дни как профессионального футболиста сочтены.

После мюнхенской авиакатастрофы 1958 года ощущение трагедии неизменно сопровождает «Юнайтед». К несчастью, по прошествии многих лет еще один из обладателей знаменитых футболок с номерами «7» и «11» стал жертвой трагических обстоятельств. В марте 1983 года на «Олд Траффорде» появился Лори Каннинхэм, которого пригласил Рон Аткинсон, его бывший тренер в «Вест Бромвиче». Здесь Каннинхэму представилась возможность сделать цельной и славной карьеру, которая до того лишь пестрила различными любопытными фактами. Например, он играл за мадридский «Реал» против «Ливерпуля» в финале Кубка чемпионов 1981 года и стал вторым после другого игрока «Юнайтеда» – Вива Андерсона – темнокожим футболистом, призванным в сборную Англии.

Принимая во внимание любовь тогдашнего тренера Рона Гринвуда к крайним нападающим, можно было предположить, что Кан-



нинхэм станет постоянным игроком сборной, но серия травм ступни и колена оборвала его карьеру в момент расцвета.

За клуб он сыграл лишь три матча и, выйдя на замену вместо Артура Олбистона, забил «ножницами» свой единственный гол во время победы «Юнайтеда» над «Уотфордом» в чемпионате (2:0). Позже он играл за «Лестер» и «Уимблдон» и вышел на замену в финальном матче Кубка Англии 1988 года, когда «Доны» (так называют «Уимблдон» – А.К.) шокировали всех победой над «Ливерпулем».

Каннинхэм вернулся в Испанию через «Марсель» и «Шарлеруа» и закончил карьеру в «Райо Вальекано» – мадридском аналоге его первого клуба «Лейтон Ориент». В 1989 году 33-летний футболист погиб в автокатастрофе в нескольких милях от испанской столицы.

Узнав о его смерти, Аткинсон сказал: «Когда я продал Лори в «Реал», он был, наверное, самым талантливым игроком Британии со времен Джорджа Беста. Травмы помешали ему стать звездой мирового уровня, в которую, как я считал, он должен был превратиться».

После короткого флирта с бывшим игроком «Лидса» Артуром Грэмом «Юнайтед» нашел новую пару для игры на флангах: Гордона Стракана (раньше у нас его называли Страчаном. – А.К.) и Йеспера Ольсена. Сказать, что оба «крыла» играли в традициях «Юнайтеда», было бы некоторым преувеличением. Стракан, чей бурный и боевой стиль игры идеально подходил к быстрому футболу высшего уровня, больше напоминал крайнего полузащитника. Он к тому же был мастером пенальти и забил такими ударами восемь из 13 голов в своем первом сезоне.

Но промахи в матче кубка УЕФА против «Данди Юнайтед» и в домашней игре с «Шеффилд Уэнсдей» в первый день 1985 года подорвали его веру в себя: «Раньше я никогда ни о чем не думал во время пробития пенальти. Но потом меня начали спрашивать, как я себя чувствую, нахожусь ли я «под давлением», и еще до того, как я осознал это, я уже попал под такое давление. Промажнувшись в пятый раз, я уже не испытывал ни малейшего желания бить пенальти».

Похожий на беспризорника Йеспер Ольсен был игроком совершенно иного типа, нежели Стракан. Одаренный датский левша гораздо больше напоминал истинного крайнего нападающего, который любил отходить глубоко назад за мячом и бросаться вперед.

За свою короткую, противоречивую карьеру в «Юнайтеде» он завоевал Кубок Англии 1985 года и провел первые пять матчей сезона 1985/86, когда «Юнайтед» выиграл десять игр подряд с начала чемпионата.

Однако покупка Аткинсоном бывшего нападающего «Манчестер Сити» Питера Барнса создала впечатление, что Ольсен попал в немилость. Подозрения получили подтверждение за месяц до того, как Алекс Фергюсон заменил уволенного Аткинсона, когда Ольсен и полузащитник Реми Мозес оказались в центре конфликта на тренировочном поле. Ольсена увезли в госпиталь с огромным синяком под глазом.

Аткинсон объяснил это тем, что Ольсен и Мозес столкнулись головами, борясь за мяч, однако два датских журналиста утверждали, что видели, как Мозес ударил Ольсена в ответ на подкат. Сам Ольсен сказал прессе: «Нет сомнений, Мозес специально ударил меня, никакая это не была случайность». Аткинсон слегка отступил, но две версии насчет конфликта продолжали сосуществовать, и очередная публичная стирка грязного белья «Юнайтеда», должно быть, лишь ускорила увольнение Аткинсона.

Фергюсон какое-то время держал Ольсена, а затем продал его в «Бордо», одновременно отправив Питера Барнса назад в «Манчестер Сити». Но поиски правильной комбинации на флангах не приносили результата. Стракана преследовали травмы, и он был продан в «Лидс» в процессе генеральной чистки, а на левом фланге Фергюсон экспериментировал с несколькими игроками, включая Колина Гибсона, Ральфа Милна и Дэнни Уоллеса, но без особого успеха.

Не повезло Фергюсону и с некоторыми его «птенцами». Джулиано Майорана, молодой парень итальянского происхождения из Кембриджа, был вынужден два года залечивать травму колена, а Тони Гилл сломал ногу в марте 1989 года и так и не сумел полностью восстановиться.

В конце концов, ответ был найден в лучших традициях «Юнайтеда». Фергюсон возродил систему поиска талантливой молодежи, и в «Торквей Юнайтед» был обнаружен 17-летний Ли Шарп, сыгравший считанное количество матчей в лиге. Он начинал защитником, но Фергюсон дал ему более атакующую роль.

Но, вне всяких сомнений, самым талантливым из открытых Фергюсоном игроков был Райан Гиггз. Появление 17-летнего валлийца на «Олд Траффорде» в мае 1991 года (за неделю до дебюта Канчельскиса в гостевом матче с «Кристал Пэлас»), когда он забил победный гол в ворота «Сити», не могло быть более впечатляющим.

Ни Гиггз, ни Канчельскис не возникли сами по себе. Напротив, они представляют собой образец классического партнерства на флангах атаки, ставшего уже частью фольклора «Юнайтеда». Эта комбинация дала болельщикам гораздо больше, чем просто победу в чемпионате после 26-летнего перерыва и дубль в следующем году. Эти победы были одержаны в соответствующем духу клуба стиле и как раз в то время, когда само понятие «стиль», кажется, стало выходить из моды.

С этой точки зрения Андрей Канчельскис имеет полное право считать себя наследником легендарных «летающих крайних» «Юнайтеда».

### СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА - МЕРСИСАЙД

Четыре года продолжался мой роман с «Манчестер Юнайтед» – одним из самых замечательных клубов мира, и это время я могу с полной уверенностью назвать лучшим периодом моей карьеры. Хотя вы уже поняли, что далеко не все и не всегда складывалось так, как я того хотел, но разве в жизни бывает что-либо идеальное? В мире нет совершенства – это, кажется, научный факт. Поэтому я никогда не позволял, да и сейчас не позволяю, никаким проблемам и временным трудностям затмить то хорошее, что было в моей жизни. И о своем пребывании в «Юнайтеде» стараюсь вспоминать только все лучшее, а такого, слава Богу, было немало.

К сожалению, нам не удалось расстаться полюбовно: весной 95-го в моих отношениях с Алексом Фергюсоном снова назрел кризис. Я не мог понять, каковы планы тренера в отношении меня, а он мне этого не объяснял. Он вообще не разговаривал со мной в течение пяти месяцев, и это меня очень расстраивало, потому что в подвешенном состоянии я находиться не люблю. Я хотел играть, так как чувствовал в себе силы и возможности оставаться игроком основного состава, и только что закончившийся сезон – мой лучший в «Манчестере» – подтверждал, что мои надежды небезосновательны. Но что думал об этом босс? Это всегда оставалось для меня загадкой, а на открытое выяснение отношений он упрямно не шел.

И тогда я громко заявил о своем недовольстве. Не знаю, быть может, это был неверный и опрометчивый ход. «Тренер знает лучше,

а дело игрока – выполнять указания», – такая точка зрения широко распространена, и я не хочу утверждать, что она ошибочна, тем более если речь идет о таком великом клубе, как «Манчестер Юнайтед», где всегда было множество отличных футболистов, и о таком тренере, как Алекс Фергюсон, который за годы своей работы с командой выиграл столько, сколько не снилось никакому другому тренеру мира.

Возможно, кто-то скажет, что мне не следовало возмущаться. В конце концов, в «Юнайтеде» и сегодня много игроков, которые не имеют постоянного места в основном составе, но при этом всегда готовы помочь команде и, кажется, вполне довольны своей жизнью. Скажем, норвежский форвард Оле-Гуннар Солскьяер, за которым давно закрепилось прозвище «суперсаб», что значит «суперзапасной». Он выходит на замену и забивает голы, отчетливо сознавая, что они не обеспечат ему места в стартовом составе на следующий матч. И вновь садится на скамейку, и вновь выходит, и вновь забивает...

Или Ники Батт, тихий, скромный и трудолюбивый парень, по таланту явно уступающий таким ярким полузащитникам «Юнайтеда», как Рой Кин, Дэвид Бекхэм, Райан Гиггз, Пол Скоулз и Хуан Себастьян Верон. Ему часто приходится оставаться в запасе, но он всегда готов заменить травмированного или дисквалифицированного товарища и постоянно находится в отличной форме. Именно поэтому, даже не будучи игроком основного состава клуба, он постоянно приглашается в сборную. Тренер национальной команды принимает: даже запасные «Юнайтеда» находятся в полном порядке.

Быть может, и я смог бы стать таким запасным в новой команде Алекса Фергюсона. Весной 95-го босс задумал серьезную перестройку и начал создавать команду, которая спустя несколько лет обретет законченный вид и в 99-м завоюет самый престижный клубный трофей – Кубок чемпионов. В ходе этой перестройки он расстался с некоторыми футболистами, долгое время служившими клубу верой и правдой: Пол Инс ушел в миланский «Интер», а Марк Хьюз – в «Челси».

Думаю, он рассчитывал на то, что я буду рядом и смогу помочь в случае каких-либо трудностей. По крайней мере, отпускать меня

босс не хотел и позже в автобиографии объяснил, что ему пришлось сделать это лишь под давлением со стороны моего агента. Не берусь судить, насколько искренними были его слова. Возможно, он просто хотел примириться с болельщиками, которые были очень разочарованы моим уходом, а возможно, и со мной. Но так или иначе, именно я, а не Фергюсон, был инициатором нашего расставания. Сейчас уже нет смысла рассуждать о том, правильно ли я поступил: никому не дано повернуть время вспять, чтобы посмотреть, что было бы, останься я в «Манчестере». Но в тот момент у меня были причины для поиска нового клуба. Я хотел играть постоянно и чувствовал, что «Юнайтед» не сможет мне этого гарантировать.

Нетрудно представить, что после моих 14 голов в сезоне 1994/95 в премьер-лиге было немало команд, желавших заполучить меня. Одной из них, насколько я знаю, был «Арсенал» (а еще газеты писали про «Лидс», «Блэкберн», «Тоттенхэм» и итальянские «Лацио» и «Интер»), но в этот клуб у меня, пожалуй, не было шансов попасть. Он всегда считался одним из главных конкурентов «Юнайтеда», а последнее, что захотел бы сделать Фергюсон, – это усилить опасного соперника. Был еще интерес со стороны «Миддлсбро»: эту команду тренировал Брайан Робсон, и, как выяснилось, его обещание взять меня к себе (помните наш разговор, когда мы еще были партнерами по «Юнайтеду»?) не было пустым. Я был бы рад играть под руководством Брайана, к которому по сей день сохраняю самые теплые чувства, но тут сыграл роль другой фактор – материальный. «Манчестер» понимал, что за меня можно потребовать неплохие деньги, а «Миддлсбро» в финансовом отношении был довольно скромным клубом и не смог конкурировать с «Эвертоном», в котором я, в конце концов, и оказался.

Клуб из Ливерпуля заплатил за меня пять миллионов фунтов, и эта сумма оказалась рекордной в его истории. Однако мой переход получился отнюдь не гладким и спокойным. Уже после того как я был представлен болельщикам своей новой команды (это произошло во второй половине июля), сделку было решено расторгнуть. Донецкий «Шахтер», ссылаясь на договор, заключенный с «Манчестером», заявил свои претензии на часть трансферной суммы. «Манчестер» же делиться не собирался, а поскольку деньги в тот момент

еще не были переведены на его счет, решил аннулировать соглашение с «Эвертоном». Я вновь оказался между небом и землей.

Это продолжалось примерно месяц. Трудно было найти менее подходящее время для выяснения отношений между клубами: лето заканчивалось, стремительно приближался новый сезон, а я не мог толком к нему готовиться. И вот, в очередной раз потеряв терпение, я объявил своеобразную забастовку и принял решение не появляться больше в «Манчестере», которому еще формально принадлежал. Заявив через прессу, что в «Юнайтеде» ноги моей больше не будет, я отправился на базу «Эвертона», где меня встретили толпы радостных болельщиков, и потратил куда больше времени и сил на раздачу автографов, чем на тренировку с новой командой.

Но долго тренироваться с «Эвертоном» мне не позволили. Английская футбольная ассоциация была вовлечена в этот конфликт и до окончательного решения всех вопросов запретила мне появляться в Ливерпуле. Я был в отчаянии: до начала чемпионата оставались считанные дни, а я толком не прошел предсезонную подготовку, занимаясь в основном самостоятельно. Дело еще осложнялось тем, что мне нужно было восстанавливаться после операции.

Бесконечные боли в животе, мучавшие меня в предыдущем сезоне, были не просто недомоганием (и уж совсем не симуляцией, как пытались представить некоторые злопыхатели из числа журналистов – таких, увы, вокруг меня всегда находилось немало). В итоге мне вырезали двойную грыжу. Сама по себе это не очень сложная и опасная операция, однако для спортсмена она имеет очень неприятные последствия. Согласно данным медиков, после такой операции человек на 30 процентов теряет свою природную скорость, а ведь именно это качество всегда ценилось в моей игре. Да и вообще для игрока моего амплуа скорость имеет решающее значение.

Так что летом 95-го мне как никогда требовалась упорная работа над своим физическим состоянием. И надо же было такому случиться, чтобы именно в это время начались все эти передраги, на долгое время оставившие меня вообще без клуба!

К счастью, рано или поздно все закончилось. Признаюсь, я даже не вникал в детали и понятия не имел, как договорились между собой «Шахтер», «Манчестер» и «Эвертон», да и не мое это дело.



Я официально стал игроком «Эвертона» и мог, наконец, работать с командой под руководством ее тренера Джо Ройла.

Моей семье не пришлось сильно менять жизненный уклад в связи с этим переходом. Поскольку от Манчестера до Ливерпуля всего 30 миль – менее 50 километров, мы остались жить в Манчестере. Потребовалось лишь найти новый дом, поскольку прежний, в Олтринхэме, снимал для нас «Юнайтед». За исключением этой незначительной перемены, все для нас осталось прежним, мы продолжали жить в привычной обстановке и сохранили сложившийся за четыре года круг общения. И прямо из Манчестера я легко и спокойно мог ездить в Ливерпуль на тренировки и игры.

Мой новый клуб, конечно, не являлся в глазах болельщиков визитной карточкой Ливерпуля. Из двух команд, представляющих этот город в элите английского футбола, «Ливерпуль» более знаменит. И это понятно: он больше, чем кто-либо другой в Англии, выигрывал национальный чемпионат – 18 раз, одержал шесть побед в Кубке Англии и столько же – в Кубке Лиги, а, кроме того, добился впечатляющих успехов в Европе (четыре победы в Кубке чемпионов, три – в Кубке УЕФА и две – в Суперкубке).

Достижения «Эвертона», кстати, старейшего клуба в городе (он был основан в 1878 году, на 12 лет раньше «Ливерпуля»), значительно скромнее: девять чемпионских титулов и пять Кубков Англии. Хотя бывали периоды, когда именно «Эвертон» играл первую скрипку. Так было, например, в 1985–1987 годах, когда ливерпульские команды, так сказать, превратили английский чемпионат в свою собственность: в 85-м и 87-м «Эвертон» становился первым, а «Ливерпуль» вторым, а в 86-м они поменялись местами. Есть в истории «Эвертона» и международная победа – в Кубке кубков 1985 года.

В тот момент, когда я попал в этот клуб, воспоминания о былых победах уходили все дальше в прошлое, однако успех в Кубке Англии 1995 года (в финале «Эвертон» выиграл как раз у «Манчестер Юнайтед» – 1:0) напомнил болельщикам о славных временах и подарил надежду на их возвращение.

Правда, начало нового сезона не было слишком уж многообещающим: в первых двух играх чемпионата «Эвертон» сумел набрать лишь очко, сыграв нулевую ничью в гостях с «Челси» и уступив до-

ма «Арсеналу» – 0:2. Эти матчи я пропустил, ведь сезон из-за предстоящего чемпионата Европы начался рано – 19 августа, а я, как уже было сказано, подготовиться к нему не успел. Но уже в третьей игре, 26 августа, Джо Ройл доверил мне место в составе.

Ни в коем случае не хочу утверждать, что именно мое появление на поле обеспечило «Эвертону» домашнюю победу над «Саутгемптоном» – 2:0. Напротив, справедливости ради должен признать, что сыграл я не самым лучшим образом, поскольку чувствовал, что еще не набрал оптимальную форму. Однако мы победили достаточно уверенно, а затем выиграли и в гостях у «Манчестер Сити» – также 2:0. В этом матче я уже сыграл значительно удачнее. Мое физическое состояние улучшалось день ото дня, и это было как нельзя более кстати, ибо в следующем туре нам предстояло принимать у себя на «Гудисон Парке» мою бывшую команду – «Манчестер Юнайтед».

Вообще-то я не считаю, что к матчам, имеющим для игрока или для всей команды особое значение, нужно готовиться как-то особенно. Наоборот, наибольшего успеха, по-моему, может добиться та команда, тренеру которой удастся настраивать своих футболистов на каждый матч одинаково серьезно, не деля их на первостепенные и проходные. Именно так работал с нами Алекс Фергюсон, для которого каждая следующая игра была как будто самой важной. И именно так вырабатывается у футболистов подлинно профессиональное отношение к делу. Ты должен выходить на поле и показывать все, на что способен, независимо от статуса матча или от турнирного положения твоей команды или команды соперников.

Так должен настраивать тренер своих игроков, и так каждый игрок должен настраивать самого себя. Если же ты начинаешь думать о том, что предстоящая игра для тебя особенно важна, что ты непременно должен кому-то что-то доказать, забить гол или сделать нечто выдающееся, от такого настроя может получиться больше вреда, нежели пользы. Конечно, все люди устроены по-разному, и кому-то, возможно, нужна особая «накачка», чтобы проявить свои лучшие качества, но для меня, по крайней мере, куда лучше сохранять трезвую голову и не тратить лишних нервов перед игрой.

Поэтому я стараюсь никогда не думать о том, что какой-либо матч

имеет для меня особое значение или особый подтекст. Мне так лучше. Но, конечно, готовясь к первой в моей жизни столь принципиальной игре, я не мог полностью избавиться от мыслей о том, что против своего бывшего клуба должен сыграть особенно хорошо. Я очень серьезно настраивался и, как следствие, очень нервничал. Но по-настоящему сыграть против своих бывших партнеров мне не довелось.

В самом начале матча я получил травму в столкновении с Ли Шарпом, моим добрым приятелем, с которым мы много времени провели в «Манчестере» и боролись, как вы помните, за место в составе. Возможно, это, а возможно, и тот факт, что мой уход из «Юнайтеда» оказался слишком бурным, навел некоторых на мысль о том, что Ли специально нанес мне травму. Что поделаешь, так называемые «любители жареного» склонны заниматься поисками черных кошек даже там, где их нет. Смею вас заверить, что уж, по крайней мере, между нами с Шарпом никакая черная кошка никогда не пробегала. И я не допускал даже мысли о том, что Ли мог намеренно нанести мне травму. Думаю, не могла возникнуть подобная мысль и у любого, кто видел тот эпизод.

Возможно, он действительно слишком резко бросился на меня в подкате, действуя, что называется, на грани фола, но таких моментов полным-полно в любом матче. А настоящей причиной моей травмы, наверное, было то, что я не успел сгруппироваться и неудачно упал на плечо, выбив ключицу. Прямо с поля меня увезли в госпиталь, где сделали рентген. Перелома не было, но вывих оказался настолько тяжелым, что я пропустил больше месяца.

Без меня «Эвертон» не сумел набрать ни одного очка: в упорной борьбе он проиграл «Юнайтеду» – 2:3, а затем еще «Ноттингему», «Вест Хэму» и «Ньюкаслу». И вновь мое появление на поле совпало с относительным успехом: по крайней мере, в двух матчах мы сумели не проиграть, взяв по очку в матчах с «Болтоном» и «Тоттенхэмом». Затем последовало поражение от «Астон Виллы» и выигрыш у действующего чемпиона «Блэкберна», а после этого нас ждал важнейший для любого поклонника «Эвертона» матч: 18 ноября нам предстояло сыграть с «Ливерпулем» на его стадионе «Анфилд Роуд». Такие игры называются мерсисайдскими дерби (Мерсисайд –

это графство, в котором находится Ливерпуль; оно получило свое название по названию главной реки – Мерси).

В этот день я завоевал сердца всех болельщиков моего нового клуба: мы победили – 2:1, и я забил оба гола.

Игра, как и положено настоящему дерби, проходила очень напряженно. «Ливерпуль» в тот момент шел на четвертом месте в чемпионате, и его положение было на девять позиций лучше нашего. Тем не менее мы считали, что нам вполне по силам победить самого принципиального соперника, пусть и на его поле, где «Эвертон» не выигрывал с 1986 года.

Первый тайм мы провели на равных: опасные моменты были у обеих команд, но использовать их не удалось никому. В основном велась жесткая борьба по всему полю. А после перерыва нам удалось явно прибавить, и вскоре я открыл счет. Получив верховую передачу с правого фланга от Пола Райдаута, я пробил головой, мяч попал в штангу, а от нее ворота. Так что мой первый гол за «Эвертон» оказался во многом исключительным, ведь игра головой, прямо скажем, никогда не была моим коньком. Подобных голов в моей карьере очень мало, может, оттого я и помню их почти все. Интересно, что до этого мой последний мяч головой был забит за «Манчестер» именно «Эвертону»!

«Ливерпуль», конечно же, разозлился и надолго прижал нас к воротам, подбадриваемый подавляющим большинством из 40 тысяч болельщиков, собравшихся на трибунах «Анфилда». Но нам удалось поймать хозяев на контратаке.

Организовал ее полузащитник шведской сборной Андерс Лимпар. Он прошел по левому флангу, сместился в центр и отдал мне пас направо вразрез между не ожидавшими от нас такого стремительного ответа защитниками. В итоге я оказался на углу штрафной площади один на один с вратарем Дэвидом Джеймсом. Недолго думая я пробил по воротам – пробил, что называется, на силу, так как времени задумать и исполнить какой-либо сложный удар у меня не было. Мяч полетел в ближний угол, и Джеймс, по большому счету, должен был парировать этот удар. Он действительно дотянулся до мяча руками, но справиться с силой удара не смог, так что мяч от его перчаток влетел в сетку.

Оставалось играть чуть больше двадцати минут, и «Ливерпуль», окончательно раскисев, полностью оголил тылы. У нас возник еще один отличный голевой шанс: я удачным пасом вывел один на один с Джеймсом Грэма Стюарта, но он пробил прямо во вратаря.

Все остальное время мы провели в обороне, и за несколько минут до конца Робби Фаулер отыграл один мяч. В последние мгновения нам пришлось выдержать настоящий шторм, но мы сумели сохранить свои ворота в основном благодаря многоопытному голкиперу сборной Уэльса Невиллу Саутхоллу.

Так мы выиграли самый важный матч сезона, и мне довелось оказаться его героем. Неудивительно, что обо мне на следующий день писали все газеты. Разумеется, мне было приятно читать хвалебные отзывы. Джо Ройл явно не боялся взглянуть меня: «Мы купили Андрея, чтобы он изменил положение дел, – сказал тренер, – и он доказал, что мы не ошиблись. Учтите при этом, что из-за грыжи и травмы плеча он много пропустил, так что с точки зрения готовности он еще только на предсезонном уровне. Увидите, что будет, когда он полностью наберет форму».

Особенно приятно слышать хорошие слова от соперников: уж они-то не будут зря расхваливать. Поэтому я был рад прочитать в газетах, что защитник «Ливерпуля» Марк Райт сказал: «Эвертон» очень правильно сделал, купив Канчельскиса. Андрей способен решить исход любого матча. Он быстр, силен, подвижен и умеет забивать».

После этой громкой победы и мои дела, и дела всей команды пошли в гору. До Нового года мы из восьми игр проиграли лишь две, и я сумел порадовать болельщиков еще тремя голами, теперь уже на своем стадионе. Постепенно мы начали выбираться из нижней части турнирной таблицы, тем более что чемпионат остался для нас единственным турниром. В Кубке кубков мы прошли только до второго круга, обыграв «Рейкьявик», а затем уступив «Фейеноорду» в равной борьбе, где все решил единственный за два матча гол Реджи Блинкера. Быстро вылетели мы и из обоих внутренних кубковых турниров, проиграв более чем скромным командам («Милл-олл» победил нас в Кубке Лиги, а «Порт Вэйл» – в Кубке Англии).

Но зато в премьер-лиге наши результаты становились все более

впечатляющими. Выдав беспроигрышную серию из восьми матчей, мы к середине февраля переместились на восьмое место. Еще одна яркая гостевая победа была одержана нами на «Хайбери» над «Арсеналом». К перерыву хозяева вели в счете благодаря точному удару своего знаменитого форварда Иана Райта, но во втором тайме мы с Грэмом Стюартом забили по голу и принесли команде неожиданный успех – 2:1.

Вот тут-то газеты и вспомнили о том, что летом тренер «Арсенала» Брюс Риоч настоятельно просил руководство клуба включить в борьбу за меня. Но пока директоры раздумывали, я оказался на «Гудисон Парке». Естественно, пресса этот факт пропустить не могла. Помню, один из отчетов о матче вышел под заголовком «Каноны расплачиваются за то, что проšliяпили Андрея».

Остановить нас сумел только «Манчестер Юнайтед», который уверенно продвигался к своему второму дублю. Мы отправились на «Олд Траффорд», где я смог в полной мере оценить, что значит играть не только против соперников, но и против зрителей. 55 тысяч человек дружно свистели, стоило мне коснуться мяча.

Выдержать такое непросто, но я не обижался на тех, кто еще год назад так же дружно скандировал мое имя. Разумеется, я понимал, что болельщики были огорчены моим уходом, хотя точно знал, что винили они в первую очередь не меня, а руководство, которое не смогло или не захотело сохранить меня для команды. И конечно же, мой уход из клуба не заставил их забыть все, что я сделал для «Манчестера» за четыре года.

Но игра – совсем другое дело. Сегодня ты соперник, а значит, прошлые заслуги, как бы велики они ни были, не имеют значения. Мы по разные стороны баррикад – хоть и всего лишь на полтора часа. Таковы правила. И болельщики должны освистывать меня – таков ритуал, пусть даже в остальные дни они все так же радостно встречают меня на улицах Манчестера и просят автограф, как было в то время, когда я носил майку их любимого клуба.

По правде говоря, в тот день я заслужил определенную долю свистков, так как играл не слишком уж хорошо. Да и вся наша команда выступила бледно, так что поражение – 0:2 было логичным и закономерным. Рой Кин и Райан Гиггз забили нам по голу в каждом



тайме, и «Юнайтед» продолжил погоню за «Ньюкаслем», который лидировал с самого начала чемпионата. Эта гонка продолжалась до начала марта, когда «Манчестер» выиграл у «Ньюкасла» на его поле, вышел в лидеры и больше уже не уходил с верхней строчки таблицы.

Ну а мы, несмотря на поражение на «Олд Траффорде», продолжали идти к намеченной цели. Цель эта появилась, конечно, не сразу, ведь, если судить по первым месяцам, нам предстояло бороться чуть ли не за выживание в премьер-лиге (в какой-то момент «Эвертон» опустился аж на 16-е место). Однако после Нового года об этом мы уже не вспоминали, а стали даже задумываться о месте в Европе на будущий сезон.

Для этого было необходимо войти в пятерку, а мы к началу марта были седьмыми. Поражение от «Юнайтеда» не выбило нас из колеи, и уже спустя три дня мы уверенно обыграли дома «Ноттингем Форест» – 3:0 (я забил один из мячей). До конца чемпионата оставалось 10 туров, и мы проиграли только два матча. Надежду же пробиться в Европу сохраняли до самого конца.

За два тура до финиша мы принимали «Ливерпуль», и я подтвердил в глазах болельщиков, что являюсь своего рода специалистом в области мерсисайдских дерби, забив гол в первом тайме. К сожалению, удержать победный счет нам не удалось: после перерыва Робби Фаулер (тоже, видимо, специалист по дерби) принес своему клубу очко. Тем не менее наши поклонники все равно были довольны, ведь в двух встречах с «Ливерпулем» мы взяли четыре очка из шести.

Но в итоге именно эта ничья и лишила нас места в Кубке УЕФА. А может, домашнее поражение от «Уимблдона» тремя неделями раньше, когда мы непонятным образом развалились во втором тайме, уступив посредственному, боровшемуся за выживание сопернику – 2:4.

Ценность утраченных в тех матчах очков мы осознали в самом конце. В предпоследнем туре мы отправились в гости к «Шеффилд Уэнсдей», где провели, наверное, лучшую игру в сезоне. Уже на четвертой минуте нигерийский форвард Даниэль Амокаши, которого многие наверняка запомнили по чемпионату мира 1994 года в США,



вывел нас вперед. «Шеффилд», правда, быстро отыгрался (интересно, что гол в наши ворота организовал тот самый Реджи Блинкер, который еще в начале сезона играл за «Фейеноорд» и чей точный удар выбил нас из Кубка кубков), но мы чувствовали, что нас уже не остановить.

Едва начав с середины поля, мы бросились вперед. Я промчался по правому краю и прострелил вдоль ворот, а Джон Эббрелл удачно замкнул этот прострел. Затем уже я сам отличился, и на перерыв мы ушли при счете 3:1. Во втором тайме я забил еще два мяча, сделав, таким образом, первый хет-трик за «Эвертон». Мы победили – 5:2, наша игра получила самые хорошие отзывы, ну, а о том, что писали обо мне как о герое матча, лучше, наверное, будет умолчать. Я был горд собой, но при этом чуточку жалел об упущенных возможностях, ведь я мог забить еще один-два гола. Вернее, один даже забил, но он был отменен из-за офсайда. А в другом эпизоде мяч после моего удара попал в штангу.

Вообще апрель стал для меня чрезвычайно удачным, и по итогам месяца меня признали лучшим игроком премьер-лиги.

И вот настал заключительный день чемпионата. Мы шли на шестом месте, на очко отставая от «Арсенала». Нам предстояло дома играть с «Астон Виллой», а нашим заочным соперникам – тоже дома с «Болтоном». Разумеется, находясь на поле, мы думали не только о собственной игре, но и о том, сумеет ли «Болтон» не проиграть.

К перерыву ни у нас, ни на «Хайбери» голов забито не было, и это мы посчитали добрым знаком. Правда, нам самим требовалось забивать, но в том, что это удастся, мы не сомневались. Наверное, поэтому и мучались столько времени с неуступчивой «Астон Виллой».

За 10 минут до конца «Болтон» подарил нам замечательный шанс, забив гол. Новость об этом сразу же распространилась и по скамейке запасных, и по трибунам «Гудисон Парка». Вдохновленные, мы бросились вперед, и, наконец-то, Джо Паркинсон послал мяч в сетку. Разве мог кто-либо в тот момент сомневаться в том, что заветное пятое место будет нашим? Мы выигрываем, а «Арсенал» проигрывает, тогда как его даже ничья не устраивает!

Мы довели свой матч до победы и прямо на поле остались ждать сообщения из Лондона. А дождавшись, испытали настоящий шок. Как оказалось, на последних минутах Дэвид Платт и Деннис Берхкамп сумели-таки принести «Арсеналу» победу. Мы так и остались шестыми, отстав на очко.

На следующий день мне уже не было интересно читать газеты. Поэтому я так и не знаю, продолжили ли журналисты развивать тему трансферной политики «Арсенала», поднятую после нашей победы на «Хайбери». Но наверняка никто не прошел мимо того факта, что в первый месяц своей работы на посту тренера «Арсенала» Брюс Риоч купил именно Платта и Берхкампа. Правда, это его не спасло: пятое место, которое для «Эвертона» было пределом мечтаний, для «Арсенала» считалось не слишком большим достижением (несмотря на то, что за год до этого «канониры» заняли вообще позорное 12-е место), а потому Риоча заменили на Арсена Венгера. И, думаю, впоследствии руководству клуба не приходилось жалеть об этом, ведь за шесть лет работы французского тренера «Арсенал» никогда не выпадал из тройки лучших команд премьер-лиги.

Итак, мы не сумели выполнить программу-максимум и пробиться в Европу, однако шестое место все равно считалось большим успехом. И это справедливо, ведь до того в течение нескольких лет «Эвертон» и близко не мог подобраться к десятке (как не может и до сих пор).

И лично для меня сезон 1995/96 был исключительным. Я сыграл 32 матча и забил 16 голов – больше, чем когда-либо в своей карьере. 16 мячей – это ровно четверть того, что забил наш клуб в премьер-лиге, и я с большим отрывом стал его лучшим бомбардиром (и это при том, что все мои голы были забиты с игры, поскольку пенальти в «Эвертоне» выполняли другие футболисты). Но даже не эти впечатляющие цифры радовали меня больше всего. Гораздо важнее было то, что я получил возможность играть спокойно, не волнуясь за свою судьбу и зная, что пользуюсь полным доверием со стороны тренера, который ни разу не дал мне повода усомниться в его планах на мой счет.

В общем, я был доволен жизнью и надеялся, что белая полоса в ней продлится как можно дольше и что успех с «Эвертоном» полу-

чит свое развитие в виде успеха со сборной, которой предстояло сыграть в финальном турнире чемпионата Европы. С большим воодушевлением ждал я начала европейского первенства, и воодушевление мое усиливалось от того, что чемпионат должен был пройти в Англии. Матчи первого этапа наша сборная должна была провести на «Олд Траффорде» и «Анфилде». Первый стадион я вполне мог считать для себя родным, а второй – счастливым. Разве это не добрый знак?

### ПОД ФЛАГОМ РОДИНЫ

К сожалению, чемпионат Европы 1996 года стал для меня и моих партнеров по сборной еще одним разочарованием. Это был второй после Евро-92 крупный турнир в моей карьере и закончился он для команды так же неудачно, как и первый. Как выяснилось впоследствии, первенство в Англии стало и последним для меня международным турниром, так что сейчас, наверное, самое время подвести итог моих выступлений в национальной команде, которая при мне носила три названия: сборная СССР, сборная СНГ и сборная России.

Как хорошо все было вначале! Завоевав в 1990 году титул чемпионов Европы среди молодежных сборных, мы видели перед собой большое, светлое будущее. Если мы однажды стали лучшими среди своих сверстников, то почему же нам потом не повторить успех, когда все мы будем играть уже за первые сборные своих стран?

Многие из нас отправились на чемпионат Европы в Швецию в составе сборной, которой руководил Анатолий Бышовец. Были в ней и футболисты постарше, такие, как мои большие друзья Олег Кузнецов и Алексей Михайличенко, с которыми нас связывает очень многое, в том числе и британский футбол. Так что к нашей тогдашней команде вполне можно было применить выражение «сплав молодости и опыта», которое, как правило, отражает наиболее удачное сочетание игроков, позволяющее рассчитывать на многое.

И мы действительно рассчитывали, особенно после того, как в отборочной группе сумели обойти трехкратных чемпионов мира – итальянцев. В очных спорах никому из нас не удалось победить (оба матча закончились нулевыми ничьими), и все решили результаты, показанные нами в матчах с соперниками по группе – венграми и норвежцами. В этих играх мы практически не теряли очков, тогда как итальянцы несколько раз оступились.

Выход из такой отборочной группы уже был успехом, и, окрыленные им, мы с надеждой ждали поездки в Швецию, хотя жеребьевку финального турнира никак нельзя было назвать благоприятной для нас: мы попали в одну группу с действующими чемпионами мира – немцами и победителями предыдущего первенства Европы – голландцами. Четвертой командой была Шотландия – пусть и не самая авторитетная, но всегда неуступчивая, составленная из настоящих бойцов, готовых биться от первой до последней минуты и никогда не признающих поражения заранее.

В итоге именно шотландцы поставили крест на наших амбициях. Наверняка мы недооценили их, сконцентрировав все свое внимание на двух других сборных. Но трудно было поступить иначе, тем более что матч с Шотландией был в нашей программе последним. А если тебе предстоит встречи с такими великими командами, как Германия и Голландия, можно ли думать о чем-то другом?

Мы готовились очень серьезно, понимая, что игры будут нелегкими и что нам в них не будет отведена роль фаворитов. Но играть можно с любым соперником, мы это знали и были настроены на борьбу.

Что ж, нам удалось побороться на славу: и немцы, и голландцы были вынуждены довольствоваться ничьими в матчах с нами. Причем для сборной Германии ничья вполне могла считаться спасением, ведь мы долгое время вели в счете после того, как Игорь Добровольский с пенальти открыл счет. И только в самом конце Томасу Хесслеру удалось выполнить один из своих великолепных штрафных ударов: обогнув внушительную стенку, мяч влетел в угол ворот вне досягаемости Дмитрия Харина, который очень хорошо потрудился на последней линии обороны, чтобы как можно дольше сохранять наши надежды на успех.

Мы были разочарованы, пропустив гол на последних секундах, хотя, наверное, ничья была справедливым исходом. Да и кто перед началом матча мог быть уверен в том, что нам удастся обыграть чемпионов мира? Но все равно упустить таким образом победу очень обидно.

Как говорится, нам не повезло. Впрочем, отыграв уже 15 лет, я понимаю, что разговоры о везении и невезении в футболе бесполезны. Прежде всего потому, что эти понятия – неотъемлемая часть любой игры. Трудно сосчитать, сколько существует факторов, которые можно признать невезением: наивная ошибка, которую в обычной ситуации ты не совершишь никогда в жизни; невнимательность судьи, пропустившего нарушение правил или, напротив, усмотревшего его в безобидном эпизоде; наконец, попадание мяча в штангу. А еще может не повезти с погодой или с тем, что у тебя, а то и у всей команды, окажется просто неудачный день.

Но все это, конечно, может приключиться и с твоим соперником, значит, ты можешь считать, что тебе повезло. Правда, обычно люди говорят только о невезении, полагая, что, если все сложилось удачно, это в порядке вещей. Согласитесь, это очень удобная позиция: если ты выиграл – значит, заслужил, а если проиграл – значит, не повезло.

На самом деле, футбол соткан из множества эпизодов, на которые соперники в зависимости от исхода событий могут смотреть по-разному. Мы имели основания полагать, что с голом, пропущенным от немцев на последних секундах, нам не повезло. Но немцы, уверен, этот гол считали отнюдь не везением, а заслуженным результатом своих усилий. Они не сдавались, шли вперед, атаковали из последних сил, заработали штрафной и блистательно его реализовали (объективно-то говоря, удар Хесслера был прекрасен). При чем тут везение, спросят они и будут правы.

И так можно посмотреть на любой эпизод любого матча. А потом попытаться представить, сколько таких эпизодов бывает у футболиста в карьере. Разве смогу я сейчас вспомнить, что было чаще: когда мои команды забивали или пропускали на последних секундах, когда судьи ошибались в нашу или в противоположную сторону, когда, наконец, мяч попадал в наши или чужие штанги?

Были такие моменты и в матче с голландцами. Скажем, наши соперники могли считать, что им не повезло, когда судья отменил гол Марко ван Бастена из-за офсайда, хотя в том эпизоде было крайне трудно оценить ситуацию, и даже телеповтор не давал точного ответа на вопрос, действительно ли знаменитый форвард находился вне игры. С другой стороны, мы имели все основания полагать, что нулевая ничья была нами полностью заслужена, поскольку мы боролись изо всех сил.

Конечно, можно говорить и о полнейшем невезении в последней игре с шотландцами: один гол был забит нам после рикошета от ноги защитника, другой – после того, как мяч от штанги отскочил в руку лежавшего на земле Харина, а от нее – в сетку. Да, есть от чего придти в отчаяние, но, наверное, было бы несправедливо по отношению к соперникам сваливать все на невезение.

Шотландцы тоже бились как могли и с немцами, и с голландцами, но оба матча в упорнейшей борьбе проиграли. Так что к игре с нами все шансы на выход в полуфинал они потеряли. Наверное, это обстоятельство и сыграло с нами злую шутку. Нет, мы не праздновали победу заранее, готовились к игре тщательно, но в глубине души, пожалуй, не могли поверить в то, что, испытав разочарование дважды подряд, наши соперники найдут в себе силы снова сыграть на пределе возможностей.

А они нашли, и в итоге мы потерпели поражение с самым крупным счетом, который был зафиксирован на том турнире – 0:3. И это в тот момент, когда мы уже видели себя в полуфинале чемпионата Европы.

Обидно было отправляться домой преждевременно, но все же мы (по крайней мере, наиболее молодые из нас) верили, что выступление в Швеции не прошло даром, что мы обрели ценнейший опыт и что все у нас еще впереди.

Однако жизнь распорядилась иначе, и наша сборная за последующие годы так и не сумела превзойти показанный на Евро-92 результат: ей даже не всегда удавалось преодолеть барьер отборочных матчей. Если же удавалось, то из группы она, как известно, не выходила.

Думаю, все началось с того, что руководство Российского фут-



больного союза приняло решение сменить тренера после чемпионата Европы. Контракт Бышовца был заключен до 1994 года, однако, объясняя свое решение тем, что раньше у нас была одна страна – СССР, а теперь стала другая – Россия, РФС задумал провести новые выборы тренера. Дабы продемонстрировать объективность и добрую волю руководства, Бышовцу предложили тоже поучаствовать в этих выборах, от чего он отказался, полагая, что в такой ситуации у него не было шанса. И он был прав. Почему? Нам, игрокам, это было хорошо известно.

После проигрыша шотландцам руководство, которое, понятно, было расстроено не меньше нас, неожиданно решило изменить условия нашего соглашения, достигнутого еще до начала турнира, и заплатить нам за выступление в Швеции меньше, чем было обещано ранее. Естественно, мы были ошарашены таким решением, так как заранее никто не говорил, что, мол, если покажете такой-то результат, получите столько-то, а если результат будет иным, то и оплата, соответственно, уменьшится.

О деньгах нам еще придется поговорить в ближайшее время – увы, от этого разговора не уйдешь, – но сейчас скажу лишь одно: не о конкретных суммах мы вели тогда речь, а лишь о том, что нужно держать свое слово и выполнять обещания, не переигрывая все в последний момент.

Тогда, в Швеции, Бышовец встал на сторону игроков и добился от РФС выполнения всех условий. И тем самым, конечно же, испортил отношения с руководством. Потому и считал совершенно справедливо, что при выборах нового тренера сборной шансов у него не будет никаких.

Команду возглавил Павел Садырин, и вскоре мы начали отборочный турнир к чемпионату мира 1994 года в США. Ситуация же с материальными и организационными вопросами на время успокоилась, однако спустя полтора года огонь вновь разгорелся, и еще ярче, чем раньше.

Случилось это 17 ноября 1993 года после нашего заключительного отборочного матча в Греции. Мы проиграли – 0:1 и заняли второе место в группе вслед за греками. Впрочем, особого значения это не имело, так как обе команды получили путевки в финальный турнир.

Я ту игру пропускал из-за двух предупреждений, а потому находился в Манчестере. Туда мне и позвонил из Греции наш капитан Игорь Шалимов. Рассказал, что проигрыш, пусть и не критический, снова привел к тому, что РФС задумал изменить условия нашего премирования за выход в финальный турнир; что без нашего ведома (но от нашего имени) был заключен контракт с фирмой «Рибок», которая поставила нам форму крайне низкого качества; что футболисты, помимо всего прочего, недовольны методами тренировочной работы Садырина. Также Игорь сообщил мне о том, что большая группа игроков приняла решение обратиться с письмом к Шамилю Тарпищеву, который был тогда советником Президента России по спорту, прочитал мне это письмо и спросил, разделяю ли я изложенные в нем взгляды.

В том письме были три пункта. Мы (я говорю «мы» потому, что, когда Игорь прочитал мне это письмо, я его поддержал и сказал, что присоединяюсь к товарищам) считали: а) что сборную к чемпионату мира должен готовить Бышовец, поскольку уровень работы Садырина не соответствовал уровню такого турнира; б) что необходимо изменить условия материального вознаграждения за выход в финальную часть (то есть, вернуться к прежнему соглашению, которое уже было достигнуто); в) что нужно улучшить материально-техническое обеспечение команды. Всего, считая мою, под письмом было 14 подписей.

Так и разгорелся скандал, в результате которого мы ничего не выиграли, а лишь выслушали в свой адрес множество несправедливых обвинений. Самым несправедливым и обидным было обвинение в рвачестве. Собственно, к нам сразу приклеили ярлык «рвачи», сведя существо конфликта к материальной стороне.

В итоге я и еще шесть человек из числа подписавших письмо – Игорь Шалимов, Сергей Кирьяков, Игорь Добровольский, Игорь Колыванов, Василий Кульков и Андрей Иванов – не поехали на чемпионат. Другие передумали – кто раньше, кто позже. Я им не судья, хотя для меня вопрос был сразу же решен окончательно и бесповоротно. «Давши слово, держись», – учит пословица, и я всегда старался следовать ей. Никто не неволил меня, не вынуждал подписыв-

вать письмо. Я подписал его потому, что был согласен с каждым словом. И свое слово ценю превыше всего.

Я не отступил от своего слова, несмотря на все советы и угрозы. За те месяцы, что прошли между написанием письма и чемпионатом мира, мне не раз приходилось общаться с Павлом Садыриным, обсуждать ситуацию. Я откровенно объяснил ему, что это вопрос совсем не личного характера. Как к человеку у меня не было к нему претензий, но как к тренеру были. Я все-таки много времени провел за границей, в таком большом клубе, как «Манчестер Юнайтед», и отнюдь не понаслышке знал о передовых методах работы, позволявших добиваться серьезных результатов. Поэтому сам мог судить, насколько методика Садырина не соответствовала современной европейской методике.

А лично к Садырину я относился неплохо, даже несмотря на то, что во время этого конфликта он не раз награждал нас во всеуслышание нелестными, прямо скажу, грубыми эпитетами. Но ему ведь тоже было тяжело, а справиться с таким напряжением может не каждый. Я не винил его и не стал считать своим врагом. Я не раз говорил тогда и повторяю это сейчас: наши разногласия имели не личный, а лишь профессиональный характер.

Увы, суть этих разногласий с подачи наших оппонентов и подпевавших им журналистов была сведена лишь к одному пункту – материальному. Тогда как для нас самих он был не так уж важен. Нам прежде всего хотелось достойно выступить на чемпионате мира, и мы понимали, что для этого нами должен руководить самый квалифицированный тренер, а таким мы считали Бышовца.

Если вы спросите меня сегодня, по прошествии почти десяти лет, были ли, на мой взгляд, наши действия ошибкой, я отвечу: «Да». Добровольно отказаться от участия в таком турнире, как мировое первенство (тем более, что, как показала жизнь, это был наш единственный шанс), разве это не ошибка футболиста? Ошибка, да еще какая! Но вот другой вопрос: был ли у нас шанс избежать этой ошибки? На него я едва ли смогу ответить определенно.

Те ребята, которые, передумав, все-таки отправились в США, вернулись оттуда без особой славы и ярких впечатлений. Некото-

рые из них признавались мне позже, что считали ошибкой поездку туда. Видите, как получается: и так ошибка, и так ошибка.

Наша сборная попала в такую группу, из которой и в сильнейшем-то составе, с лучшим тренером, было крайне сложно выйти. Бразилия – будущий чемпион, Швеция – будущий третий призер, и Камерун. Я не берусь утверждать, что, будь мы все вместе и руководимы Бышовцем, мы выступили бы лучше. Но нельзя не признать, что в том виде, в каком команда приехала в Америку, у нее было совсем мало шансов.

Многие тогда говорили, что мы нарушили один из главных футбольных законов: игроки должны выполнять указания тренера, а не указывать ему и тем более не диктовать руководству, какого тренера ему назначать. Да, закон такой существует, но наш футбол в то время жил отнюдь не по законам. Законы игнорировались и чисто спортивные (как я уже говорил, мы, игроки зарубежных клубов, отчетливо осознавали, насколько отставал наш футбол от европейского), и общечеловеческие: нас постоянно обманывали, с нами хитрили, как только могли.

Когда мы завели речь о материальном вознаграждении, мы говорили вовсе не о том, что нам надо платить больше. Вообще никогда за время моего выступления в сборной никто из нас не то что не торговался, но даже и не обсуждал таких вопросов. Нам говорили: «Ребята, за это вы получите столько-то», мы отвечали: «Хорошо» и шли делать свое дело. Никакого недовольства, никаких просьб увеличить сумму не было и в помине.

Недовольство же и возмущение появлялись тогда, когда нам по окончании турнира, отборочного или финального, вдруг объявляли, что заплатят меньше, чем обещали. Вот это я и называю неуважением законов – законов чести, законов порядочности. Не хочешь много платить, – назови сразу меньшую сумму, и можешь быть уверен, что никто не встанет и не скажет: «Ну нет, за такие деньги я играть не буду». Но уж если дал слово – выполняй. Вопрос только в этом, а вовсе не в лишних нулях в ведомости. В конце концов, всем известно, что игроки зарабатывают деньги не в сборной, а в клубах. Выступления за национальную команду – это прежде всего честь, а не заработок. Но почему слово «честь» должно иметь зна-

чение только для нас, а не для руководства? Пообещать, а потом не выполнить обещание – разве это соответствует понятиям чести?

Понимаю, что мои слова могут вызвать скептическую усмешку и что проверить их нельзя, но если бы вдруг нам сказали: «Так, мол, и так, денег у РФС нет, и платить мы вам вообще не сможем», думаете, мы бы все отказались играть за сборную? Уверяю вас, отказников было бы немного. По крайней мере, мы бы точно знали, что уж здесь нас не обманут. Другое дело, что никто не мог нам так сказать, ведь всем известно, что за участие в финальном турнире чемпионата мира или Европы все национальные федерации получают деньги от ФИФА или, соответственно, УЕФА.

Примерно то же самое происходило и с экипировкой. Зачем нам подсовывали второсортную форму, тренировочные костюмы не по размерам? Не легче ли было сказать: «У нас проблемы, поэтому давайте тренируйтесь в своей форме»? Боже мой! Да разве трудно было мне взять с собой из Англии бутсы, футболку да трусы? Уж здесь-то любого из нас экипируют так, что формы до конца дней хватит. И я преспокойно, без малейшего ущерба для своего клуба, мог бы тренироваться со сборной в собственных вещах. А так я был вынужден буквально выпрашивать новые штаны, говоря, что прежние порвались. А в ответ администратор удивленно поднимал брови: «Как же так, они же у тебя новые». Ну и что, что новые, если рвутся на второй день? Или, может, я их специально ножницами порезал?

Не знаю, стоит ли дальше развивать эту тему. Надеюсь, вы и так поняли, в каком настроении находились мы в тот момент, когда развивался этот конфликт. Быть может, кому-то все это покажется совершенно незначительным, но, поверьте, очень трудно сосредоточиться на тренировках и игре, когда все вокруг настолько неорганизовано, когда приходится понапрасну тратить нервы и время на то, что этого действительно не заслуживает. А мы, между прочим, умудрялись при этом играть не так уж плохо. По крайней мере, поставленную в отборочном цикле задачу сумели выполнить.

Ну, а за финальным турниром чемпионата в США мне пришлось следить по телевидению. Это было тяжело, но я все равно переживал за нашу команду. А накануне ее отъезда в Америку послал в РФС факс с пожеланием успеха.

Вернулся я в сборную уже при Олеге Романцеве, который возглавил ее по окончании чемпионата мира. Казалось, все проблемы и конфликты остались позади, можно снова забыть обо всем и просто играть в футбол.

В отборочной группе жребий вновь свел нас с греками, но на этот раз им не удалось испортить нам настроение: мы обыграли их и дома, и в гостях. Самым серьезным для нас соперником оказалась Шотландия, с которой мы оба раза сыграли вничью. За счет более удачно проведенных встреч с другими сборными мы заняли первое место и вместе с шотландцами получили путевку в финальный турнир.

В Англии, увы, нас ждало очередное разочарование. Группа нам вновь попалась очень сильная – Германия, Италия и Чехия, но мы все же надеялись на успех, помня о том, как довольно успешно играли и с немцами, и с итальянцами в предыдущем цикле европейского первенства.

Однако воспоминания нам мало чем помогли: мы опять столкнулись с тем, что тренеры не смогли подготовить команду к финальному турниру. В отборочных матчах наша команда выглядела вполне солидно, но одно дело собираться на несколько дней перед каждой игрой, когда сезон в разгаре и футболисты находятся в хорошей форме, и совсем другое – целенаправленно готовиться к продолжительному турниру, когда сезон закончен и тренировки – это все, что у тебя есть.

Тренировки Олега Романцева включали в себя, по сути, лишь два упражнения: игру в квадрат и удары по воротам. Такие занятия помогают поддерживать тонус, чувствовать мяч, но для того, чтобы быть готовым в течение недели провести на пределе своих возможностей три игры с соперниками высочайшего класса, их явно не хватает.

Мы просто оказались не готовы физически, и наших сил хватило, по существу, только на первый тайм стартового матча с Италией. Мы сыграли его на равных – 1:1, но после перерыва пропустили еще один гол и не нашли в себе сил отыграться. А следующая встреча с Германией показала, что в тогдашнем физическом состоянии нам было нечего делать на таком турнире. Мы снова смогли



продержаться первые 45 минут (0:0), после чего немцы, дождавшись, когда мы выдохлись, могли делать на поле все, что хотели. Разгромное поражение – 0:3 практически лишило нас шансов на выход в четвертьфинал, и только неожиданная победа чехов над итальянцами оставила чисто теоретическую возможность.

У нас оставался, наверное, один шанс из тысячи, и, чтобы использовать его, нужно было выиграть (желательно два мяча) у чехов и надеяться на то, что Германия, которая уже обеспечила себе выход из группы, победит Италию. Не вышло ни первого, ни второго, хотя матч Россия – Чехия оказался захватывающим по сценарию. Обе команды поочередно вели в счете и в итоге сыграли вничью – 3:3.

В том матче я участия не принимал, попав, как и некоторые другие ребята, в немилость к тренеру. Уже позже я узнал, что Романцев назвал меня в числе виновников неудачного выступления в Англии. Другими были Кирияков и Шалимов. По словам тренера, мы испортили моральный климат в команде.

Да, это было очень удобно – свалить все на тех, кто однажды дал тебе повод. Люди помнили 93-й год и потому легко могли поверить, что, заварив кашу один раз, мы были способны повторить то же самое.

В чем же заключалась наша вина на сей раз? Всего лишь в нескольких откровенных фразах в интервью зарубежным журналистам. Понятно, что особым вниманием со стороны иностранных корреспондентов пользовались те из нас, кто играл в клубах их стран. Ко мне подходили с вопросами англичане, к Шалимову – итальянцы, к Кириякову – немцы. И мы, привыкшие общаться с прессой откровенно, не подумали о том, чтобы скрыть свои чувства.

Нет, мы не раздражались критическими тирадами в адрес тренеров. Хватило лишь нескольких слов. Шалимов просто заметил, что команда плохо подготовлена физически. Кирияков выразил сожаление по поводу того, что его не поставили на матч с Германией. И я понимаю его: выйдя на замену во встрече с итальянцами, он очень здорово вписался в игру и прекрасно сыграл на правом фланге атаки против самого Паоло Мальдини. После такого выступления он вполне мог рассчитывать на место в составе на второй матч,



однако Романцев посчитал иначе, и Колыванов вновь оказался единственным нашим нападающим в тот день.

Ну, а я... Я беседовал с английским журналистом, который, конечно же, прекрасно знал, как я играл в «Манчестере» и «Эвертоне», и потому не мог не спросить меня, нравится ли мне моя позиция в сборной. Дело в том, что Олег Романцев никак не мог сделать выбор между двумя правыми полузащитниками, имевшимися в его распоряжении – Валерием Карпиным и мною. Вместо того, чтобы отдать предпочтение кому-то из нас или дать обоим шанс играть по очереди, он выпускал нас на поле вместе, и нам очень трудно было поделить на двоих один фланг. В итоге Валера брал на себя больше атакующих функций, а я – оборонительных. Разве должен был я врать в интервью и говорить, что мне, лучшему бомбардиру «Эвертона», по душе такая игра?

Вот, собственно, и все. Три короткие откровенные ремарки в беседах с иностранными журналистами. Никаких криков души, никаких обвинений, никакого бунта. Но и этого оказалось достаточно. Не знаю, кто сообщил тренеру о наших «крамольных» словах, но выводы последовали незамедлительно. Шалимов вообще не появился на поле, а мы с Кирияковым просидели на скамейке третью игру. По возвращении же домой Романцев объявил, что при подготовке к чемпионату Европы допустил одну-единственную ошибку: взял не тех игроков.

А ведь в отборочном турнире мы были «теми»: из девяти матчей, которые наша команда провела первым составом, Кирияков участвовал в восьми и забил несколько голов. Мы с Шалимовым провели по шесть игр, пропуская матчи только из-за травм. И все вроде бы было нормально. Но в итоге – опять «не те».

Я не хочу здесь выяснять отношения с Олегом Романцевым. Особенно сейчас, когда он переживает явно не лучший период в своей карьере. Жизнь, как говорится, сама расставила все на свои места, и несколько последних лет, кажется, наглядно показали место этого тренера в современном футболе. Мне добавить нечего.

Вот так и закончился второй и последний крупный турнир в моей жизни. На чемпионат мира 98-го года мы не попали: заняв в отборочной группе второе место вслед за болгарами, мы были вынуж-

дены играть стыковые матчи с итальянцами и уступили им не без борьбы. А в начале 98-го, после товарищеского матча с Францией в Москве, я объявил об окончании выступлений за сборную. Посчитал, что настала пора уступить дорогу молодым, хотя, честно говоря, в 29 лет и себя не считал старым. Должно быть, просто устал от бесконечных разочарований.

Правда, в какой-то момент я ненадолго вернулся в сборную. Было это в том же 98-м, после того как Бориса Игнатьева сменил Анатолий Бышовец (как я уже говорил, слишком уж часто менялись тренеры в нашей сборной, чтобы можно было вести целенаправленную работу по созданию боеспособной команды).

Бышовец вернулся, что называется, в пожарном порядке, когда оставалось совсем немного времени до начала нового цикла. Игнатьев вроде бы не собирался уходить, но потом вдруг подал заявление об отставке в разгар лета. Бышовца сразу назвали в числе вероятных кандидатов, но сам он в одном из интервью сказал, что возглавить команду в такой ситуации может только безумец или авантюрист. Потом, видимо, его природное честолюбие взяло верх.

Вернувшись, он позвал нас – тех, с кем работал в 92-м и кто боролся за него в конце 93-го. Но, видимо, сам не слишком отчетливо представлял, что собирается сделать. Поэтому, приезжая на сборы, мы не были уверены в том, что он действительно на нас рассчитывает. Все это кончилось довольно быстро: после нескольких поражений подряд Бышовец ушел, и его уход стал концом и для многих из нас.

Но вернемся в 1996 год.

### ПЕРЕЕЗД НА АПЕННИНЫ

После неудачного выступления на чемпионате Европы у меня не было никакого желания отдыхать, и остаток лета я провел в Манчестере, стараясь как можно быстрее забыть об июньском разочаровании, чтобы с новыми силами и устремлениями вступить в новый сезон с «Эвертоном».

Шестое место в премьер-лиге воодушевило и команду, и ее болельщиков, которые стали лелеять надежду на возвращение славных времен. Но сами по себе эти времена вернуться не могли, и наш тренер Джо Ройл чувствовал острую необходимость усилить команду, сделать ее конкурентоспособной, тем более что уровень игры в премьер-лиге постоянно повышался. Ведущие клубы стали активно приглашать высококлассных иностранных футболистов, воспользовавшись результатами сенсационного «дела Босмана».

15 декабря 1995 года мировой футбол начал меняться и вскоре изменился до неузнаваемости. Именно в этот день, который без малейшего преувеличения можно назвать историческим, Европейский Суд справедливости в Люксембурге вынес решение в пользу Жан-Марка Босмана, до той поры никому не известного скромного футболиста второразрядных клубов. В свое время ему не позволили перейти из бельгийского «Льежа» во французский «Дюнкерк» (хотя его контракт истек, «Льеж», тем не менее, заявил на него свои права и в итоге воспрепятствовал переходу), и возмущенный несправедливостью игрок начал судебную борьбу.

Эта борьба продолжалась пять лет, стоила ему карьеры и всех сбережений, разрушила семью (не выдержав напряжения такой жизни, от него ушла жена), но в итоге увенчалась успехом. Суд признал, что действовавшие тогда в европейском футболе законы не соответствовали законам общества. В результате было решено, что футболисты, как и представители любой другой профессии, могут свободно перемещаться в пределах Европейского Союза в поисках работы. А значит, существовавшие в разных лигах лимиты на иностранных игроков нарушали права человека и должны были быть отменены. Кроме того, по истечении контракта с клубом футболист получал статус свободного агента, и клуб не имел на него никаких прав и не мог распоряжаться его судьбой.

Многие считали, что «дело Босмана» – бомба, которая взорвет европейский футбол. На самом деле взрыва не произошло, но футбол действительно изменился. И английский в первую очередь. В страну хлынул поток квалифицированных игроков из-за рубежа, и вскоре появилось немало команд, в составе которых почти не было британцев.

Понятно, что многим такие перемены были не по душе, велись долгие разговоры о потере клубами национальной принадлежности, но поделать ничего было нельзя: футбол обязали жить по общим законам общества. И сегодня, кажется, никто уже не сокрушается по этому поводу. По крайней мере, болельщики, скажем, «Арсенала» или «Челси» (в этих командах иной раз вообще не было английских игроков) привыкли довольно быстро. Поклонники прежде всего хотят, чтобы их любимые клубы выигрывали, и если желаемый результат достигается, они не смотрят на национальность тех, кто приносит им радость.

В 96-м году иностранцев в премьер-лиге становилось все больше и больше, и уровень игры большинства команд стремительно возрастал. Видя это, Джо Ройл понимал, что «Эвертону» без солидного укрепления состава будет трудно рассчитывать на дальнейшее продвижение вверх по турнирной таблице. И он тратил множество сил, энергии и времени на то, чтобы убедить руководство занять активную позицию на трансферном рынке. Но успеха не добился. Быть может, у «Эвертона» просто не было денег для того, чтобы на

равных конкурировать с такими мощными клубами, как «Манчестер Юнайтед», «Ливерпуль», «Арсенал» или «Челси». А может, директорат не считал это необходимым. Но так или иначе, никаких серьезных приобретений сделано не было.

Правда, мы все равно начали сезон неплохо, одержали несколько побед, но со временем отсутствие так называемой «длинной скамейки», то есть большой группы квалифицированных игроков запаса, начало сказываться, и к концу осени у уставшей команды начался спад.

Спад не миновал и меня, но до этого я получил еще один ценный индивидуальный приз. В октябре меня признали лучшим игроком Мерсисайда.

Этот приз был учрежден тремя годами ранее газетой «Ливерпуль эхо». Она призвала своих читателей определить лучшего футболиста в графстве, причем, естественно, не только среди игроков «Ливерпуля» и «Эвертона». Рассматривались и кандидатуры тех, кто выступал за более скромные команды низших лиг, и, кстати, первым обладателем приза стал именно такой игрок – знаменитый ирландский нападающий Джон Олдридж, могучий, нестигаемый форвард. Он несколько лет играл за «Ливерпуль», затем за испанский «Реал Сосьедад», а заканчивал свою долгую и яркую карьеру в мерсисайдской команде первого дивизиона «Трэнмир Роверс».

Лучшим игроком графства он был признан в 93-м, когда ему было 35 лет, а в следующем году отправился с ирландской сборной на чемпионат мира в США, где, правда, выходил в основном на замену. Но за клуб продолжал играть еще несколько лет – и именно играть, а не доигрывать. К примеру, в сезоне 1995/96, когда мы с ним были, так сказать, земляками, он наколотил за «Трэнмир» в чемпионате первого дивизиона ни много ни мало 27 голов!

Вслед за Олдриджем лучшими игроками Мерсисайда дважды признавались молодые футболисты «Ливерпуля» – Робби Фаулер и Стив Макманаман. И только на четвертый год праздник пришел на улицу болельщиков «Эвертона»: на сей раз обладателем почетного титула стал я.

Этот титул я называю почетным вовсе не для того, чтобы повысить свой авторитет в чьих-либо глазах. Я действительно считаю

его очень важным для себя, ведь он свидетельствует о том, что меня признали не только собственные, но и чужие болельщики.

Нетрудно предположить, что у «Ливерпуля», более титулованного и знаменитого на весь мир клуба, поклонников в Мерсисайде больше, чем у любой другой команды. Наверняка они составляют большинство и среди читателей «Ливерпуль эхо», так что если бы при голосовании все руководствовались лишь своими пристрастиями, призы неизменно доставались бы игрокам только одной команды. Но, выходит, голосовали они не сердцем, а умом, отчего и картина складывалась, похоже, объективная.

Вообще объективность – одна из удивительных черт английских болельщиков, которая всегда восхищала и продолжает восхищать меня до сих пор. Из-за нескольких печальных инцидентов, организованных головорезами, о британских любителях футбола ходит во всем мире дурная слава. И это можно понять, хотя, если задуматься, будет крайне неверно делать вывод о сотнях тысяч болельщиков на основании поступков нескольких десятков, пусть даже сотен, хулиганов.

Да, естественно, когда ты играешь в гостях, поклонники команд соперников во время матча могут освистывать тебя и изощряться во всяких обидных репликах в твой адрес. Я понимаю это и считаю частью игры. Но при этом любой болельщик всегда способен оценить хорошее техническое действие, красивый эпизод, яркую игру соперника. Так что когда матч закончен и эмоции остались позади, вы всегда можете рассчитывать на то, что стадион, обрушивавший на вас свой гнев в течение полутора часов, проводит вас с почестями, если вы того заслуживаете.

Думаю, будет справедливо сказать, что английская болельщическая культура – это уникальное явление. По крайней мере, я нигде больше такого отношения к футболу и футболистам не встречал.

В том, что я живу в каком-то удивительном футбольном мире, я продолжаю постоянно убеждаться и сейчас, будучи игроком «Саутгемптона». Когда мы собираемся на тренировочной базе, нас перед началом занятий часто отправляют в одну из комнат, где разложены футболки и мячи с символикой клуба, и мы по очереди подписываем их, чтобы они потом стали вожаденными сувенирами и

призами для наших болельщиков. Многие поклонники, пользуясь случаем, передают через работников клуба и свои собственные реликвии, чтобы получить автографы любимых игроков. И я иногда обнаруживаю на столе свои фотографии разных лет. Когда еще не были распространены открытки с моим портретом в форме «Саутгемптона», болельщики приносили мне на подпись все, что смогли достать: то я в красных цветах «Манчестера», то в синей майке «Эвертона» или «Глазго Рейнджерс». Иной раз встречались даже ксерокопии газетных вырезок.

Эти картинки всегда трогали меня. Я понимал, что людям, приносившим их, было совершенно безразлично, какая на мне форма, они хотели получить автограф Андрея Канчельскиса, и цвет футболки их абсолютно не волновал. Почему-то мне кажется, что такое невозможно ни в одной другой стране. Скажем, в Италии, если бы я сперва играл за «Фиорентину», а потом перешел в «Ювентус» или «Милан», то любой болельщик моего нового клуба, попадись ему моя фотография в прежней команде, попросту разорвал бы ее на мелкие кусочки. Он бы не допустил, чтобы в его коллекции оказалась открытка пусть даже любимого игрока, но в других цветах. В Англии, как я убедился, к этому относятся совсем иначе.

Итак, «Эвертон» осенью 96-го начал понемногу сдавать свои позиции. Джо Ройл безуспешно пытался усилить команду, без устали споря с директорами. Я, как мог, пытался поддержать тренера, поскольку понимал его правоту.

Должно быть, мои успехи в предыдущем сезоне повысили мнение Ройла о российских футболистах, потому что он был не прочь заполучить кого-либо из моих соотечественников. По моему совету он обратил внимание на Витю Онопко, который тогда играл в «Овьедо», а еще к нам приезжал на смотрины Игорь Добровольский, но всем этим планам не суждено было сбыться из-за упрямства руководства.

В итоге Ройл в скором времени окончательно испортил отношения с директорами и был вынужден уйти. Правда, я ушел еще раньше, и мои отношения с руководством тоже были в тот момент далеки от идеала.

В ноябре общий спад команды совпал и с моими проблемами. Я



долго и серьезно болел, подцепив какой-то вирус. Болела вся моя семья – и Инна, и Андрюша. Вирус оказался какой-то цепкий, и избавляться от него пришлось долго. А тут еще пресса, как всегда в самый неподходящий момент, начала непонятную кампанию против меня.

Поводом для этого стало одно из моих интервью, в котором я попытался поддержать нашего тренера в его стремлении укрепить состав. Уж не знаю, что стало первопричиной того, что мои слова появились на страницах газет в совершенно искаженном виде. Быть может, я сам неудачно сформулировал свою мысль, а может, всему виной неточный перевод. В то время я вполне мог объясниться по-английски во всех бытовых ситуациях и дать короткое интервью прессе или телевидению, но во время более обстоятельных и серьезных разговоров с журналистами предпочитал пользоваться помощью переводчика – во избежание недоразумений. Впрочем, в том случае избежать недоразумений не удалось, но перевод здесь, возможно, ни при чем.

Когда меня спросили об уровне и возможностях «Эвертона», я ответил, по-моему, весьма взвешенно и трезво. Сказал, что мне очень нравится команда, что я прекрасно отношусь к партнерам и тренерам, что мечтаю добиться с клубом больших успехов. Но при этом заметил, что нужно реально и объективно оценивать собственные возможности, понимать, на что ты способен, а на что – нет. И если хочешь повысить планку, нужно работать в этом направлении, усиливать состав, приобретать хороших игроков. Конечно, говорю, если бы у нас была возможность купить пять-шесть исполнителей мирового уровня, мы могли бы мечтать о достижениях совсем другого порядка. Но если такой возможности нет, значит, нужно трезво смотреть на вещи и сознавать, где предел твоих возможностей.

В общем, как видите, я говорил все то, что говорил и Джо Ройл нашему руководству. И я надеялся, что это интервью поможет тренеру, что общественное мнение окажется на его стороне. Но на деле вышло совсем не так.

Наверное, любое явление в жизни можно объяснить по-разному – так, как это выгодно тому, кто объясняет. Помните знакомую с детства дилемму: стакан наполовину полный или наполовину

пустой? Или популярный анекдот про забег двух соперников, в котором один занял почетное второе место и получил большую серебряную медаль, а другой пришел к финишу предпоследним?

Вот и любые слова, особенно при переносе с устной речи на бумагу, можно перевернуть с ног на голову. Вам показалось что-либо крамольное в том, что я говорил журналисту? Нет? Мне тоже. Но когда я увидел газету, у меня волосы встали дыбом. Началось все с заголовка: «Канчельскис считает «Эвертон» не более чем посредственным клубом». И дальше понеслось: мол, я считаю, что игроки у нас плохие, что половину из них нужно срочно заменить, что в таком составе мы ни на что не способны и т. д. и т. п.

И вот что интересно: по сути, журналист ничего за меня не выдумывал. Он действительно изложил то, о чем мы с ним говорили, но как?! Во многих случаях то, как ты говоришь, не менее важно, чем то, что ты говоришь, а иногда и в сто раз важнее.

Сейчас, пользуясь случаем и имея, так сказать, собственную трибуну, я, возможно, сумею убедить вас, незаинтересованных и посторонних наблюдателей, в том, что это интервью было ничем иным как полным извращением всех моих мыслей – с первой до последней строки. Могу привести и какой-нибудь логический довод: скажем, может ли человек в здравом уме называть свою команду посредственной, а партнеров бездарными? Даже если бы я действительно так считал, разве стал бы я ни с того ни с сего портить отношения с теми, с кем мне предстояло каждый день сталкиваться в жизни?

Да, вам-то я могу это объяснить, но мог ли я объясниться тогда с каждым партнером, который, прочитав эту статью, конечно же, имел полное право обидеться? И с каждым болельщиком, который имел основания считать, что я просто плюнул ему в душу? И с тренером, которому я хотел помочь, а вместо этого якобы раскритиковал созданную им команду?

К счастью, и Джо Ройл, и многие ребята, видимо, были привычны к подобному поведению прессы, и я не могу сказать, что эта публикация сделала меня их врагом. Но сам я был совершенно выбит из колен, учитывая к тому же, что продолжительная болезнь тоже не способствовала поднятию духа.

Газетчики же продолжали свое дело, словно по чьему-то заказу поведя против меня целенаправленную кампанию. Однажды, к примеру, мне задали безобидный вопрос: «А не хотели бы вы поиграть в Италии, чья лига считается сильнейшей в Европе?» Я искренне, без задних мыслей, ответил: «Да, итальянский футбол очень силен, и мне было бы интересно когда-нибудь проверить в нем свои силы». В итоге появилась статья: «Канчельскис хочет уехать в Италию». Как водится, появились и различные домыслы: мол, то «Милан» интересуется мною, то «Фиорентина».

Хотя тот факт, что несколько позже я действительно оказался в «Фиорентине», причем совершенно неожиданно для самого себя, заставил меня задуматься: а может, это были и не домыслы вовсе? Не берусь судить. Возможно, уже тогда клубы вели втайне от меня какие-то переговоры. Но одно могу утверждать точно: никакой моей инициативы в этом не было.

Несмотря на все проблемы, нужно было продолжать жить и играть. Как я уже сказал, в конце осени дела у нас шли неважно, но иногда нам все-таки удавалось демонстрировать отличный футбол и радовать наших болельщиков. Так было, например, 16 ноября, в день, когда исполнялось ровно два года со дня прибытия Джо Ройла на «Гудисон Парк». Мы принимали «Саутгемптон» и преподнесли своему тренеру прекрасный подарок в виде крупной победы – 7:1. Я забил два гола (один из них головой), но героем матча стал Ник Бармби, только что перешедший к нам за 5,7 миллиона фунтов и побивший мой трансферный рекорд. А наше преимущество было столь велико, что в перерыве Джо Ройл произвел замену вратаря, дав отдохнуть нашему первому номеру Невиллу Саутхоллу.

Примечательно, что в тот день нашим соперником был «Саутгемптон». Наша победа напомнила о тех днях, когда молодой Ройл сам выступал за «Эвертон». Было это двадцатью пятью годами раньше, и однажды наш будущий тренер забил «Саутгемпτονу» четыре гола и «Эвертон» выиграл – 8:0.

Такие матчи, конечно, имели право войти в историю, но, увы, были для нас редки. В основном же результаты мы показывали весьма бледные и особой надежды на повторение успеха предыдущего сезона не имели. В итоге весной 97-го «Эвертон» занял

в премьер-лиге лишь 15-е место. Но меня в тот момент в команде уже не было.

Мой переход в «Фиорентину» был осуществлен внезапно и стремительно, словно в каком-то детективном романе.

Заканчивался январь 97-го, я не играл, так как залечивал небольшую травму, и регулярно появлялся на базе для встреч с доктором. В один из таких дней на базу позвонили из клуба и передали мне, чтобы я, закончив процедуры, не уезжал в Манчестер, а остался неподалеку, где-нибудь в Ливерпуле.

Не знаю, чем была вызвана такая просьба, ведь Манчестер не так уж далеко, но я не стал выяснять, а отправился к доброму другу и помощнику Джорджу Скэнлону.

Мы познакомились в Джордже после моего приезда в «Манчестер Юнайтед». Это очень образованный человек, профессор, который в 50-е, учась в Кембриджском университете, был капитаном тамошней футбольной команды. Он прекрасно знал русский язык и в течение многих лет был, можно сказать, связующим звеном между британским и советским футболом. Джордж помогал многим нашим игрокам, попадавшим в Великобританию, в том числе Сергею Балтаче, Олегу Кузнецову и, конечно же, мне. Помогал освоиться не только в новом клубе, но и в непривычной жизни.

Он жил в Ливерпуле, где во время нашей первой встречи занимал пост декана факультета местного университета. В 96-м он уже был на пенсии, и я, зная, что непременно застану его дома, отправился к нему прямо с тренировочной базы.

Часов шесть – примерно с часу дня до семи вечера – мы просидели у Джорджа в полном неведении. Оставалось только догадываться, зачем я понадобился руководству именно в этот день.

Но вот мне позвонили и попросили приехать в офис клуба. Мы поехали вместе с Джорджем и около восьми, добравшись до места, обнаружили там довольно большое скопление людей. Председателя совета директоров «Эвертона» не было, но зато были сразу несколько руководителей рангом ниже. Были там и итальянцы, одного из которых я сразу узнал. Это Джанкарло Антониони, которого я помнил еще игроком по трансляциям с чемпионата мира 1982 года в Испании. Тогда итальянцы стали лучшими на планете,

и Антониони был одним из главных действующих лиц в полузащите этой команды. Помню, он произвел на меня прекрасное впечатление своей артистичной игрой, так гармонизировавшей с его элегантной внешностью, и я очень расстроился, когда травма, полученная в полуфинале против Польши, помешала ему сыграть в решающем матче против ФРГ.

За 15 лет Антониони мало изменился, и я сразу узнал его, такого же изящного и интеллигентного, каким он был на поле. Как мне тут же сообщили, он занимал пост генерального менеджера в «Фиорентине».

И в тот же момент мне сообщили еще кое-что: а именно, что меня продали «Фиорентине». Так и сказали с порога: итальянцы предложили хорошие деньги, нам сейчас как раз деньги нужны, так что, будь добр, подпиши теперь с ними личный контракт, и все будет хорошо. Только сделай это прямо сейчас, потому что завтра в Италии закрывается зимнее трансферное окно.

Я был настолько ошарашен, что просто не мог ничего сообразить. Агента в тот момент у меня не было, а Джордж не мог ничем помочь, поскольку в таких вопросах не силен. Будь рядом со мной кто-то компетентный, он хотя бы подсказал мне, что можно не слишком торопиться. Трансферный период в Италии заканчивался не на следующий день, как мне сказали, а через два дня, так что я вполне мог взять сутки на размышление.

Но о чем я мог размышлять? О том, что могу не подписывать контракт? Да, это так, и без моего желания никто не мог заставить меня перейти в другой клуб. Но в чем смысл такого шага? Настроить против себя руководство «Эвертона» и сидеть на лавке?

Наверное, агент смог бы использовать лишний день на то, чтобы выбить для меня лучшие условия. Но этот вопрос не имел для меня особого значения. Изучив предложенный мне спортивным директором «Фиорентины» Оресте Чинкуини контракт на четыре года, я посчитал его условия вполне приемлемыми, а торговаться я никогда не умел, да и не хотел. Я футболист, а не коммерсант, чтобы там ни говорили те, кто в моих переходах из клуба в клуб пытался усмотреть стремление добиться повышения заработной платы.

В общем, контракт я подписал. Было в тот момент уже часов 11 вечера. И мне сразу же сказали, что нужно лететь во Флоренцию.

Вместе со Скэнлоном и Антониони мы отправились в Манчестер. Поездка, надо сказать, была не самой удобной, так как утром я приехал в Ливерпуль на машине Инны (она в то время находилась в Москве). А машина была – «Порше», и у нее имелись только два передних сиденья. Кое-как втиснувшись на них, мы поехали ко мне домой, где я собрал немного вещей, чтобы тут же направиться в аэропорт Ливерпуля. Там нас ждал личный самолет президента «Фиорентины» Витторио Чекки Гори.

В аэропорт мы прибыли во втором часу ночи, а разрешения на вылет ждали почти до четырех. Любую свободную минуту я старался использовать для сна, хотя в том возбужденном состоянии, в каком я находился, уснуть было непросто. Но впереди меня ждала напряженная программа, так что нужно было хоть как-то попытаться прикорнуть. Удавалось мне это плохо.

Уже в девять утра во Флоренции меня ждал клубный врач. Начался медосмотр, тянувшийся часа три, а то и четыре. В Италии вообще очень строго относятся к вопросам здоровья спортсменов, а тут еще нужно было сразу получить полную картину моего состояния, так как контракт должен был отправляться на регистрацию в Федерацию футбола, и «Фиорентина» боялась совершить ошибку. Тем более что, как я сказал, у меня в тот момент была незалеченная травма.

После того как буквально каждый квадратный сантиметр моего тела был сканирован с помощью различных приборов, врачи пришли к выводу, что я годен для службы их клубу. И мы сразу отправились на презентацию.

У офиса клуба собрались тысяч пять-семь болельщиков и, конечно же, множество журналистов, с которыми я общался часа полтора. Не будь рядом Джорджа Скэнлона, не знаю, как бы я все это выдержал после такой безумной ночи.

А когда я собирался выйти к болельщикам, случился любопытный эпизод. Ко мне подошел какой-то человек и что-то сказал на ухо. Я, естественно, ничего не понял, но мне объяснили. Оказывается, он посоветовал мне снять галстук. Потребовались дальней-

шие объяснения, после которых я, наконец, все понял. Дело в том, что галстук на мне был в черно-белую полоску. А именно так выглядит форма «Ювентуса» – злейшего врага «Фиорентины». И болельщики, понятно, были бы очень озадачены, увидев меня в таком одеянии. Галстук я быстро стянул с шеи и запихнул в карман, а потом при первом удобном случае кому-то подарил (вещь-то была хорошая, несмотря на цвета, и выбрасывать было жалко).

Не помню, как мне удалось дожидаться окончания всех мероприятий. От усталости просто валился с ног. В тот же день меня отправили назад в Манчестер, дав несколько дней на отдых, чтобы я мог со всеми попрощаться, собрать вещи и на денек-другой слетать в Москву.

Вот так я в одночасье оказался в «кальчо».



### СОЛНЦЕ, ПАСТА И ВИНО

С «Эвертоном» я простился по-доброму, а с Джо Ройлом вообще сохранил по-настоящему теплые отношения, которые поддерживаю до сих пор. Прощание же с прессой прошло совсем не так гладко.

Некоторые журналисты использовали мой переход в «Фиорентину» для того, чтобы продолжить свои измышления. В газетах появилось несколько статей, суть которых сводилась к тому, что болельщикам не стоило жалеть о моем уходе. Мол, я никогда не был по-настоящему предан клубу, меня заботил только собственный заработок, ради повышения которого я готов хоть каждый день переходить из клуба в клуб, и все такое прочее. Особенно радостно все вспоминали мою грубую ошибку в одном из последних матчей.

Мы играли на Кубок Англии против «Брэдфорда», проигрывали – 1:2 и изо всех сил старались отыграться. Наша команда получила право на угловой, и почти все мои партнеры поспешили в штрафную площадь соперников. Я же остался на своей половине поля, как обычно считая, что в игре в воздухе от меня будет не слишком много пользы.

Защитники «Брэдфорда» сумели далеко выбить мяч от своих ворот. Он попал ко мне, и я не спеша стал осматриваться, пытаясь придумать начало новой атаки. В этот момент ко мне стал стремительно приближаться нападающий соперников, и я позволил себе некоторую вольность: решив не расставаться с мячом, убрал его под себя и заставил форварда пролететь мимо по мокрому, скользкому

полю. Получилось, думаю, эффектно. Здесь бы мне и остановиться, но, увидев еще одного приближающегося соперника, я решил повторить трюк. Но на сей раз поле сыграло против меня: убирая мяч, я слишком сильно катнул его, и он скользнул по мокрой траве прямо в ноги Крису Уоддлу, в свое время одному из самых тонких и умных игроков в английском футболе. Ему было тогда лет 37, и он заканчивал в «Брэдфорде» долгую и славную карьеру.

Мастеру с его опытом не требовалось много времени, чтобы оценить ситуацию, и первым же касанием Крис направил мяч по высокой дуге за спину нашему вратарю, вышедшему далеко вперед. Счет стал 3:1 в пользу «Брэдфорда», и, хотя я, стараясь загладить свою вину, вскоре сделал голевую передачу партнеру, мы проиграли тот матч.

Слов нет, я совершил грубую ошибку, хотя болельщики не стали обрушивать на меня свой гнев. В конце концов, это был далеко не единственный промах, который совершали на их глазах игроки любимой команды. Но пресса отнеслась иначе и впоследствии использовала этот эпизод как доказательство моей неверности «Эвертону».

На самом деле в тот день я совершил другую ошибку: мне вообще не следовало выходить на поле. Незадолго до этого я получил травму голеностопа в игре с «Арсеналом». Нога еще болела, но я, чувствуя, что против «Арсенала» сыграл неважно, хотел как можно скорее реабилитироваться и упросил доктора сделать мне обезболивающие уколы, а тренера – поставить на игру.

С тех пор я никогда не играю, не чувствуя себя на 100 процентов здоровым. Понятно, что каждый футболист мечтает всегда быть в составе и готов ради этого на любые ухищрения. Но судьбу не обманешь: я не чувствовал боли в «замороженной» ноге, но и ее как следует не чувствовал и не мог владеть своим телом так, как того хотел. Поэтому весь матч мне было как-то неуютно, и этим, возможно, отчасти объяснялся мой грубый ляп.

Тренер, конечно, знал о моей проблеме и простил ошибку. Простили и болельщики. Пресса же отнеслась иначе, и радостно смаковала тот эпизод, поливая меня на прощанье грязью.

Но, к счастью, не все журналисты одинаковы. В этом я убеждал-

ся не раз: например, в ходе того конфликта в сборной в конце 93-го – начале 94-го, когда нас очень многие представители прессы клеймили почему зря, но некоторые и поддерживали.

То же самое было и в истории моего ухода из «Эвертона». Нашлись доброжелательные журналисты, которые спросили, не хочешь ли я с их помощью ответить на обвинения. Так в газетах появилось «Открытое письмо Канчельскиса болельщикам «Эвертона».

В нем я призвал поклонников быть объективными, не забывать того, что я сделал для команды за полтора года, и попытаться понять, что переход из одного клуба в другой далеко не всегда становится следствием инициативы самого футболиста. Упомянул я и про деньги, о которых так любят писать журналисты. Как бы между прочим, я заметил, что «Эвертону» не следует жаловаться, ведь мой отъезд во Флоренцию принес клубу приличный доход: купив меня у «Манчестера» за пять миллионов фунтов, от «Фиорентины» он получил восемь.

Итак, шесть лет моей английской карьеры закончились. Пробыв два дня в Москве, я направился в Италию, где мне предстояло привыкнуть к совершенно новым условиям жизни.

Травма, полученная в матче с «Арсеналом», еще продолжала меня беспокоить, но врач «Фиорентины» быстро поставил меня на ноги, и я присоединился к тренировкам команды.

Первое время я жил в гостинице, что, конечно, осложняло процесс адаптации. Я уже привык считать Манчестер своим домом и чувствовал себя на чужбине. Новый язык, новые условия, новые партнеры... А времени привыкнуть к ним практически не было. Я пришел в команду в разгар сезона, когда «Фиорентина» играла далеко не лучшим образом, и, судя по газетам, от меня немедленно ждали чудес, считая чуть ли не мессией. Вот, мол, я приду, заиграю, и все сразу будет хорошо.

К счастью, сама команда таких надежд на меня не возлагала. Ко мне относились доброжелательно, во всем помогали, говорили, чтобы я не волновался, так как все понимают, что мне нужно время. Часто со мной беседовал тренер Клаудио Раньери. Беседы наши велись через Стефана Шварца, шведского полузащитника, который пришел в «Фиорентину» из «Арсенала» за полтора года до меня и

уже успел выучить итальянский язык. Его помощь и в беседах с тренером, и в бытовых ситуациях была для меня чрезвычайно важна.

И еще мне очень помог Резо Чохонелидзе, в свое время игравший в Грузии и «Зените», и уже много лет работающий в Италии со многими футболистами, которые прибывают на Апеннины из России и других бывших союзных республик. Резо всегда мог дать толковый совет в вопросах, относящихся как непосредственно к футболу, так и к повседневной жизни.

Вообще мне удалось быстро найти общий язык с партнерами, и я понял, что вокруг меня собрались хорошие ребята. Правда, атмосфера в команде была не очень уж солнечная. Видимо, это отчасти объяснялось неудачным выступлением в чемпионате, а отчасти тем, что уже было известно: Раньери будет работать с командой только до конца сезона.

Мне это показалось странным: зачем за несколько месяцев до конца первенства объявлять во всеуслышание о том, что тренер уйдет. Какая после этого должна быть мотивация и у самого тренера, и у футболистов? Я сделал вывод о том, что у моего нового клуба странноватый президент, и вывод этот с течением времени не раз подтверждался. Да вы и сами с этим непременно согласитесь, посмотрев, до чего довел «Фиорентину» Чекки Гори. Недавно клуб за долги был отправлен в третью лигу, был вынужден сменить название, а у самого президента без конца возникают проблемы с законом. А ведь когда-то «Фиорентина» выигрывала и чемпионат, и Кубок Италии, побеждала в еврокубках. Думается, эти времена вернуться не скоро, если вообще вернутся.

До конца сезона 1996/97 я провел за новую команду девять матчей. Первый из них – на выезде против «Вероны». Было непривычно играть в феврале при температуре свыше 20 градусов. В Англии в это время обычно не бывает больше семи-восьми, а тут – солнце, жара, почти как летом. Вообще итальянский климат произвел на меня какое-то ошеломляющее впечатление. После традиционных английских дождей да туманов я чувствовал себя так, словно находился где-то на отдыхе в экзотической стране. Но ведь на отдыхе не нужно работать! «И как они умудряются тут играть в футбол, вместо того, чтобы постоянно радоваться солнцу и развлекаться?» – думал я.

Необычного в моей жизни было очень много. Я сразу понял, что попал не только в совершенно другой климатический пояс, но и в абсолютно другой футбол. Итальянцы просто помешаны на тактике, и в наших тренировках тактическим установкам уделялось ничуть не меньше времени, чем технике, физической подготовке и любым другим аспектам. Конечно, тактика – одна из важнейших составляющих футбола (возможно, важнейшая), и то, что в Италии ей уделяют такое большое внимание, свидетельствует о серьезном и профессиональном подходе итальянцев. Но все же в некоторых случаях, по-моему, наблюдается явный перебор. Наверное, в Италии чаще, чем где бы то ни было, встречается счет 1:0. Как правило, команда, открывшая счет, сразу же перестраивает свою игру, смещая акцент в сторону обороны, закрывается, производит ряд так называемых тактических замен и думает лишь о том, чтобы сохранить минимальный перевес. На мой взгляд, такой прагматичный подход все-таки обедняет игру.

Но болельщиков это вроде бы не беспокоило. Как я понял, они были вполне довольны, если команда побеждала, забив гол на первых минутах, а после этого ни разу не приблизившись к чужим воротам. В Англии такого, думаю, не поняли бы. Напротив, там могли простить тебе упущенную победу, если ты выигрывал даже два мяча, но, не желая останавливаться, продолжал атаковать, не смог избежать ошибок и в итоге сыграл 3:3. А после пассивной игры, заставившей зрителей скучать в течение полутора часов, тебя освистали бы даже в случае победы. Впрочем, я не хочу никого осуждать: то или иное отношение игроков и болельщиков к футболу, видимо, является следствием давно сложившихся представлений, результатом долгого развития футбольной культуры. И я вовсе не собираюсь утверждать, будто бы все итальянские команды всегда играют в скучный прагматичный футбол.

Я пробыл в Италии чуть больше месяца, когда пришло время важнейшего для «Фиорентины» матча. Нам предстояло принимать заклятого врага – «Ювентус». Помните историю про мой черно-белый галстук? Я убедился, что в ней не было ни малейшего преувеличения.

Началось все с того, что наши болельщики забросали автобус

«Ювентуса» камнями. Машину попросту вывели из строя, так что нашему клубу пришлось предоставить гостям новый транспорт. Между прочим, как мне рассказали, иногда жертвой подобной горячности флорентийских фанатов становилась и «Фиорентина»: бывали случаи, когда после неудачных игр камни, пущенные своими же поклонниками, летели в ее автобус. К счастью, за время моего пребывания в клубе ни с чем подобным мне столкнуться не довелось.

По накалу страстей матч «Фиорентина» – «Ювентус» ничуть не уступает любому европейскому дерби, а, принимая во внимание горячий нрав итальянцев, думаю, и превосходит. Выходя на поле и оглядывая переполненные беснующиеся трибуны, я не мог сдерживать нервной дрожи. Может, из-за волнения и сыграл не лучшим образом. Правда, тренер после матча никаких замечаний мне не сделал. Наоборот, похвалил, а решение заменить меня за 20 минут до конца объяснил как раз тактическими соображениями: мы в тот момент играли в меньшинстве после удаления, и Раньери решил позаботиться об укреплении обороны.

В общем, в первые месяцы своего пребывания в Италии я не мог похвастаться особыми достижениями на поле, но это и не было большим сюрпризом. Потихоньку я осваивался в новой обстановке. Мы нашли очень симпатичный дом неподалеку от площади Микеланджело. Он был расположен на холме, с которого открывался изумительный вид на весь город.

А город заслуживал того, чтобы смотреть на него из окна каждое утро. Богатейшая история, многовековые культурные традиции позволяют считать Флоренцию (в переводе с латыни это название означает «Цветущая») одним из важнейших центров не только итальянской, но и европейской цивилизации. Именно здесь возникло и расцвело искусство Возрождения. Неповторимая флорентийская архитектура, восхитительные дворцы и соборы, великолепные парки и знаменитые на весь мир музеи привлекают миллионы туристов со всего мира.

Мне не часто удавалось ходить по музеям. Поскольку туры национального первенства проводятся, как правило, по воскресеньям, выходной у футболиста приходится на понедельник, а в этот день



музеи обычно закрыты. Но я все-таки сумел найти время, чтобы хоть по разу посетить всемирно известную галерею Уффици и дворец Питти, славящийся не только своими выставочными залами, но и роскошными садами Боболи. По этим садам, поднимающимся от дворца к вершине холма, можно бродить часами, и любой посетитель непременно найдет уголок, словно специально созданный для него. Один засмотрится на поражающие буйством красок цветочные клумбы, другой предпочтет тихую прогулку по укромным тропинкам, извивающимся меж могучих деревьев, третий захочет посидеть под сенью густой листвы у фонтана. Тот же, кто решится взобраться на самый верх, преодолев крутой подъем и несколько десятков ступеней, получит в награду захватывающий дух вид на город, раскинувшийся на берегах Арно – как я вычитал в одном из путеводителей, «реки неширокой и неглубокой, но опасной, способной производить сильнейшие наводнения». В справедливости этих слов мне, к счастью, убедиться не пришлось.

Конечно, на обстоятельное знакомство со всеми шедеврами живописи, скульптуры и архитектуры, которые предлагает Флоренция своим гостям, времени катастрофически не хватало, так что я продолжаю лелеять надежду на то, что когда-нибудь мне удастся вернуться в этот город в качестве туриста. И уж тогда, будучи предоставлен сам себе, я обязательно побываю там, где не успел побывать за короткие перерывы в исполнении футбольных обязанностей.

Италия пленила меня и своей изысканной кухней. Какое неповторимое разнообразие знаменитой пасты – макаронных изделий всевозможных форм и цветов! А знаменитые флорентийские мясные блюда, считающиеся одними из лучших произведений кулинарного искусства во всей стране! А какие вина!

Без вина ни один итальянец не мыслит своей жизни, и футболисты – не исключение. Точно так же в Англии все, разумеется, пьют за обедом и ужином пиво. Но традиционный английский эль никогда не был моим любимым напитком, а вот качество итальянских вин я оценил по достоинству. И сейчас, вернувшись в Англию, все равно предпочитаю вино любым другим напиткам.

Но только не подумайте, что сила любви к вину прямо пропор-



циональна потребляемому количеству. Один бокал за едой, в выходные – максимум два. Спортсмен должен знать свою норму, иначе не стоит рассчитывать на успех. И можете быть уверены: хотя никто за нами никогда не следил (да и разве можно следить за каждым игроком круглосуточно), ни один из нас не нарушал режим. Это называется одним знакомым словом – профессионализм. А без профессионального отношения к делу, начинающегося с отношения к себе и своему образу жизни, в спорте делать нечего, особенно если ты рассчитываешь на долгую карьеру. Пока молодой – одно-два чрезмерных возлияния, может, и не скажутся на твоём состоянии, но с течением времени, когда организм начинает постепенно изнашиваться от постоянных нагрузок, каждый лишний глоток непременно даст о себе знать. В этом можно не сомневаться. И понять это следует как можно раньше, иначе потом будет поздно, и останется только жалеть об ошибках, которые уже нельзя исправить.

Сезон подошел к концу. «Фиорентина» не снискала себе лавров в чемпионате, заняв только девятое место, но я был доволен первыми месяцами в Италии. Понемногу начал осваивать итальянский язык, который давался на удивление легко, и мог уже более или менее сносно общаться с партнерами, не прибегая к помощи Стефана Шварца.

В моей новой команде было немало классных игроков, и, думаю, с таким составом она заслуживала большего, чем девятое место в лиге, но этот результат, как я уже сказал, возможно, объяснялся не очень благоприятной атмосферой в клубе. Наш вратарь Франческо Тольдо считался одним из лучших в стране и уже начал приглашаться в сборную, в которой потом стал первым номером. Были и неплохие защитники – Микеле Серена, Паскуале Падалино, ну а в полузащите и нападении мы располагали попросту звездами мирового уровня. В середине поля игру «Фиорентины» организовывал Руи Кошта – один из самых талантливых португальских футболистов последнего десятилетия. А в атаке блистал Габриэль Батистута, гордость аргентинского футбола, наверное, самый выдающийся игрок в этой стране с тех пор, как закончил карьеру Диего Марадона.

Батистута за годы игры во Флоренции превратился в настоящего идола для поклонников «Фиорентины». Неслучайно возле ста-

диона имени Артемио Франки, на котором проводит команда свои домашние матчи, установлена скульптура «конкистадора», как называли его болельщики. Было у него и другое прозвище – «Батигол», более ласковое и точно отражавшее его феноменальную результативность. К моменту моего прихода он забил уже за сотню голов в Серии А (так называется в Италии высший дивизион) и продолжал забивать с удивительным постоянством еще несколько лет. И только в 2000 году ушел из «Фиорентины», чтобы, наконец, выиграть свой единственный чемпионский титул с «Ромой».

В то время Батистута носил капитанскую повязку «Фиорентины». Его авторитет был непререкаем, но меня удивило, насколько чужд он был любым проявлениям «звездной болезни». Простой, компанейский парень, отзывчивый и всегда готовый помочь каждому, он прекрасно ко мне относился и, можно сказать, опекал: поддерживал советами, подсказывал. На нем, в общем-то, и держалась наша дружная команда. Когда я говорил про не очень хорошую атмосферу в «Фиорентине», то имел в виду клуб в целом, а не команду. Игроки же, повторю, жили дружно.

Именно Батистута придумал проводить общие вечеринки: один-два раза в месяц мы все вместе собирались в одном симпатичном ресторанчике за городом и весело проводили время большой компанией. Руководству эта идея тоже нравилась, и тренеры нередко принимали участие в наших посиделках, а иногда захаживал даже президент.

В общем, у меня были все основания с надеждой ждать нового сезона, хотя немного тревожила мысль о приходе нового тренера. Ведь до этого мне никогда не приходилось попадать в такую ситуацию. И в «Манчестере», и в «Эвертоне» я играл только при одном тренере и сейчас не мог не думать о том, что будет после ухода Раньери. Кто придет на его место, как сложатся мои отношения с новым боссом? Будет ли он относиться ко мне так же хорошо, как прежний?

С Раньери мы ладили, и наши добрые отношения сохранились и поныне. Нам ведь с тех пор приходилось пересекаться в Англии (как известно, Раньери, поработав в Испании с «Валенсией», потом перебрался в «Челси»).

В конце апреля я получил травму, готовясь к отборочному матчу чемпионата мира против сборной Люксембурга. На одной из последних тренировок потянул заднюю поверхность бедра. Травма эта достаточно распространенная и очень неприятная, требующая нескольких недель покоя. Пропустив матч сборной, я вернулся во Флоренцию, но Раньери не стал, как многие клубные тренеры, сокрушаться по поводу того, что футболисты, отправляясь на родину, возвращаются с травмами. Он сказал мне, чтобы я не волновался и спокойно восстанавливался, не думая ни о чем. Так что отпуск начался для меня чуть раньше, чем для всех партнеров по клубу.

Отдохнул я хорошо, хоть и пришлось уделять особое внимание травмированной ноге. Удалось полностью восстановиться, и я чувствовал себя готовым к новым свершениям. И к знакомству с новым тренером.

## СОЛНЦЕ, ПАСТА, ВИНО И... ТРАВМЫ

Летом 1997 года «Фиорентину» возглавил Альберто Малезани. Это был его дебют в Серии А, и мне показалось довольно сомнительным решение президента пригласить специалиста, имевшего сравнительно небольшой опыт работы, тем более с командами низших лиг. Для такого амбициозного клуба, как «Фиорентина», думал я, лучше подойдет более авторитетный тренер. Однако жизнь показала, что квалификация Малезани вполне соответствовала уровню Серии А (и даже европейскому уровню, о чем свидетельствовал его последующий успех с «Пармой» в Кубке УЕФА). А вот многие другие решения президента Чекки Гори, действительно, были очень сомнительными.

Как ни странно, у Малезани не было контракта с клубом. Существовала лишь договоренность с президентом о том, что, в случае успешного выступления в чемпионате и завоевания путевки в еврокубки, с тренером будет заключен контракт на будущий сезон. Забегая вперед, скажу, что договоренность эту Чекки Гори нарушил: несмотря на то что мы финишировали в чемпионате пятыми, контракта с Малезани он так и не заключил, в результате чего тренер отправился в «Парму». Это был далеко не единственный случай, когда президент брал свои слова назад.

Серьезных изменений в составе у нас не было, и это, возможно, способствовало успешному старту «Фиорентины» в новом сезоне. Игроки хорошо знали друг друга, им не требовалось на-

ходить общий язык, а новый тренер быстро сумел найти к нам подход.

В первый день чемпионата мы выиграли в гостях у «Удинезе», а затем одержали и домашнюю победу над «Вероной», и я в этом матче забил свой первый гол в Серии А. Все вокруг хвалили меня, но я и без того чувствовал, что сыграл отлично, несмотря на то, что с приходом Малезани мне стало труднее.

Дело в том, что новый тренер изменил тактическую расстановку игроков. При Раньери мы играли по системе 4+4+2, которая была для меня привычна: именно так играли и «Манчестер Юнайтед», и «Эвертон», и сборная. Малезани же предпочитал 3+4+3 – вариант более атакующий, но требующий от крайних полузащитников выполнения большего объема работы, так как позади нас не было защитников и мы должны были отвечать за весь фланг целиком. Тем не менее мне удавалось справляться с новыми функциями, а система в целом приносила успех: наша атака стала более мощной, за счет чего мы и побеждали.

Увы, наслаждаться успехом мне пришлось недолго. Вскоре после начала чемпионата нам предстояла игра на «Сан-Сиро» против «Интера», с которым мы на тот момент шли очко в очко.

Поездка на один из самых больших и самых знаменитых стадионов планеты и игра против суперклуба мирового масштаба – нелегкое испытание. «Интер» хоть и не выигрывал трофеев уже несколько лет, однако всегда находился поблизости, регулярно завоевывал медали чемпионата страны и успешно играл в Кубке УЕФА ( в сезоне 1996/97 был в финале, а на следующий год шагнул ступенькой выше). В любом случае борьба с таким соперником на глазах бушующей 80-тысячной аудитории обещала быть крайне тяжелой. Особенно в свете постоянного нагнетания страстей со стороны прессы. Предстоящую игру газеты рассматривали как дуэль двух выдающихся южноамериканских форвардов – миланского бразильца Рональдо и флорентийского аргентинца Батистуты.

Неудивительно, что нервы всех игроков были напряжены до предела. В том числе и нервы защитника «Интера» и сборной Нигерии Тарибо Уэста. Он никогда не считался мягким и деликатным игро-

ком, а на такой матч, должно быть, вышел с удвоенной решимостью и энергией. Примерно после получаса игры он сломя голову ринулся на меня и, как ему всегда было свойственно, вступил в борьбу на грани фола. Для меня результат оказался плачевным: тяжелый вывих голеностопного сустава не только не позволил мне закончить матч, но и вывел из строя почти на два месяца.

Нет слов, чтобы передать мое разочарование. Обидно было покидать поле в такой игре, которую мы, к слову, проводили неплохо и даже временами переигрывали соперников. И еще обиднее оказаться «в лазарете» в тот момент, когда все вроде бы начало налаживаться: я освоился и в удачно игравшей команде, и в быту, вполне пристойно заговорил по-итальянски, полностью адаптировался к новым условиям жизни. Но теперь на долгий срок вся жизнь для меня свелась к общению с врачом и всевозможным процедурам.

Восстановился я только к концу октября, постепенно вернулся к тренировкам, а вскоре упросил тренера выпустить меня на поле. Малезани отнюдь не был убежден в том, что мне уже можно играть, но я настаивал, объясняя свою настойчивость необходимостью как можно лучше подготовиться к матчам сборной против Италии.

У нас был последний шанс попасть на чемпионат мира во Франции. В отборочной группе мы заняли только второе место вслед за Болгарией. В том турнире мы сами себя поставили в невыгодное положение, неожиданно сыграв вничью на Кипре – 1:1. Так что перед двумя заключительными матчами с болгарами ситуация благоволила соперникам: им достаточно было выиграть у нас дома, чтобы обеспечить себе первое место, а ответная игра лишалась какого бы то ни было значения.

Мы проиграли в Софии в упорной борьбе – 0:1. Великолепная резаная передача идола болгарских болельщиков Христо Стоичкова, забросившего мяч за спины наших защитников, и точный удар головой Трифона Иванова отправили Болгарию на чемпионат, а нас – на стыковые матчи с Италией, которая тоже из-за одной-двух нелепых ничьих оказалась второй в своей группе, вслед за Англией.

Никто не испытал бы восторга, получив в соперники такую команду, как Италия. Но мы-то помнили, как в 92-м не пустили ее на чемпионат Европы. А четыре года спустя, в Англии, уступили лишь в упорной борьбе – 1:2, имея в конце встречи отличную возможность спасти матч. Так что мы не торопились хоронить себя, а готовились решительно и целеустремленно.

Именно поэтому я хотел как можно быстрее войти в форму и получить хоть какую-то игровую практику в итальянском чемпионате. Малезани внял моим просьбам и выпустил на десять минут на замену в конце матча с «Ромой». Не так уж много времени я провел на поле, но все-таки сумел оценить свое состояние и пришел к выводу, что все последствия травмы остались позади.

Эх, лучше бы мне было не торопиться, не настаивать и не стремиться сыграть в первом матче с Италией. Пропусти я его, дай себе больше времени на восстановление, быть может, был бы полезен в ответной игре в Неаполе, в обстановке, которая уже стала для меня привычной.

Но я убедил Бориса Игнатьева в том, что готов сыграть и в Москве. Какая же это была ошибка! Десять минут за два месяца – ничтожная практика, тем более что на этот раз мне предстояло играть не на прекрасном итальянском газоне, а на тяжелом, вязком поле Лужников, каким оно всегда бывает в конце октября. Температура была минусовая, шел снег, и к таким условиям я был явно не готов.

Наверное, поэтому и не сумел минут за десять до перерыва уйти от столкновения с вратарем итальянцев Джанлукой Пальюкой (вот ведь ирония судьбы – снова несчастливой для меня оказалась встреча с игроком «Интера»!). Сперва могло показаться, что для голкипера наше столкновение оказалось куда болезненней: Пальюку унесли с поля. Я же, поднявшись, вроде бы не испытывал особой боли. Но, как выяснилось, чувства мои притупились из-за мороза. Когда же, доиграв первый тайм, я вошел в раздевалку, острая боль пронзила ногу, и колено на глазах начало краснеть и распухать.

Естественно, о продолжении игры и речи быть не могло. А медицинское обследование показало, что и об ответном матче с



Италией мне следует забыть. Трещина коленной чашечки на месяц заковала меня в гипс. Я ничем не мог помочь ни сборной, которая после ничьей в Москве – 1:1 проиграла в Неаполе – 0:1, ни «Фиорентине».

Уже после Нового года я начал понемногу приходить в себя. Гипс был снят, но дальнейшее восстановление длилось больше месяца. За долгие недели неподвижности мышцы ноги совершенно ослабли, и мне приходилось заново накачивать их. Но со временем все осталось позади, я приступил к тренировкам с командой, а затем и вернулся в состав.

Как часто бывает после травмы, первые несколько матчей ты проводишь здорово за счет энтузиазма и жажды игры, а потом наступает неизбежный спад, поскольку организм еще не готов к регулярным нагрузкам. Так было и со мной, и Малезани прекрасно понимал, что происходит, успокаивал, не торопил меня, наоборот, всегда предупреждал: устал – скажи, я дам тебе отдохнуть. Но я не следовал его совету. Мне было стыдно признаться в том, что не хватает сил, я хотел играть и старался как можно быстрее войти в форму. Поэтому просить у тренера передышку попросту не решался.

Позже, в «Глазго Рейнджерс», был у нас один датский игрок – Петер Ловенкраттс. Здоровый 20-летний парень, способный на протяжении полутора часов «боронить» поле – от своих до чужих ворот, и не без таланта. В тех случаях, когда нам доводилось играть вместе (я – справа, он – слева), мы в удачный день могли разорвать оборону соперников в клочья. И забивать он умел. Но играл при этом нерегулярно. Иногда, не обнаруживая его имени в составе на очередную игру, я спрашивал: «Ты почему не играешь, травмирован, что ли?» – «Нет, – отвечал он, – просто тренер дал мне отдохнуть». Знаете, как я удивлялся? И думал: «Да-а, дружище, попал бы ты в свое время к Лобановскому. Валерий Васильевич бы тебе быстро объяснил, что значит отдыхать. Да тебе же только 20, на тебе пахать можно, а ты играешь через раз!»

Не хочу сказать про Петера ничего плохого. Дай ему Бог удачи: быть может, такое бережное отношение к своим силам обеспечит ему долгую и славную карьеру. Тем более, раз наш тренер Алекс

Маклиш относился к этому с пониманием, то вообще проблем нет. На самом деле, может, так и нужно поступать: к чему перенапрягаться, изматывая свой организм? Не знаю и судить не берусь. Видимо, я просто иначе был воспитан и просить поблажек у тренеров никогда не умел, да и не собирался.

Вот и тогда, в «Фиорентине», я даже не думал о том, чтобы согласиться с предложением Малезани и взять тайм-аут. Набирать форму предпочитал в игре. И к концу сезона набрал, а в последней домашней игре – против «Милана» – забил свой второй гол. Мы тогда выиграли – 2:0, чем привели болельщиков в неистовый восторг. Игру даже пришлось остановить минут за десять до конца. Уж не знаю, как горячим флорентийским парням удалось преодолеть мощное заграждение, опоясывающее по периметру поле любого итальянского стадиона (кстати, в Англии никаких решеток нигде нет и в помине, но беспорядков на трибунах от этого ничуть не больше). Но они высыпали на траву и бросились к нам, стаскивая с нас форму и разрывая ее на сувенирные лоскутки. Несколько секунд спустя мы стояли в одних плавках – даже бутсы со многих из нас стянули. Пришлось срочно ретироваться в раздевалку, и только после того как мы облачились в новую форму, а болельщиков вновь загнали на трибуны, матч был доигран.

Чемпионат мы закончили на пятом месте, выполнив главную задачу – завоевав путевку в Кубок УЕФА. Правда, каникулы для нас начались не сразу.

В Англии, как правило, ты свободен сразу по окончании последней игры. За исключением разве что тех редких случаев, когда, например, команду приглашают принять участие в прощальном матче какого-нибудь известного игрока. В Италии несколько иначе, и в качестве, так сказать, послесловия к сезону ведущие клубы проводят еще несколько товарищеских встреч с командами низших лиг.

В принципе, не такая уж плохая идея: болельщикам скромных провинциальных команд приятно видеть на своих стадионах лучших футболистов в стране. Каждая подобная игра сопровождается встречей игроков с любителями футбола, затем следует банкет. В общем, все достаточно весело и непринужденно. Тем более, что



## ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТУМАННЫЙ АЛЬБИОН

О том, что Чекки Гори не сдержал данное Малезани перед началом сезона слово и что наш бывший тренер отправился в «Парму», я узнал из выпуска новостей, находясь в Москве. А вскоре после этого мне по мобильному телефону позвонили из клуба и спросили, не мог бы я поскорее приехать. Я сразу почуял неладное и на следующий день вылетел во Флоренцию, а по прилете прямо из аэропорта отправился в клубный офис.

Там меня познакомили с новым тренером «Фиорентины» – Джованни Трапаттони. И я сразу вспомнил, что еще в январе ходили слухи о том, что Чекки Гори вел с ним переговоры. Но тогда мы не придавали им значения, так как, во-первых, не было видимых причин для недовольства Малезани, который уверенно шел к выполнению поставленной перед ним задачи, а во-вторых, Трапаттони вполне успешно работал в Германии с мюнхенской «Баварией». Но, как оказалось, дыма без огня не бывает.

Наверное, Чекки Гори мог быть доволен собой, коль скоро ему удалось заполучить такого авторитетного тренера. В итальянском футболе последних десятилетий такой значимой фигуры, как Трапаттони, пожалуй, не было. Многие годы проработав в «Ювентусе», он выиграл с туринским клубом все что только возможно: шесть чемпионатов, два Кубка Италии, два Кубка УЕФА, Кубок кубков, Кубок чемпионов, Суперкубок Европы и Межконтинентальный кубок. Потом некоторое время тренировал «Интер» и пополнил коллек-

цию наград миланской команды чемпионским титулом, Кубком УЕФА и Суперкубком Италии. Добился он успеха и за границей: первый его опыт работы с «Баварией» окончился неудачно, но после годичной паузы он вернулся и сделал мюнхенцев чемпионами Германии. В общем, не только в Италии, но и во всем мире надо еще поискать другого тренера, на счету которого было бы столько трофеев.

Возможно, с приходом Трапаттони ни президент, ни болельщики могли не жалеть о потере Малезани (кстати, радужные ожидания оправдались быстро, и по итогам сезона 1998/99 «Фиорентина» впервые за 14 лет вошла в тройку призеров итальянского чемпионата). Но для меня смена тренера, увы, означала смену клуба.

Никто, собственно, не вынуждал меня покинуть «Фиорентину». Напротив, все подчеркивали, что, если хочу, могу остаться. Но при этом популярно объяснили, что шансы на место в основном составе у меня могут появиться только во второстепенных матчах или в случае травмы одного из трех других легионеров.

Рассказывая в одной из предыдущих глав о «деле Босмана», я упустил одну существенную деталь: плодами победы решительного бельгийца смогли в полной мере воспользоваться только игроки из стран Европейского Сообщества. Именно для них были отменены все квоты и лимиты, вопрос же о том, сохранить ли ограничения для футболистов из других регионов, было решено оставить на усмотрение национальных федераций. В конце концов, Европейский Суд справедливости не мог или не считал себя обязанным заниматься судьбами южноамериканцев, африканцев, азиатов и даже выходцев из Восточной Европы.

Конечно, «дело Босмана» облегчило жизнь и нам – россиянам, румынам, чехам, аргентинцам, нигерийцам и множеству других членов огромного легиона иностранцев в европейском футболе. По крайней мере, теперь мы не должны были конкурировать за место в составе с французами, шведами, голландцами. Но наше, так сказать, внутреннее соперничество продолжалось.

Трапаттони привел с собой в «Фиорентину» чешского защитника Томаша Ржепку и, таким образом, в команде стало четыре игрока из-за пределов ЕС, считая аргентинца Батистуту, бразильца Эдмундо и меня. В этой четверке, согласно планам нового тренера, я

занимал последнее место, так что мог рассчитывать только на травму кого-то из троих или, как я уже сказал, на участие в каком-то не имевшем особого значения матче, когда ведущим футболистам предоставлялась передышка. Нетрудно понять, что такой поворот событий меня не устраивал.

Уезжать из Италии мне не хотелось. Я был полон амбиций и считал, что дела мои складываются весьма неплохо, несмотря на травмы предыдущего сезона. Мне казалось, что я вполне мог успешно играть в Серии А. Да и страна с ее замечательным климатом, великолепной кухней и прекрасными возможностями для семейного отдыха нравилась мне все больше и больше. Но, реально оценивая собственные перспективы, я был вынужден признать, что они далеко не блестящие.

Малезани был не прочь видеть меня в своей новой команде. Но ситуация с иностранцами – не членами ЕС в «Парме» была еще более тяжелой, чем в «Фиорентине»: с моим приходом нас стало бы шестеро. И хотя, в отличие от Трапаттони, тренер не отводил мне в этой компании последнее место, я понимал, что менее жесткой конкуренция от этого едва ли станет.

В общем, все шло к тому, что мне придется возвращаться на Британские острова. Несколько команд премьер-лиги выразили желание приобрести меня. Помню, среди них были «Ньюкасл» и «Миддлсбро». Имелись и другие предложения, но все их разом перекрыл сильнейший шотландский клуб – «Глазго Рейнджерс», с которым никто из рядовых английских команд в финансовом плане тягаться не мог.

Наверное, в чем-то это был для меня шаг назад. В свое время я прибыл в Италию, полный честолюбивых планов, но не сумел осуществить их и был вынужден вернуться за Ла-Манш. При этом мой путь лежал даже не в английскую премьер-лигу, а уровень шотландского футбола, как известно, уступает уровню южных соседей. Утешало лишь то, что я буду играть в сильнейшем клубе Шотландии, по количеству титулов не знающем равных ни в ней, ни где-либо еще.

Но были и кое-какие положительные моменты. Возвращение в Соединенное Королевство повышало шансы моей семьи на полу-

чение британского подданства (процесс этот сложный и продолжительный, и завершить его мне удалось совсем недавно, через 10 с лишним лет после приезда в страну). И потом мы все-таки продолжали считать Англию своим домом и часто под ласковыми лучами флорентийского солнца тосковали по унылым английским пейзажам. Даже бесконечный морозящий дождь после шести лет казался нам родным, так что мы регулярно ездили из Флоренции в Манчестер, каждый раз радуясь поездке, какой бы погодой она ни сопровождалась.

В общем, направляясь в Глазго на личном самолете президента правления «Рейнджерс» Дэвида Мюррея, я испытывал смешанные чувства, но, не скрою, разочарования все-таки было больше. Тем более что мне предстояла разлука с семьей. Мы решили, что Инна и Андрей не поедут со мной в Шотландию, а будут жить в нашем доме в Манчестере, благо я смогу навещать их каждый выходной. А вскоре мы приступили к осуществлению давнего плана, согласно которому для постоянного проживания нужно было подобрать дом близ Лондона. Поиск подходящего жилища и его ремонт заняли порядка двух лет, и в итоге мы осели в Ист Гринстеде. Туда уже добираться из Глазго было посложнее, так что приходилось часто летать, но иной раз я мог преодолеть разделявшие нас 400 миль и на машине.

Конечно, прожить в одиночестве все четыре года, что я провел в Шотландии, я бы ни за что не смог. Так что половину этого срока наша семья провела вместе. Именно в Глазго 23 марта 1999 года родилась Ева. Это был еще один счастливейший день в моей жизни! Я был несказанно рад рождению дочери, тем более что для нас оно явилось неожиданным – врачи советовали нам готовиться к появлению мальчика.

У нас не было причин сомневаться в прогнозе специалистов. Единственным человеком, не поверившим докторам, была наша ближайшая подруга Инна Маликова. Она в тот момент тоже ждала ребенка и не переставала уверять нас: «Никого не слушайте. Я рожу мальчика, а у вас будет девочка, невеста для него». Представляете, как мы были удивлены и обрадованы, когда ее слова сбылись?!

В первый раз мы с Инной прилетели в Глазго одновременно: я



из Флоренции, она из Москвы. На все формальности времени много не ушло. На стадионе «Айброкс Парк», домашней арене «Рейнджерс», я встретился с Дэвидом Мюрреем и подписал контракт на четыре года.

В тот момент в команде происходили существенные перемены. Сезон 1997/98 был для моего нового клуба неудачным, ибо чемпионом стал заклятый враг «Селтик» (об истории удивительного, не знающего аналогов соперничества двух клубов из Глазго мы поговорим чуть позже: эта тема кажется мне заслуживающей внимание любителей футбола).

На сегодняшний день из 106 чемпионатов Шотландии «Рейнджерс» и «Селтик» выиграли 87 на двоих (49 и 38 соответственно). В свое время «Селтику» удалась рекордная серия из девяти побед подряд (с 66-го по 74-й год), и с тех пор «Рейнджерс», естественно, стремился превзойти это достижение. И в конце 90-х был к этому необычайно близок. Повторить-то рекорд он сумел, неизменно выигрывая с 89-го по 97-й, а вот побить – не удалось: именно «Селтик» весной 98-го остановил победное шествие моего будущего клуба.

Понятно, что эта неудача принесла величайшее разочарование и болельщикам, и самому клубу. И, как всегда бывает в таких случаях, назрели крутые перемены. Пришел новый тренер – голландец Дик Адвокаат, три года работавший со сборной Голландии (правда, без особого успеха). Существенно обновился и состав: «Рейнджерс» покинули такие знаменитые игроки, как феноменальный бомбардир Алли Маккойст (его клубный рекорд – 355 голов – едва ли когда-нибудь будет побит), многоопытный вратарь Энди Горам, непредсказуемый (как на поле, так и вне его) Пол Гаскойн, один из самых талантливых английских футболистов своего поколения. На смену им были приглашены голландцы Артур Нуман и Джованни ван Бронкхорст, аргентинский форвард из «Мальорки» Габриэль Амато, французский голкипер Лионель Шарбонье и некоторые другие игроки, в том числе и ваш покорный слуга.

От обновленной команды требовалось только одно – выиграть все что можно. Собственно, перед «Рейнджерс» всегда ставится только такая задача, но в тот год, учитывая разочарование предыдущего сезона, она была вдвойне насущной.

Так что у меня не было возможности слишком долго расстраиваться по поводу не сложившейся итальянской карьеры. Очередной период моей жизни должен был остаться позади. А впереди? Впереди – новые устремления, новые амбиции, новые надежды.

Особого времени на раскачку мне тоже не дали. Тренер выделил четыре дня на сборы, и в течение этого срока мне нужно было побывать в Москве, чтобы закончить дела, прерванные неожиданным звонком из Италии, а потом забрать все необходимое из Флоренции и Манчестера. Короче говоря, скучать не приходилось.

### В ШТАТЕ «СТАРОЙ ФИРМЫ»

За время пребывания в Глазго я столько слышал и читал про извечное соперничество «Рейнджерс» и «Селтика», что в моем представлении никакое другое противостояние не идет с ним в сравнение. А ведь я имею неплохой опыт участия в дерби, которые всегда и везде считаются ключевыми матчами сезона для команд и их болельщиков. «Манчестер Юнайтед» против «Манчестер Сити» (волею судьбы я в разное время находился по обе стороны этого соперничества), «Эвертон» против «Ливерпуля». Во Флоренции в период моего выступления за «Фиорентину» была лишь одна команда из Серии А, но роль дерби успешно исполняли матчи против «Ювентуса». А в качестве зрителя я не раз был свидетелем бескомпромиссной борьбы земляков из «Милана» и «Интера» или «Ромы» и «Лацио».

Все эти матчи очень похожи друг на друга по обстановке на трибунах, по заряженности футболистов на борьбу, по тому упорству, с которым они бьются на каждом участке поля. В такие дни каждый город поистине делится на два лагеря, и это разделение заметно не только на стадионе, но и на улицах и площадях, в парках, кафе и ресторанах, в парикмахерских, магазинах и бакалейных лавках.

В Глазго все то же самое, разве что дерби здесь проводятся не два, а четыре раза в году, потому что именно в четыре круга разыгрывается шотландское первенство. Да и в кубковых турнирах «Рейн-

джерс» и «Селтик» встречаются гораздо чаще, чем где бы то ни было в Европе, ведь их уровень многократно превышает уровень остальных соперников. Так что финал Кубка Шотландии или Кубка Лиги, в котором участвуют команды, не входящие в «старую фирму», может считаться недоразумением.

Прозвище «старая фирма» появилось почти сто лет назад, а точнее, накануне финала Кубка Шотландии 1904 года (естественно, встречались «Рейнджерс» и «Селтик»), с легкой руки карикатуриста. Так с тех пор и стали называться эти непримиримые соперники.

Возникла же «старая фирма», тогда еще не имевшая этого названия, в 1888 году – в год образования «Селтика» («Рейнджерс» на 15 лет старше). На первый же свой матч «Селтик» пригласил в соперники именно «Рейнджерс», так что не будет ни малейшим преувеличением сказать, что «зеленые» повели принципиальную борьбу против «синих» с первого дня своего существования.

Едва ли в мире найдутся матчи, достойные сравнения с матчами «Селтик» – «Рейнджерс» по той атмосфере, в которой они проходят. Лично я могу вспомнить лишь один – тоже своего рода дерби: в 1989 году я играл за киевское «Динамо» против «Спартака», и вид бушевавших 100-тысячных трибун переполненного стадиона (тогда он назывался Республиканским, а ныне – Олимпийским) до сих пор стоит у меня перед глазами. Жаль только, что мы тогда не сумели порадовать своих болельщиков, потерпев неожиданное и обидное поражение – 1:4.

Особый характер противостояния «Рейнджерс» и «Селтика» объясняется, видимо, его религиозной подоплекой. «Рейнджерс» – протестантский клуб, а «Селтик» – католический, так что разделение болельщиков на два лагеря в данном случае определяется не просто спортивными пристрастиями, а соответствует разделению всего общества. Именно поэтому фан-клубы обеих команд быстро перешагнули границы Шотландии и захватили Ирландию.

Как известно, именно религиозные разногласия лежат в основе продолжающегося долгие годы конфликта в Северной Ирландии. Неудивительно, что борьба двух футбольных гигантов Глазго привлекает особый интерес жителей Ольстера, и я часто наблюдал за

тем, как в дни наших матчей с «Селтиком» к стадиону тянулись вереницы автобусов с болельщиками из Ирландии, которые огромными толпами прибывали в Шотландию на паромках.

От кого-то из них я узнал, что, оказывается, некогда в Ирландии тоже было свое протестантско-католическое футбольное противостояние. Вскоре после возникновения «Селтика» в Глазго, в 1891 году, одноименный клуб появился и в Белфасте, и его матчи против протестантских команд всегда проходили в чрезвычайно накаленной обстановке. Ни один из них не обходился без драк на трибунах, а иногда возникала даже стрельба. В 1949 году, после того как фанаты прорвались на поле и сломали ногу одному из футболистов, этому безобразию решили положить конец. Белфастский «Селтик» был расформирован, и ирландцы в поисках выхода эмоций обратили свои взоры на Глазго.

В свете только что сказанного о религиозной привязанности «Селтика» и «Рейнджерс» будет интересно отметить, что в составе «Селтика» всегда играли футболисты-протестанты, тогда как «Рейнджерс» очень долго оберегал свои ряды от католиков. Традиция была нарушена только в 1989 году, когда в клубе появился Морис Джонстон. Приход рыжеволосого форварда сборной Шотландии (он прибыл в «Рейнджерс» из «Нанта», а до отъезда во Францию играл за «Селтик») внес страшное смятение в ряды поклонников «синих»: некоторые фан-клубы закрылись в знак протеста, многие обладатели сезонных билетов демонстративно сожгли их перед офисом «Рейнджерс».

Слушая многочисленные истории на эту тему, я просто не мог поверить своим ушам. До чего же может доходить фанатизм некоторых людей! Кое-кто, например, начал вести собственную статистику, и если «Рейнджерс» выигрывал – 2:1, а победный гол забивал Джонстон, то эти деятели считали результат ничейным. Голы католика они просто не принимали в расчет. А на трибунах вместо традиционного призыва: «Вперед, одиннадцать королевских гвардейцев!» кричали: «Вперед, десять королевских гвардейцев!»

Нетрудно представить, как тяжело приходилось самому Мо, которого ненавидели экстремисты из обоих болельщических лагерей.

Он боялся жить в Глазго и поселился в Эдинбурге. Фанаты «Селтика» забросали его дом бутылками с горючей смесью. Он нанял круглосуточную охрану. Тогда нападению подвергся его отец.

Печально сознавать, что такая прекрасная игра, как футбол, приносящая радость миллионам, может при этом вызывать и столь низменные чувства. К счастью, ситуация постепенно изменилась, хотя еще долго многих новобранцев «Рейнджерс» – Марка Хейтли, Тренора Фрэнсиса, Терри Бутчера и других – подозревали в принадлежности к католической церкви.

Но теперь, слава Богу, все позади. В последние годы за «Рейнджерс» играли футболисты из множества стран: Аргентины и Италии, Дании и Норвегии, Германии и Голландии, Грузии и США, России и Украины. Разве сможет теперь кто-нибудь, даже если очень сильно захочет, разобраться, кто из них какую религию исповедует?

Кстати, начались все перемены в «Рейнджерс» после того, как у руля клуба встал Дэвид Мюррей. Видимо, это человек широких взглядов, лишенный предрассудков, раз не побоялся бросить вызов старым традициям. Должно быть, он испытывал и добрые чувства к воспитанникам многонациональной экс-советской школы, ведь в разное время пригласил в свою команду Олега Кузнецова, Алексея Михайличенко, Олега Саленко, Шоту Арвеладзе и меня.

Мой первый сезон в Глазго был великолепен: я сыграл 30 матчей и забил восемь голов. К счастью, удалось избежать травм, и я прекрасно чувствовал себя на протяжении всего чемпионата. Даже не припомню ни одной неудачной игры. Разумеется, получать подлинное удовольствие от футбола можно лишь в том случае, если не только ты, но и вся команда играет хорошо. А в сезоне 1998/99 «Рейнджерс» играл просто замечательно. На внутренней арене мы завоевали все три трофея: выиграли чемпионат, Кубок Шотландии и Кубок Лиги. Даже в условиях противоборства, по сути, двух клубов такое случается нечасто. Предыдущий хет-трик был сделан нашим клубом в 93-м году, а «Селтиком» – аж в 69-м.

В общем, мы быстро заставили болельщиков позабыть о неудачах предыдущего года. Но, конечно, поклонники ведущих шотландских клубов мечтают и об успехах в Европе, а с этим уже давно боль-

шие проблемы. Все дальше уходят в прошлое времена, когда представители Шотландии имели солидный вес в еврокубках. В этом плане первенство продолжает удерживать «Селтик», ведь он в 1967 году выиграл Кубок чемпионов (кстати, первым из британских клубов), а в 70-м еще раз играл в финале этого турнира. «Рейнджерс» же сумел проявить себя только в Кубке кубков: в 61-м и 67-м доходил до финала, а в 72-м выиграл этот турнир, победив в решающем матче московское «Динамо» – 3:2. Последний же успех шотландского клуба в Европе датируется 1983 годом, когда Кубок кубков был завоеван «Абердином» (тогда командой руководил мой будущий босс в «Манчестере» Алекс Фергюсон).

В сезоне 1998/99 мы участвовали в Кубке УЕФА, но не смогли далеко пройти в этом турнире. Правда, встречались мы с довольно сильными соперниками: сперва обыграли немецкий «Байер» из Леверкузена, а потом уступили «Парме». Первый матч на «Айброксе» закончился вничью – 1:1, а во втором мы даже вели в счете, но в итоге все же уступили – 1:3. В ответной игре в Италии я, к сожалению, участия не принимал: накануне матча у меня резко подскочила температура.

Встречи с «Пармой» дали мне возможность увидеться с моим бывшим тренером Альберто Малезани. Дела в новых клубах у нас обоих шли хорошо, по крайней мере, жаловаться не приходилось. Мы были на пути к национальному хет-трику, а Малезани с «Пармой» занял в том сезоне четвертое место в чемпионате и выиграл Кубок УЕФА. Финальный матч тогда проходил в Москве, в Лужниках, и «Парма» уверенно победила «Марсель» – 3:0.

И в Глазго, и в Парме мы радостно встречались с Малезани, с которым у нас по сей день сохраняются хорошие отношения. Когда «Парма» обыграла нас, я стал болеть за нее в Кубке УЕФА и был, конечно, очень рад ее московской победе.

Нам же оставалось надеяться на европейский успех уже в следующем сезоне, ведь благодаря победе в чемпионате мы получили шанс выступить в Лиге чемпионов.

Для того чтобы попасть в основной турнир Лиги, которая с сезона 1999/2000 расширилась с 24-х до 32-х команд, нам нужно было пройти два отборочных раунда. В первом из них соперник до-



стался нам откровенно слабый – чемпион Финляндии «Хака». Мы добились уверенной победы в гостях – 4:1, а затем столь же убедительно выиграли и на «Айброксе» – 3:0. В следующем круге турнирная судьба вновь свела нас с «Пармой», и мы получили возможность взять реванш за поражение в Кубке УЕФА.

Возможность эту мы не упустили, хотя общий успех дался нам нелегко. В первой игре на своем поле мы явно выглядели сильнее. «Парма» в основном оборонялась, и часто ее защитникам приходилось нарушать правила. Это привело к тому, что вскоре соперник остался в меньшинстве после удаления Фабио Каннаваро. Нам стало полегче, и в итоге, забив по мячу в каждом тайме, мы выиграли – 2:0. С первым голом Тони Видмара нам, конечно, немного повезло (мяч после его удара попал в ногу Тюрама и перелетел через вратаря «Пармы» Буффона), но исходя из положения дел на поле мы заслужили такое везение. А окончательный счет установил Клаудио Рейна точным ударом в нижний угол.

В ответной игре уже нам пришлось большую часть времени провести в обороне, что естественно. Лишь однажды позволив соперникам добиться успеха (минут за 20 до конца гол забил Ласиси), мы одержали общую победу – 2:1 по сумме двух игр и после трехлетнего перерыва вновь пробились в самый престижный континентальный турнир.

Правда, воспоминания о двух предыдущих выступлениях в Лиге чемпионов не были особенно радостными. «Рейнджерс» участвовал в этом турнире в сезонах 1995/96 и 1996/97 и оба раза занимал последние места в своих группах, набирая по три очка. Из двенадцати матчей команда сумела выиграть лишь один и три свести вничью.

Поначалу казалось, что и новая европейская кампания принесет сплошное разочарование. Мы попали в довольно сильную группу вместе с финалистом предыдущего сезона мюнхенской «Баварией» (думаю, драматический финал 99-го в Барселоне, когда «Бавария» весь матч вела в счете против «Манчестер Юнайтед», а потом пропустила два гола на последних секундах, забудут нескоро), будущим финалистом «Валенсией» и чемпионом Голландии «Эйндховеном».

В первой игре на стадионе «Месталья» в Валенсии испанская команда оказалась попросту слишком сильна для нас (как показал дальнейший ход событий, «Валенсия» в то время была слишком сильна для всех в Европе, исключая мадридский «Реал»). Мы довольно долго сдерживали атаки хозяев поля, но в конце концов не устояли. Наш вратарь Лионель Шарбонье, до этого отбивавший все что только можно, не сумел поймать мяч после удара Санчеса, и Кили Гонсалес воспользовался его ошибкой. А затем он же забил и второй мяч. Мы проиграли – 0:2, но не считали поражение трагическим. «Валенсия» казалась нам явным фаворитом, и мы были намерены бороться за второе место в группе. Нашим главным соперником представлялась «Бавария», которая начала с победы дома над «Эйндховеном», а затем приехала к нам на «Айброкс».

Вот тут уже нас ждало настоящее разочарование, потому что мы упустили победу на последней минуте. Поведя в счете в середине первого тайма (Йорг Альбертц забил своим соотечественникам гол фирменным мощнейшим ударом метров с двадцати), мы имели солидное преимущество, но большего добиться не смогли. А когда игра уже подходила к концу и «Бавария» бросилась на последний штурм, Тарнат восстановил равновесие.

Теперь нам предстоял вояж в Голландию на встречу с «Эйндховеном», который, как и мы, имел после двух туров всего одно очко. Против голландского чемпиона нам дважды подряд удалось сыграть хорошо – быть может, потому, что у нас были тренер-голландец и несколько выходцев из этой страны в составе. На чужом поле мы выиграли – 1:0 благодаря очередному голу Альбертца за пять минут до конца, хотя временами нам приходилось несладко: нашим воротам часто и опасно угрожали Люк Нилис и Рууд ван Нистелрой. Ну, а в ответной игре мы не дали «Эйндховену» ни малейшего шанса, сразу же начав давить на него что было сил.

Незадолго до перерыва мы обменялись голами: Нил Макканн открыл счет, но Ван Нистелрой сравнял с пенальти. А во втором тайме на поле была только одна команда: Макканн отличился еще раз, два мяча забил и один из наших голландцев – Михаэль Молс. 4:1 – и мы вышли на второе место в группе, так как за то время, что мы

набрали шесть очков в играх с «Эйндховеном», «Бавария» взяла только два, сыграв оба раза вничью с «Валенсией».

Мы могли бы решить все свои проблемы уже в предпоследней игре, в которой принимали на «Айброксе» «Валенсию», но испанцы снова оказались нам не по зубам. Их капитан Гаиска Мендьета и аргентинский форвард Клаудио Лопес забили по голу, а мы сумели отыграть лишь один. К счастью, нам помог «Эйндховен», обыгравший дома «Баварию», так что в заключительный игровой день на Олимпийском стадионе Мюнхена нас устраивала ничья.

Но мы приехали в Германию за победой и были очень близки к ней. Трижды после наших ударов мяч отражала штанга, еще несколько отличных возможностей забить мы упустили сами. А все решил единственный гол Томаса Штрунца, забитый в середине первого тайма с пенальти, который вызвал бурные споры и многим показался весьма сомнительным. Так или иначе, «Бавария» опередила нас в самый последний момент (как тут было не вспомнить роковой гол, пропущенный от немцев на «Айброксе»?!), мы оказались третьими в группе, но все же могли гордиться если не результатом, то хотя бы хорошей игрой. В конце концов, мы сознавали, что в этом турнире не были статистами.

Третье место позволяло нам продолжить борьбу на международной арене – теперь уже в Кубке УЕФА. Но и там мы не сумели далеко продвинуться, сразу же уступив дортмундской «Боруссии». Мы поочередно выиграли друг у друга по 2:0, так что вопрос о победителе пришлось выяснять в серии пенальти. Соперники оказались точнее.

Закончившаяся еще до Нового года европейская кампания заставила нас бросить все силы на внутренние турниры, и мы закончили сезон с двумя титулами, выиграв чемпионат и Кубок Шотландии. Третий трофей – Кубок Лиги – на сей раз достался «Селтику».

Это был еще один успешный для меня сезон. Я сыграл в чемпионате 28 матчей и забил четыре гола. Впереди были еще два года моего контракта с «Рейнджерс», однако они прошли уже далеко не так удачно. И хотя весной 2000-го я не мог предвидеть тех сложно-

стей и проблем, которые ждали меня впереди, тучи постепенно начали сгущаться над командой, и обстановка в ней становилась все более и более напряженной.

## МЫ ГОЛЛАНДСКИЙ ДРАВИНА

### 1

В голландском городе Фридрихсбург, расположенном в юго-западной части провинции Южно-Африканской Республики, в 1948 году, в семье голландского врача и его жены, уроженки из Южной Африки, родился мальчик. Его назвали Ян. Ян родился в семье, в которой, по традиции, старший сын должен был называться Ян. Ян родился в семье, в которой, по традиции, старший сын должен был называться Ян.

Его отец, доктор, и его мать, Яннеке, были голландцами. Яннеке происходила из семьи, в которой, по традиции, старший сын должен был называться Ян. Яннеке происходила из семьи, в которой, по традиции, старший сын должен был называться Ян.

В 1948 году Яннеке и Яннеке-Фридрихсбург в южной провинции Южной Африки, в городе Фридрихсбург, в семье голландского врача и его жены, уроженки из Южной Африки, родился мальчик. Его назвали Ян. Ян родился в семье, в которой, по традиции, старший сын должен был называться Ян. Ян родился в семье, в которой, по традиции, старший сын должен был называться Ян.

## МОЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ДЯДУШКА

В английском языке очень много устойчивых словосочетаний, имеющих географическую или национальную привязку. Собственно говоря, подобных выражений, должно быть, немало в любом языке, в том числе и в русском: к примеру, бенгальский огонь, испанские сапоги или китайская грамота. Ну, а такие понятия, как греческий салат или французский поцелуй, наверное, на всех языках обозначаются одинаково.

Но есть, конечно, и различия. Например, животных, используемых в различных научных исследованиях, мы называем «подопытными кроликами», а англичане – «гвинейскими свинками». Игра же, известная нам как «испорченный телефон», в Англии называется «китайский шепот».

За 10 лет жизни в Великобритании я узнал немало таких выражений и с удивлением обнаружил, что многие из них имеют отношение к голландцам. И, как правило, несут в себе не самую лестную оценку. Например, если человек выпил лишнего и начинает уверять окружающих, что ему сам черт не страшен, его настроение мы назовем «пьяной удалью». Англичане же скажут «голландская удаль». Есть еще «голландское угощение» – это когда люди идут куда-нибудь компанией и каждый платит сам за себя. А есть «голландский дядюшка». Значение этой идиомы словарь Вебстера объясняет так: «человек, который резко и строго поучает или ругает кого-либо, часто с добрыми намерениями».

Не берусь судить о намерениях (может, они и вправду были добрыми), но во всем остальном такое толкование идеально подходит под описание наших взаимоотношений с Диком Адвокатом в последние два года моего пребывания в Глазго. Хотя, что интересно, с самим тренером у меня конфликтов не возникало. Зато был конфликт с одним из его протеже, но об этом чуть позже.

Причины кризиса «Глазго Рейнджерс», наступившего в сезоне 2000/01, по-моему, нужно искать сезоном раньше, а точнее летом 99-го, когда Дэвид Мюррей, обрадованный нашей победой на трех фронтах сразу, предоставил Адвокату неограниченную власть в клубе. Тренер стал в одиночку решать все вопросы трансферной политики и мог располагать практически неограниченными финансовыми возможностями, благо с деньгами у клуба проблем никогда не было.

Адвокат пошел по пути, проторенному многими тренерами, и стал скупать своих соотечественников. Наверное, этому есть логическое объяснение: тренер-иностранец полагает, что ему легче добиться понимания от футболистов, выросших в тех же условиях, что и он, говорящих на том же языке. Таких примеров в истории футбола немало. Все помнят, как Луис ван Гаал в первый период своей работы в «Барселоне» переманил за собой чуть ли не весь состав «Аякса», с которым незадолго до этого выиграл Кубок чемпионов.

В Англии так же действовал, например, Арсен Венгер, и теперь в «Арсенале» играет добрая половина сборной Франции. Жерар Улье в «Ливерпуле» тоже питает слабость к франкоговорящим футболистам. Анелька, Диомед, Траоре, Шейру... А после недавнего чемпионата мира были приобретены сразу два сенегальца – Диао и Диуф.

В общем, понять такой подход, повторю, можно, но можно ли при этом быть уверенным в том, что такая политика непременно принесет успех? Добился ли чего-нибудь Ван Гаал со своей голландской «Барселоной»? В отличие от него, Венгер, конечно, добился многого, но вот одна любопытная деталь: по заведенному им порядку все разговоры в клубе ведутся исключительно на английском языке. Даже со своими соплеменниками (по крайней мере, в рабочее

время) тренер не переходит на родную речь. И, видимо, в этом есть глубокий смысл.

Ну, а нас Адвокаат постепенно превращал во вторую «Барселону», приобретая все новых и новых голландцев. Но только, как вы понимаете, лучшие футболисты из страны тюльпанов давно уже находились при деле и были «Рейнджерс» не по карману (денег-то у клуба было много только по средним британским меркам), поэтому к нам попадали отнюдь не звезды. Допустим, Нуман и Ван Бронкхорст – известные имена. Это хотя бы игроки уровня голландской сборной, но что вы знаете про Михаэля Молса, Фернандо Риксена или Берта Контермана?

Был еще приобретен и Рональд де Бур – в свое время, бесспорно, игрок мирового класса. Но беда в том, что время его давно прошло, и это было ясно сразу, он ведь в состав «Барселоны» (настоящей) уже не проходил. Адвокаат поначалу поставил его в нападение, но Рональд в семи матчах забил всего один мяч. Тогда тренер стал искать ему другое место: оттягивал назад, во второй эшелон атаки, ставил вместо меня на правый край полузащиты. Короче говоря, команда перетряхивалась от матча к матчу, футболисты поочередно садились на скамейку, но Де Бур играл всегда.

В какой-то момент наш голландский легион достиг 10 человек: шестеро игроков и четверо «штабных», включая Адвокаата, его помощника, тренера юношеской команды и доктора. Голландская речь звучала в клубе чаще, чем английская, и это неизбежно вело к образованию клана. А значит, и к полному развалу команды, которая, обрастая голландцами, лишилась ряда очень неплохих футболистов. Один за другим ушли Альбертц, Рейна, турок Тугай.

Я остался, но потерял свое место в составе. А после того, как на тренировке повздорил с Риксеном, понял, что больше мне рассчитывать не на что.

Мы с Фернандо столкнулись в единоборстве, и, кажется, оба были не шибко довольны действиями друг друга. Возможно, в другой ситуации ничего бы не произошло, но в тот момент обстановка в команде была взрывоопасная. Вот мы и потолкались немного, сказав друг другу пару ласковых.

Случись такое в игре, строгий судья, конечно, отправил бы обо-



их в раздевалку. Мягкий, возможно, ограничился бы желтыми карточками. Но наказаны были бы двое – это как пить дать. Адвокат же поступил иначе: меня с тренировки выгнал, а Риксена оставил. Судите сами, была ли у меня после этого какая-нибудь перспектива.

За первые два года в «Рейнджерс» я сыграл в чемпионате 58 матчей, и команда выиграла пять трофеев. За два следующих сезона я выходил на поле 17 раз, и «Рейнджерс» в 2001 году остался вообще без наград (теперь уже хет-трик сделал «Селтик»), а в 2002-м завоевал оба кубка (но уже при другом тренере).

Конечно же, я не собираюсь утверждать, что именно мое присутствие на поле приносило команде успех. Однако мой внезапный перевод в глубокий запас и турнирные неудачи – звенья одной цепи. Адвокат, сумевший быстро создать отличную команду в 98-м, так же быстро развалил ее два года спустя. В чемпионате 2000/01 мы потерпели унижительное поражение от «Селтика» – 2:6, и с этого момента наш поезд стремительно пошел под откос.

Спасти его не могли никакие финансовые вливания. За время своей тренерской деятельности Адвокат потратил около 70 миллионов фунтов, а толку от этого было не много.

Вот, например, история с приглашением Де Бура. Адвокат пришел к выводу, что нам не хватает хорошего форварда. Решили проверить Джона Хартсона, огромного мощного валлийца. Правда, в тот момент у него были какие-то проблемы с коленями. Осмотрел его наш доктор и говорит: нет, мол, не пойдет, колени безнадежные. Тогда взяли Де Бура, хотя всему миру было известно, что у него тоже одно колено было травмировано и даже прооперировано. Но не в этом суть, я уверен, что вовсе не колени решили дело, а то, что Рональд – голландец. А у Хартсона с тех пор с коленями все в порядке, он отлично играет за «Селтик» и сборную Уэльса.

Нападающих же у нас и без Де Бура хватало бы, относись к ним тренер по-другому. А то, скажем, купил за довольно большие деньги (свыше 4 миллионов фунтов) у «Мальорки» аргентинца Габриэля Амато. На мой взгляд, отличный нападающий. Но сыграл всего три игры и сел на скамейку. Почему? Непонятно. Представляете, как парень переживал? Уехал из Испании, причем с Балеарских островов, где климат как в раю, чтобы сидеть на лавке в продуваемом

всеми ветрами Глазго, где солнца за весь год не увидишь столько, сколько на Мальорке за неделю.

Не знаю, может, у тренера имелись свои соображения, чтобы считать, что Амато нам не подходит. И это меня не удивляет, поскольку я знаю историю его приглашения. Адвокат купил его, так сказать, в телемагазине. Увидел трансляцию финального матча на Кубок Испании 98-го года, в котором «Мальорка» чуть не победила «Барселону», уступив по пенальти, и сказал: «Вот этого хочу». Амато в том матче сыграл и вправду здорово, но разве не должен тренер, покупая футболиста, знать о нем больше? Разве не нужно последить за игроком, собрать информацию? А вдруг это у него один-единственный удачный матч был за всю карьеру?

Но Адвокат не утруждал себя такими вопросами. Он знал, что любое его желание будет выполнено, и не задумывался о последствиях.

В ноябре 2000-го он за 12 миллионов фунтов купил у «Челси» норвежского форварда Торе Андре Фло. Не берусь судить, стоил ли этот 27-летний нападающий рекордной для «Рейнджерс» суммы, но он, по крайней мере, забивает. В прошлом сезоне, например, стал лучшим бомбардиром команды.

А еще я так и не смог понять тех поистине солдафонских методов, с помощью которых мой «голландский дядюшка» пытался укрепить дисциплину в наших рядах. Понятное дело, порядок – вещь хорошая, однако методы Адвоката, думаю, нашли бы лучшее применение в детской команде. Он ввел систему штрафов за любые проступки. Не буду утверждать, что все его действия были неверными. Например, требование отключать мобильные телефоны в раздевалке резонно: если ты пришел на работу, тебя ничто не должно отвлекать. Если же ты забыл выключить аппарат, и раздался звонок – выкладывай пятьдесят фунтов.

Да, это понятно и справедливо, но вот штраф даже за минимальное опоздание на завтрак, обед или ужин, или за то, что ты появился на собрании команды в носках или майке не того цвета, что у остальных, – это, по моему глубокому убеждению, полнейший абсурд. Нигде больше я такого не встречал, и не скажу, что в «Манчестере», «Эвертоне» или «Фиорентине» (не говоря уж про киевское «Динамо») с дисциплиной дела обстояли хуже, чем в «Рейнджерс».

Наверное, детей было бы неплохо приучать таким образом к самоконтролю. Но требовать от взрослых людей, чтобы они все были, что называется, под гребенку, как-то несолидно. Однако Адвокат считал это в порядке вещей, а потому сажал на входе в столовую одного из своих помощников с секундомером в руках. И если кто-нибудь из нас задерживался хоть на полминуты, радости тренеров не было предела. Ага, мол, вот мы тебя и подловили! Еще один полтинничек с тебя.

Удивительно было и то, что наш тренер никогда с нами не здоровался, никогда не смеялся и даже не улыбался. Он являл собою просто образец строгости. И во время приема пищи никто не имел права притронуться к своей порции до тех пор, пока тренер не пожелает всем приятного аппетита.

Детский сад, да и только!

### НОВАЯ ВСТРЕЧА С ДЖО РОЙЛОМ

В начале 2001 года я ненадолго покинул этот детский сад. Шла вторая половина сезона, и я окончательно убедился, что перспектив у меня в «Рейнджers» нет никаких. Дик Адвокаат попросту игнорировал меня. После стычки с Риксеном он запретил мне тренироваться с первым составом, хотел поставить в дубль, но тут уже я отказался, и тогда меня «сослали» в молодежную команду. Полтора месяца я тренировался с ближайшим резервом, и, должен сказать, эти тренировки пошли мне на пользу. По крайней мере, в плане физической подготовки. Молодые-то тренировались по полной программе, два раза в день. Мне, правда, разрешалось вторые тренировки пропускать, но я несколько раз участвовал в них, что называется, для себя. И физически был готов, думаю, лучше любого игрока первого состава, потому что Адвокаат и близко нам таких нагрузок не давал. Вообще его тренировочный процесс вызывал у меня массу вопросов и был несравним с тем, что я видел в других клубах. Но я уже достаточно бросил камней в огород своего «голландского дядюшки», так что, пожалуй, хватит.

В Шотландии вскоре после Рождества наступает небольшая пауза в чемпионате, в отличие от Англии, где в это время играют чуть ли не через день. Шотландские же команды, как правило, в конце декабря – начале января проводят сборы за границей. В тот год основной состав «Рейнджers» отправлялся в Майами, а молодежный – в Австралию. Незадолго до отъезда я пришел к Адвокаату и пред-

ложил определиться: с какой из команд мне ехать. Тренер, видимо, посчитал, что я уже отбыл положенное наказание, и взял меня в Америку.

А по возвращении из Майами мой агент сообщил мне, что есть шанс отправиться в «Манчестер Сити» на условиях аренды. Тренером клуба, только что вернувшегося в премьер-лигу после четырехлетнего перерыва и отчаянно пытавшегося сохранить в ней место, был в то время Джо Ройл. Помня о нашей совместной работе в «Эвертоне» и зная, что в Глазго на меня не рассчитывали, он решил, что я мог бы оказаться полезным его команде в борьбе за выживание. Мне было приятно узнать, что мой бывший тренер не забыл про меня, и, конечно, я мечтал снова поиграть в английском чемпионате, так что раздумывать долго не стал. «Рейнджерс» и «Сити» заключили договор об аренде на три месяца, и я вернулся в Манчестер, который, как уже не раз говорил, считал своим родным городом в Англии.

Хоть я и обещал больше не высказываться в адрес Дика Адвоката, не могу удержаться от еще одного короткого замечания. Оно позволит вам понять, насколько странно подходил тренер к вопросам комплектования команды. В тот момент у нас было довольно много травмированных, однако босс решил, что меня можно спокойно отдать в аренду. А спустя от силы дней пять уже сам арендовал в «Фулхэме» француза Фабриса Фернандеса (мы с ним, кстати, сейчас партнеры по «Саутгемптону»), чтобы тот до конца сезона сыграл всего четыре матча. Прошло лишь несколько дней, и «Рейнджерс» купил еще одного игрока. Судите сами.

Мне же приятно было вновь оказаться там, где прожил столько лет, где остались добрые друзья, где все меня знали и помнили. Конечно, «Сити» – не «Юнайтед», хотя бывали времена, когда именно этот клуб считался первым номером в городе. Но те времена прошли давным-давно, хотя, честно говоря, тот факт, что, вернувшись в Манчестер, я окажусь в тени своего бывшего клуба и его новых звезд, меня нисколько не беспокоил. Главное – я снова буду играть в премьер-лиге!

Дела «Сити» в чемпионате шли из рук вон плохо, но обстановка в команде, тем не менее, была хорошая, особенно если сравнивать

с «Рейнджерс». По-моему, даже слишком хорошая. Так, меня удивило, что в тот момент, когда в чемпионате возникла небольшая пауза, вызванная матчами сборных, мы отправились на несколько дней в Испанию. А ведь шли-то на третьем месте с конца! Видимо, тренеры задумали поднять наш боевой дух с помощью коротких каникул, но ничего путного из этого не вышло. В Испании мы, конечно, толком не тренировались, в основном радовались жизни да играли в гольф.

Но до этих странных каникул я уже провел несколько матчей. Времени на раскачку у меня не было: приехал я в Манчестер в воскресенье, а уже в среду – игра с «Ливерпулем». Я честно сказал Джо Ройлу, что едва ли готов к этой игре, ведь только что вернулся из Америки, а практики давно уже не имел. Тренер обещал сразу меня не нагружать, а выпустить где-нибудь во втором тайме. Выпустил, правда, сразу после перерыва.

Думаю, я сыграл лучше, чем мог ожидать, да и результата мы добились неплохого, сыграв вничью – 1:1. Для команды, боровшейся за выживание, вполне нормально. А следующую игру – против «Миддлсбро» – я уже провел полностью.

Всего за три месяца я сыграл 10 матчей и даже сумел забить один гол. Очков мы набрали немало, но нам не везло в том, что наши основные конкуренты тоже играли успешно, так что наши победы или ничьи не способствовали перемещению вверх по турнирной таблице. А когда закончился апрель и срок моей аренды истек, я уже не имел права выходить на поле, хотя до конца чемпионата оставалось три тура. Мне пришлось вернуться в Глазго и уже оттуда наблюдать за тем, как «Манчестер Сити» расстается с премьер-лигой, так и не сумев уйти с третьей строчки снизу.

В 10 проведенных мною за «Сити» матчей вошли две игры против моих бывших клубов. Я снова вернулся на «Олд Траффорд» и участвовал в манчестерском дерби, теперь уже с другой стороны. Реакция болельщиков «Юнайтеда» была смешанной: одни довольно тепло встретили меня, другие освистали, как и полагается в таких случаях вести себя по отношению к игрокам принципиального соперника. Мы вновь добились хорошего результата – сыграли 1:1, а могли и выиграть. Правда, справедливости ради, стоит заме-

тить, что «Юнайтед» играл не слишком собранно, так как уже обеспечил себе победу в чемпионате.

Эта игра была печально знаменита возмущившей всех выходкой Роя Кина. Он нанес тяжелейшую травму нашему норвежскому защитнику Альфу-Инге Холанду, причем сделал это явно нарочно. Альфи позже рассказывал нам, что, когда он корчился от боли на траве, Кин наклонился над ним и злобно прошипел: «Это тебе за то, что ты сломал меня два года назад». Впоследствии сам Кин не делал из этого секрета и рассказал обо всем в автобиографии, о которой я уже упоминал. Этот случай, кстати, был одним из тех, за которые его дисквалифицировала Английская футбольная ассоциация. Шокирующие признания Кина дали чиновникам повод возбудить дисциплинарное дело и наказать его, пусть и с опозданием, за дискредитацию футбола.

Думаю, немало нашлось тех, кто воспринял такое решение с удовлетворением. Ведь многие считали и продолжают считать, что Кин зарвался. А я помню его совсем другим – тихим и скромным молодым игроком «Юнайтеда». Да и разве мог он не быть тихим рядом с такими титанами, как Брайан Робсон, Стив Брюс или Гари Паллистер? Но с тех пор Рой, видимо, изменился: теперь он носит капитанскую повязку клуба и, должно быть, считает себя непогрешимым. Ему ничего не стоит оскорбить партнеров по клубу или сборной (после известного скандала накануне чемпионата мира в Японии и Корее Кин назвал ирландскую национальную команду «стадом баранов») или распустить руки на поле. Так было недавно во время его стычки с Джейсоном Макэйттиром, с которым он много отыграл за Ирландию. Ударив его локтем, Кин еще и сказал что-то грубое. Правда, ответ Джейсона был достойным. Он сделал рукой жест, словно водит пером по бумаге: мол, иди лучше еще одну книгу напиши. Да уж, со многими испортил старина Рой отношения своей автобиографией.

Впрочем, не мое это дело. Пусть уж сэр Алекс Фергюсон думает, не распустил ли он свою суперзвезду. Обидно только за Альфи Холанда, надолго выбывшего из игры. Тем более что в эпизоде, который привел к травме Кина (этот сюжет без конца гоняли по всем телеканалам), и в помине не было никакого злого умысла со стороны норвежца, тогда игравшего за «Лидс». В чисто игровой ситуа-



ции они пошли на жесткое столкновение, и разрыв коленных связок Кина был вызван не столько грубостью соперника, сколько неудачным падением.

Но вернемся к рассказу о моем выступлении за «Манчестер Сити». Довелось мне сыграть и против другого своего бывшего клуба – «Эвертона», и в этом случае реакция болельщиков была однозначной: к моему удивлению, с трибун не прозвучало ни единой обидной реплики, не донеслось ни одного свистка. Напротив, когда перед матчем объявляли составы команд, мою фамилию зрители встретили аплодисментами и еще не раз хлопали мне во время и после игры. Мне было приятно убедиться в том, что истинные болельщики не поддались влиянию газет, устроивших мне настоящую травлю в момент моего ухода.

В общем, время, проведенное в «Манчестер Сити», хоть это и был самый слабый клуб из всех, за которые мне довелось выступать, оставило приятные воспоминания. Прямо скажу: в Глазго я возвращался с большой неохотой, подозревая, что в новом сезоне мне вновь придется довольствоваться ролью запасного.

Подозрения не были беспочвенными, и в первых восьми турах я лишь однажды вышел в стартовом составе и трижды – на замену. Следующего шанса мне пришлось ждать полгода, и появился он уже при новом тренере.

В течение того срока, что я сидел в глубоком запасе, когда моя активность ограничивалась лишь тренировками, у меня было довольно много свободного времени, которое я мог посвящать любимым занятиям. Например, шахматам. К этой мудрой старинной игре я пристрастился давно и могу честно признать, что для любителя играю очень даже неплохо. Кстати, слухи о моем увлечении каким-то образом распространились по Глазго, и меня даже несколько раз приглашали в качестве почетного гостя на детские шахматные турниры, где я вручал призы победителям. Нетрудно представить, как счастливы были те из них, которые оказывались болельщиками «Рейнджерс».

А еще я вел, можно сказать, научную работу, результатом которой стало вышедшее в прошлом году в Москве учебное пособие «Историко-генетические основы профессионально-психологического

отбора». Я выступаю как один из соавторов данного труда, хотя, конечно, не буду утверждать, что полностью владею темой. Однако другие члены авторского коллектива – президент Академии космоса Роберт Макаров и старший научный сотрудник института авиационной и космической медицины Борис Покровский уверяют, что я очень помог им. Моя роль сводилась к консультациям соавторов по практическим вопросам: как организм спортсмена воспринимает те или иные тренировочные и соревновательные нагрузки и перегрузки, как проходит процесс реабилитации после различных потрясений и травм, какие методы восстановления являются наиболее действенными и т. д. и т. п. По словам Роберта Никитовича и Бориса Леонидовича, мне удалось оказать им существенную помощь в работе над разделом «Отбор в спорте».

Все это было интересно и увлекательно, но, конечно же, я мечтал как можно быстрее вернуться на поле. А для этого нужно было дожидаться прихода нового тренера.

После провального сезона 2000/01 над Диком Адвокатом начали сгущаться тучи. Пресса, и до того не раз критиковавшая тренера, теперь уже взялась за него не на шутку. Надеюсь, вы не подумали, будто я был единственным недовольным, и не попытались списать это недовольство на сугубо личную неприязнь?

Недовольных, уверяю вас, хватало и без меня. Было время, когда Адвокат вступил в открытую войну с журналистами: сперва возмущался, затем отмахивался, а потом и вовсе игнорировал любую критику. Но бесконечно это продолжаться не могло. Настал момент, когда тренер должен был уйти.

Но ушел он... на повышение! Уж не знаю, за что так полюбил его Дэвид Мюррей, но, согласившись с тем, что командой должен руководить кто-то другой, он предложил Адвокату занять пост директора клуба по футбольным вопросам. То есть все аспекты деятельности команды по-прежнему оставались в ведении «голландского дядюшки».

Из-за этого, между прочим, оказалось не так-то легко найти нового тренера. Сперва обратились к Грэму Сунессу, в прошлом известному игроку сборной Шотландии, капитану великого «Ливерпуля» конца 70-х – начала 80-х, когда мерсисайдский клуб не знал рав-

ных в Европе. В течение пяти лет (1986–1991) Сунесс был играющим тренером «Глазго Рейнджерс», и за это время клуб выиграл четыре чемпионских титула и четыре Кубка Лиги. Но возвращаться Сунесс не захотел, открыто заявив, что под контролем Адвокаата работать не собирается. Он предпочел «Блэкберн».

Точно такой же ответ дал Джордж Грэм, еще один известный шотландский специалист, добившийся больших успехов с «Арсеналом» на рубеже 80-х – 90-х годов. Он тоже предпочел английскую премьер-лигу и отправился в «Тоттенхэм».

В общем, было ясно, что никакой авторитетный тренер не согласится работать в таких условиях. Пришлось подыскивать более скромного кандидата. Он нашелся в лице Алекса Маклиша, яркого в прошлом игрока шотландской сборной и «Абердина», с которым в 1983 году он выиграл Кубок кубков. За время тренерской карьеры Маклиш особых успехов не добивался, возглавляя команды, несравнимые с «Рейнджерс», – «Мозеруэлл» и «Хиберниан».

Команда с воодушевлением приняла приход нового тренера. По крайней мере, шотландец должен был объединить нас, положив конец существованию голландского клана. Так и произошло, и хотя в середине декабря, когда Алекс принял команду, уже было ясно, что чемпионат проигран, «Рейнджерс» обрел второе дыхание. В итоге мы выиграли два кубковых турнира, в обоих победив «Селтик» (в полуфинале Кубка Лиги – 2:1, а в финале Кубка Шотландии – 3:2).

Я вновь получил место в составе, провел 15 последних игр сезона и даже забил пару голов. Один из них – в матче чемпионата против «Килмарнока». Мы выиграли – 5:0, а я запомнился болельщикам не столько забитым мячом, сколько финтом, с которого начал атаку, приведшую к нашему последнему голу.

По любимому правому краю я подошел почти к границе штрафной. Защитник, стоявший передо мной, пребывал в нерешительности: то ли сблизиться, то ли ждать моих действий. И тогда я применил трюк, освоенный еще в юности: подпрыгнул над мячом, развернулся в воздухе на 360 градусов и катнул мяч подошвой мимо соперника. От неожиданности он так и остался стоять, словно вкопанный, а я, приземлившись, проскочил мимо него в штрафную и отдал пас партнеру.

Этот финт вызвал неоднозначную реакцию. «Айброкс» взвыл от восторга, исключая, конечно, секторы, заполненные болельщиками гостей. А вот соперники обиделись, и многие из них (как и некоторые сторонние наблюдатели) позже говорили, что, мол, негоже с моей стороны было так издеваться над коллегой, выставлять его на посмешище.

Возможно, в их словах имелся свой резон и мои действия при желании можно было расценить как неуважение. Но в таком случае разве крупный счет матча – не такое же неуважение? Значит ли это, что команда, чувствуя свое превосходство над соперником, должна прекращать играть после того, как забила два гола? Матч и так выигран, зачем же обижать коллег-профессионалов.

Думаю, такую точку зрения настоящие профессионалы как раз и не разделят. Коль скоро игра дается, нужно играть. Зрители пришли, чтобы видеть полтора часа борьбы, и если ты за первые 10 минут забьешь два гола, а потом будешь лениво перекатывать мяч в ожидании финального свистка, это будет предательством по отношению к собственным поклонникам.

В том матче я, как говорится, поймал кураж. У меня все получалось, и я наслаждался игрой. Потому и решился на такой финт, в котором не вижу ничего предосудительного. Я же не падал в штрафной, выпрашивая у судьи пенальти, не бил соперника исподтишка, не подыгрывал себе рукой. И трюк выполнял не ради трюка, а ради продолжения атаки, и в этом отношении преуспел.

И еще я порадовал болельщиков, а разве не в этом смысл игры? Спорт – это ведь не только победа любой ценой, но и удовольствие для зрителей.

Все эти соображения мне пришлось высказывать через прессу, оправдывая свои действия, хотя, по правде говоря, я не видел необходимости оправдываться. Но пришлось сделать это, чтобы ответить на упреки, посыпавшиеся на меня с разных сторон.

И еще я сказал, что если уж и нужно кого винить в том эпизоде, так это защитника «Килмарнока», который стоял в километре от меня, вместо того чтобы сблизиться и лишить меня возможности делать все, что я захочу.

Так подошел к концу мой четвертый сезон в «Глазго Рейнджерс».

Я начал здорово и два года отыграл на приличном уровне. Потом наступила черная полоса шириной в полтора года. А в конце – новое просветление: в последние месяцы пребывания в Шотландии я снова почувствовал вкус к игре, понял, что еще кое на что способен.

Но расставание было неотвратимо. Мой контракт заканчивался, и я чувствовал, что продлевать его клуб не захочет. Так и получилось. По завершении сезона Алекс Маклиш вызвал меня, поблагодарил за все, сказал, что не имеет ко мне никаких претензий и хотел бы продолжать работать со мной, но у клуба сейчас финансовые трудности, поэтому мне не могут предложить новый контракт.

Я кивал, понимая при этом, что финансовые трудности здесь совершенно ни при чем. Коль скоро руководить процессом продолжал Дик Адвокаат, мне не на что было рассчитывать.

Примерно так же клуб расстался и с некоторыми другими футболистами. Например, Тони Видмару новый контракт предложили, но с зарплатой ровно в два раза меньше прежней. Думаю, идя на такой шаг, Адвокаат не рисковал: любому было ясно, что уважающий себя игрок на такие условия не согласится. Тони ушел.

Ушел и я. Теперь мне предстояло искать продолжение карьеры в новом для себя качестве – в качестве свободного агента.

### **СВОБОДА! СВОБОДА? СВОБОДА...**

Я провел в большом футболе 15 лет и едва ли сразу смогу оценить все изменения, произошедшие в игре за этот период. Вернее, изменения не в собственно игре, а в тех условиях, в которых она развивается.

Я застал еще те времена, когда советские футболисты и думать не могли о том, чтобы отправиться играть за границу. Потом железный занавес пал, и я стал одним из тех, кто этим воспользовался. Уже находясь в Европе, я был свидетелем коренных изменений, которые внесло в облик футбола «дело Босмана». Изменения эти настолько велики, что я согласен с теми, кто делит новейшую историю футбола на две эпохи: до Босмана и после Босмана.

И еще я был свидетелем финансового бума, наступившего несколько лет назад, когда в футбол хлынули такие деньги, о каких раньше и не слыхали, когда трансферные суммы и зарплаты взлетели до небес, когда в телевизионных контрактах стали появляться числа с восемью нулями.

И, естественно, несколько лет спустя я стал свидетелем того, как это все закончилось. А разве могло быть иначе, разве могли увеличиваться бесконечно телевизионные вливания, расти суммы контрактов и зарплат? Было время, когда футбол казался всем золотой жилой, его возможности как одного из видов шоу-бизнеса представлялись безграничными. Телевидение не жалело никаких средств на покупку прав на трансляции, полагая, что все затраты окупятся.

Но это оказалось совсем не так. В конечном счете, все деньги в футболе появляются из карманов болельщиков, а это вовсе не бездонная бочка. Как бы хорошо ни играли в футбол лучшие команды, трудно рассчитывать на то, что ради удовольствия наблюдать их игру болельщик продаст последнюю рубашку. Тем более что матчей год от года становилось все больше, и столько рубашек на продажу просто не могло найтись.

Телевидение начало нести убытки, многие компании обанкротились, и поступление денег в европейский футбол резко сократилось. Скоро футболисты, должно быть, начнут чувствовать себя нищими и несчастными, хотя, конечно, не станут таковыми. Даже если их зарплаты вернутся на прежний уровень, на котором находились до того, как футбольный мир помешался на деньгах (чтобы легко было считать, берите за ориентир создание Лиги чемпионов в 1992 году), это будут вполне приличные зарплаты, гораздо выше среднего и на родине каждого из них, и в странах, где они играют. Другое дело, привыкнув получать десятки тысяч фунтов в неделю, игроки уже не захотят довольствоваться меньшими суммами, пусть эти суммы и будут по-прежнему больше того, что можно получить в подавляющем большинстве других видов человеческой деятельности.

Но тут уж ничего не поделаешь: пик пройден, начинается спуск, и теперь уже, кажется, все поняли, что финансовые вливания в футбол последних лет были необоснованно велики. Значит, в обозримом будущем повторения подобного не предвидится.

Эти перемены я ощутил на собственном опыте, причем могу с полным основанием сказать, что для меня они наступили в самый что ни на есть неподходящий момент. То есть в тот момент, когда у меня не было контракта.

Несколько лет назад, вскоре после победы Босмана, любой игрок только и мечтал о статусе свободного агента. Тот, кому удавалось дожидаться окончания контракта, не подписав нового, мог считать себя поистине счастливчиком. Ведь тогда он имел возможность выбрать практически любую команду. Каждый клуб охотился за свободными агентами (еще бы, за них ведь не нужно было никому ничего платить!), и поэтому не команда выбирала футболиста, а на-



оборот. Достаточно было ткнуть пальцем и сказать: «Хочу туда», и тебя принимали с распростертыми объятиями.

Сейчас все стало иначе, и статус свободного агента лишь прибавляет тебе головной боли. Те футболисты, которым в свое время пришлось заключить долгосрочные контракты, еще недавно чувствовали себя жалкими рабами и с завистью смотрели на тех, кто мог распоряжаться своей судьбой по собственному желанию. Теперь же все перевернулось с ног на голову (или с головы на ноги, не берусь судить), и уже обладатели контрактов, некогда казавшихся кабальными, благодарны судьбе за то, что могут еще некоторое время спать спокойно, чувствуя уверенность в своем будущем.

Конечно, не все находятся в одинаковом положении. Не будем говорить о суперзвездах уровня Рональдо, Зидана или Бекхэма – им едва ли что-нибудь грозит. Но таких в футболе единицы, основная же масса игроков, конечно, сильно пострадала после того, как футбольная денежная река обмелела.

Летом прошлого года на трансферном рынке в Англии царил затишье. Единственной крупной сделкой стала покупка Рио Фердинанда. За защитника английской сборной «Манчестер Юнайтед» заплатил «Лидсу» 30 миллионов фунтов. Но «Юнайтед» – богатейший клуб мира и давно живет по своим законам. Остальные же клубы не спешили тратить деньги, как было еще совсем недавно.

Оказаться в такой момент свободным агентом – худшее, что может приключиться с футболистом. Занявшись поисками нового клуба, я обнаружил, что таких, как я, были сотни. В сентябре, вскоре после того, как мне удалось зацепиться за «Саутгемптон», я с огорчением узнал, что Ли Шарп, мой бывший партнер по «Манчестер Юнайтед», безуспешно искал работу в первом дивизионе, а ведь он на два года младше меня. И вообще, как мне сказали знающие люди, на тот момент в премьер-лиге и первом дивизионе было примерно 600 безработных свободных агентов.

Значит, я вполне мог считать себя счастливым. Пусть я и оказался в таком скромном клубе, как «Саутгемптон», но все же сумел остаться в премьер-лиге.

В свой новый клуб я устроился уже в начале осени. В течение лета мой агент безуспешно пытался найти мне команду. Было, прав-

да, несколько предложений с Ближнего Востока, очень выгодных с материальной точки зрения, но я посчитал, что отправиться в Саудовскую Аравию или ОАЭ на заработки можно будет и попозже, а пока все-таки следует попытаться продолжить активную карьеру.

Но несмотря на все старания агента, приемлемых вариантов не находилось. И тогда я начал действовать сам и позвонил тренеру «Саутгемптона» Гордону Стракану, бывшему игроку сборной Шотландии. Он несколько лет играл за «Манчестер Юнайтед», но ушел до моего появления в клубе. Не знаю, повлияло ли это сходство наших судеб на его решение, но он откликнулся на мой звонок и пригласил в команду на просмотр.

Около двух недель провел я в «Саутгемптоне» и в итоге заключил контракт на год. Правда, Стракан честно сказал мне, чтобы я на слишком уж многое не рассчитывал. Мол, он знает и ценит мои достоинства, но сейчас ему нужны игроки несколько иного плана, поэтому я едва ли сразу смогу попасть в состав.

Что я мог ответить? Других вариантов у меня не было, и я согласился. Пока я действительно крайне редко выхожу на поле, но все-таки я при деле и могу поддерживать форму, тренируясь с командой, а не в одиночестве на лужайке перед домом.

Форму я поддерживаю постоянно. Кто знает, что будет происходить в футбольном мире этим летом, когда закончится мой контракт с «Саутгемптоном» и я снова примусь за поиски клуба. Вы можете посчитать меня слишком самоуверенным, но я надеюсь на то, что еще могу поиграть годик-другой на приличном уровне. И опускать руки не собираюсь. А значит, я должен оставаться в форме.

По крайней мере, моя жизнь в футболе научила меня, что нужно быть готовым ко всему.

## ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

### МОЯ ЖИЗНЬ ВНЕ ПОЛЯ

Нам не дано предвидеть будущее (не знаю, стоит ли вставить «увы», а может, «к счастью»), и я, конечно же, не могу знать, как и когда закончится моя карьера. Быть может, мне удастся поиграть еще год-другой, но не исключено, что я перейду в разряд ветеранов и раньше. Ясно одно: это рано или поздно произойдет.

Расставание с любимой игрой, которой я отдал многие годы, будет нелегким. Не знаю, удастся ли когда-нибудь вернуться в нее в другом качестве; об этом я пока не задумывался. Но все равно это уже будет не то: начну ли я заниматься с детьми, стану ли когда-нибудь настоящим тренером, или жизнь найдет мне иное применение в футболе, едва ли мне доведется вновь испытать те чувства, которые я испытывал каждый раз, выходя на поле в качестве игрока.

Футбол – это большая, очень большая, самая большая часть моей жизни. Но все же только часть. И когда придет неизбежный час расставания с игрой, и эта часть останется позади, моя жизнь без нее, конечно, станет другой. Но при этом я уверен, что она не будет скучной и безрадостной.

Что останется мне после футбола? В первую очередь, три самых близких мне человека. Инна, с которой на протяжении двенадцати лет мы поровну делили все радости и разочарования (и того, и другого, как вы могли убедиться, на мою долю выпало немало). Она всегда поддерживала меня, помогала не потерять голову в момен-

ты триумфа и придти в себя после ударов судьбы. И, естественно, на ее хрупких плечах всегда держался и продолжает держаться наш семейный очаг. Разве от футболиста, постоянно находящегося в разъездах, делящего свое время между домом, тренировочными базами и отелями, дождешься реальной помощи в решении каких-либо бытовых проблем? Рассчитывать на это может только неисправимая оптимистка. Инна и не рассчитывает. Она просто делает все, чтобы наш дом был настоящим домом настоящей семьи.

Наверное, закончив играть и найдя себе более спокойное занятие, я смогу, наконец, вернуть своей семье то, что задолжал за минувшие годы. Буду помогать жене вести хозяйство, больше времени проводить с детьми, более пристально следить за их успехами в учебе, за прогрессом Андрюши на футбольном поле, а Евочки – в балете, которым она недавно начала заниматься с увлечением.

Останутся со мной и мои друзья, а их, слава Богу, немало. Повсюду есть люди, на чью помощь и понимание я могу рассчитывать в любой ситуации. В Манчестере это Инна и Алексей Автуховичи, с которыми мы примерно в одно время прибыли в Англию и сдружились с первых дней пребывания на второй родине. У нас с Алексеем разные судьбы: если я приехал сюда, зная, чем буду заниматься, то он бросил вызов судьбе и отправился в неизвестность, не имея четких планов и веря лишь в свои силы и в удачу. И эта вера не оказалась пустой: он начал с того, что охотно брался за любую работу, не стыдясь испачкать руки, а в итоге стал преуспевающим и уважаемым в Англии бизнесменом.

Есть у нас в Манчестере еще одна подруга, тоже наша соотечественница. Гюзель Нобелл попала сюда, выйдя замуж за англичанина. Ее отзывчивость и душевная теплота помогли нам пережить самый страшный период в нашей жизни, когда мы потеряли нашего первого ребенка. В первые дни после трагедии мы жили, словно в бреду: часы и минуты тянулись однообразной нескончаемой чередой, каждая ночь казалась вечностью. И если бы рядом с нами не было источавшей безграничную доброту и всепобеждающую жизненную энергию Гюзель, не знаю, как бы мы сумели придти в себя.

В Глазго мы познакомились еще с одной интернациональной семьей. Благодаря Бобу и Вале Теннантам мы быстро смогли освоить-

ся в Шотландии, приспособиться к непривычному окружению и вскоре стали чувствовать себя комфортно в новых условиях.

В Москве же наши лучшие друзья – Маликовы. Самый известный из этой замечательной семьи – певец и композитор Дима, был с детских лет кумиром Инны, которая училась тогда в музыкальной школе. Как и многие девчонки ее возраста, она была влюблена в него до беспамятства, и когда спустя несколько лет мы случайно познакомились с Димой и его сестрой Инной (так уж распорядилась жизнь, что почти все лучшие подруги моей жены – тезки) в одном из московских клубов, ее радости не было предела.

С тех пор мы дружим семьями. К родителям Инны и Димы – Юрию Федоровичу и Людмиле Михайловне – мы относимся, как к родным, и они точно так же относятся к нам. И, между прочим, с недавних пор мы действительно одна семья: когда у Инны Маликовой и ее мужа Владимира родился сын, названный в честь дяди Димой, мой Инна стала ему крестной матерью.

Не исключено, что в будущем наши родственные связи укрепятся. Дима-младший – ровесник нашей Евы, и все мы с первых дней называем их не иначе как жених и невеста. Кто знает, быть может, так и случится. Хотя до этого, конечно, еще далеко.

Но если в отношении Евы и Димы-младшего судьба распорядится иначе, у нас есть еще один шанс породниться. Чем не невеста нашему Андрюше Стефания, дочь Димы-старшего и его жены Лены?

Конечно же, очень много у меня друзей, которых подарил мне футбол. В Киеве это Алексей Михайличенко и Олег Кузнецов, некогда мои старшие товарищи в киевском «Динамо» и сборной, затем предшественники в «Глазго Рейнджерс». Сегодня они дружно работают в тренерском штабе «Динамо», пытаясь по мере сил продолжить дело своего выдающегося учителя Валерия Лобановского.

Интересно, сыграют ли когда-нибудь вновь Алексей Михайличенко и Андрей Канчельскис в одной команде? Это я не о нас, а о наших детях говорю, ведь сына Алексея и Инны Михайличенко зовут Лешей. А вот Кузнецова, который тоже мог бы пригодиться этой команде, пока нет: у Олега с Аллой есть только дочь Катя. Но если род Кузнецовых все же получит мужское продолжение, уж мы с Ми-

хайличенко проследим, чтобы мальчика назвали Олегом. Не нарушать же традицию!

Между прочим, футбольные связи семьи Михайличенко простираются и до Москвы. Здесь живет двоюродный брат Инны Геннадий, еще один наш близкий друг. Его сын Филипп – начинающий футболист. Раньше он занимался в школе «Спартак» под руководством Валентина Ивакина, в прошлом известного спартаковского вратаря. Летом 1999 года, желая сделать приятное сыну нашего друга, я организовал для его команды поездку в Манчестер, где ребята занимались в школе Бобби Чарльтона. Сэр Бобби пошел мне навстречу и любезно согласился передать спартаковским мальчишкам частичку своего огромного опыта. И, кстати, сделал для меня вполне приличную скидку, поскольку обучение в его школе, считающейся лучшей футбольной школой Англии, – дело весьма дорогостоящее. Говорю это вовсе не для того, чтобы подчеркнуть собственные заслуги. Просто хотелось лишний раз отметить, какой это замечательный человек – сэр Бобби Чарльтон.

Еще один мой московский футбольный друг – Михаил Насибов, массажист нашей сборной. Сын знаменитого жокея, он тоже не лишен талантов. Один из них довольно курьезный: Миша может бесконечно жонглировать любым круглым предметом, удерживая его в воздухе головой. Нет, про мяч (хоть футбольный, хоть теннисный) вообще речь не ведется – это для Насибова детский сад. В ход, как правило, идут апельсины или яблоки.

Если вы когда-нибудь окажетесь с ним в одной компании, не поддавайтесь соблазну и не соглашайтесь на предложенное им пари. Предложит-то он обязательно, как предлагал в свое время и всем нам, новичкам сборной. И все эти пари он непременно выигрывал. Можно спорить на время, а можно на количество ударов – все равно проиграете. Думаю, если бы Миша захотел, то непременно попал в книгу рекордов Гиннесса. Но каков его рекорд, неизвестно никому. Просто ни у кого не хватало сил дожидаться окончания эксперимента. Каждый раз, когда ему удавалось заловить очередного простака, дело заканчивалось одним и тем же: Насибов без малейших признаков утомления «чеканил», а все вокруг уставали считать удары и требовали от его соперника, чтобы тот признал поражение.

Этот талант Миши, конечно, удивителен, но есть у него и другие, на мой взгляд, более важные. Например, талант располагать к себе людей. И еще – отлично делать свое дело. Побывав в его умелых руках, каждый из нас чувствовал себя готовым к любым испытаниям на поле.

Мишина жена Алла была, можно сказать, путеводной звездой в бурной московской жизни для моей Инны. Впервые попав в Москву, Инна чувствовала себя неуютно и одиноко в этом огромном городе, и Алла оказала ей неоценимую помощь во всем, опекая буквально на каждом шагу. С тех пор мы и дружим семьями с Мишей, Аллой и их сыном Колей. А если вы заговорите с моей женой об Алле, то услышите от нее столько восторженных слов, сколько их есть в русском языке. Восхищаясь умом, добротой, отзывчивостью и еще множеством замечательных качеств одной из своих лучших подруг, Инна считает ее идеальным образцом для подражания.

Боюсь, мне не удастся на этих страницах упомянуть всех моих друзей. Надеюсь, те, кого я здесь не отметил, не будут на меня в обиде. Потому что я твердо верю: наши добрые отношения для них гораздо важнее того призрачного удовольствия, которое можно получить, увидев в книге свое имя.

Я люблю всех своих друзей и благодарен им всем вместе и каждому в отдельности. И, конечно, всем своим близким и в Литве, и на Украине. Благодаря им моя жизнь и получилась такой, какой я попытался описать ее в этой книге. Я доволен своей жизнью, и за это всем им большое и искреннее спасибо.



## Трофеи и титулы:

Бронзовый призер чемпионата СССР 1989.

Чемпион Англии 1993, 1994.

Обладатель Кубка Англии 1994.

Обладатель Кубка английской лиги 1992.

Обладатель Суперкубка Англии 1993, 1994.

Обладатель Суперкубка Европы 1991.

Чемпион Шотландии 1999, 2000.

Обладатель Кубка Шотландии 1999, 2000, 2002.

Обладатель Кубка шотландской лиги 1999, 2002.

Победитель молодежного чемпионата Европы 1990.

В списке 33-х лучших футболистов чемпионата СССР 1990 - № 1 в своем амплуа.

Лауреат премии «Стрелец» как лучший футболист России, выступающий в зарубежном клубе 1995.

Игрок года в Мерсисайде 1996.

## Матчи и голы:

- В сборной СССР/СНГ – 23, 3.
- В сборной России – 35, 5.
- В чемпионате СССР – 43, 4.
- В чемпионате Англии – 187, 48.
- В чемпионате Италии – 26, 2.
- В чемпионате Шотландии – 75, 14.
- В Лиге чемпионов – 12, 2.
- В других кубковых турнирах – 55, 12.



Вот такими широко открытыми глазами смотрел я в детстве на окружающий мир.



Мой первый профессиональный клуб – киевское "Динамо".



А это – первый международный успех. Под руководством Владимира Радионова (стоит, третий слева) мы выиграли в 1990 году чемпионат Европы среди молодежных сборных



В донецком "Шахтере" я впервые почувствовал себя игроком основного состава.





По моим футболкам легко  
проследить смену названий  
нашей команды: сборная  
СССР – сборная СНГ –  
сборная России.







Мой первый сезон в "Манчестер Юнайтед".

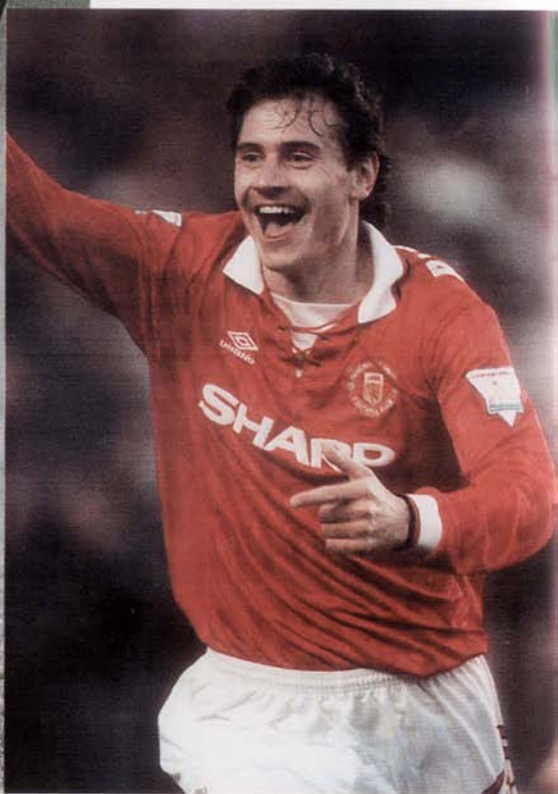


Мы много работали на тренировках, но часто находили  
и возможность перебраться с шуткой с Райаном Гиггзом.



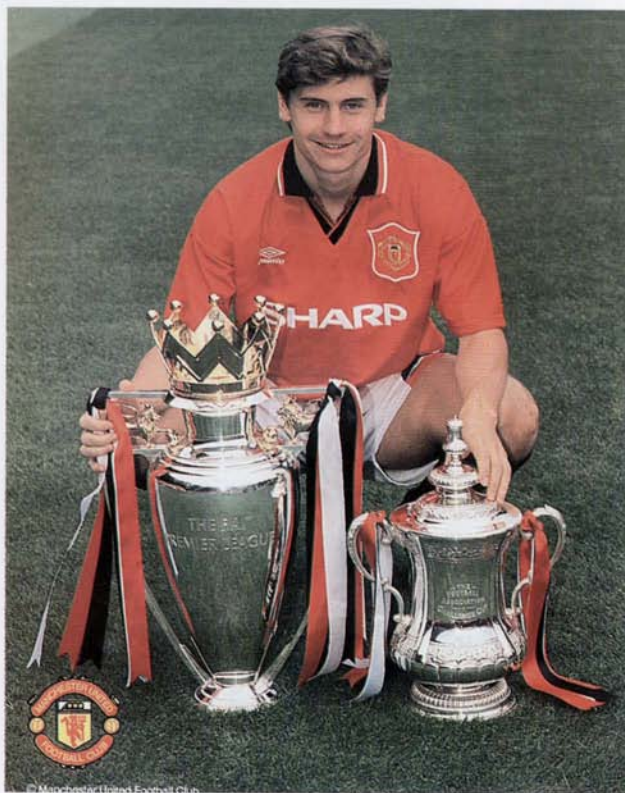


Алекс Фергюсон научил нас побеждать, и в сезоне 1993/94 мы радовались особенно часто.





А потом с гордостью демонстрировали завоеванные трофеи на улицах Манчестера. "Юнайтед" сделал свой первый дубль.



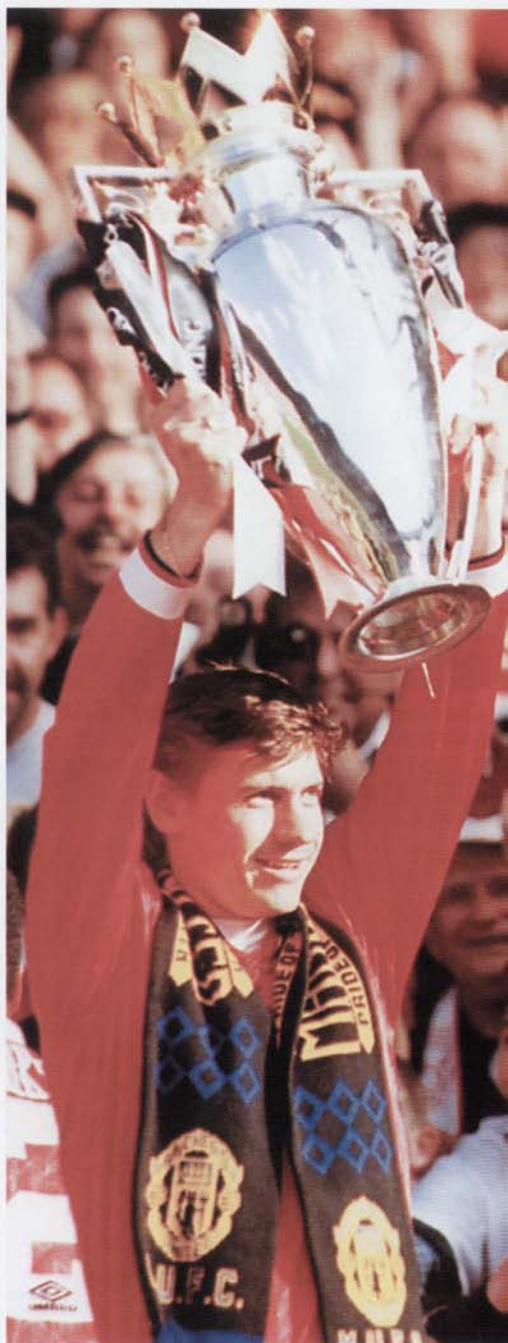




Скажите "чи-и-из"! Мы с Гитзом  
после победы над "Арсеналом"  
в Суперкубке 1993 года.

С Брайаном Робсоном, чья поддержка  
так много значила для меня.

И Кубок Англи,  
и чемпионский трофей  
всят немало, но держать  
их легко.







Еще одна наша атака завершилась голом. И еще одним призом пополнился трофейный кабинет "Юнайтеда".







Я снова забил! И Ли Шарп первым поздравил меня с успехом.





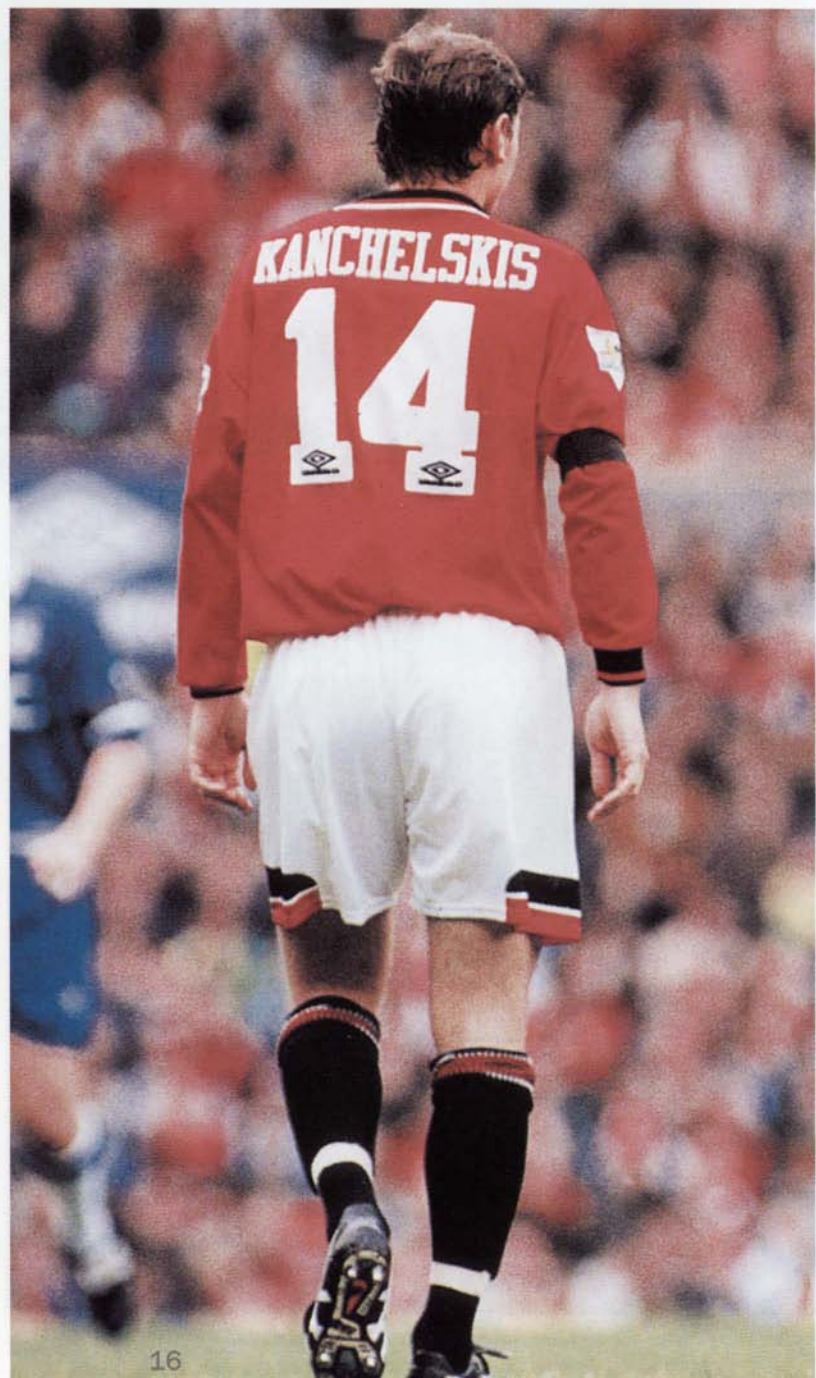
Пусть мы с Шарпом и считались конкурентами на место в составе, наша дружба от этого не стала менее крепкой.



Играя за сборные, мы с Эриком Кантоной были соперниками.  
А в клубе – друзьями, как и с Полом Инсом.









Самый важный матч для любого игрока "Эвертона" — мерсисайдское дерби. Для меня такие игры складывались особенно удачно.





Играя за "Эвертон", я провел самый успешный сезон в своей карьере. И по итогам чемпионата 1995/96 попал в "Дрим тим" – символическую сборную, составленную из иностранных футболистов (справа). Приятно оказаться в одной компании с такими парнями, как Рууд Гуллит и Деннис Берхамп, Давид Жинола и Эрик Кантона, Жуниньо и Тони Йебоа...



# FAB FOREIGNERS

The Ultimate Premiership Dream Team







Пожалуй, я все-таки сумею убежать от тебя!



Еще один мой гол "Ливерпулю".

Когда я пришел в "Эвертон",  
клуб был обладателем Кубка Англии.





После подписания  
контракта  
с "Фиорентиной".  
Мы с Джорджем  
Скэнлоном в лучах  
февральского  
итальянского  
солнца.







Один из моих  
флорентийских  
друзей –  
отец Георгий,  
настоятель  
православного  
храма.



Еще один добрый друг во Флоренции – Массимо, хозяин бара неподалеку от нашего дома. Перед отъездом в Глазго мы выпили на прощание по бокалу шампанского с ним и его женой и сыном. Мне предстояло отправиться на родину бесстрашных горцев, и в их традиционном одеянии я, кажется, смотрелся неплохо.











Трибуны "Айброкса" всегда заполнялись до отказа, и поддержка болельщиков была для нас особенно приятна и важна. А эти ребята даже вручили мне памятный сувенир, изготовленный собственными руками.



Радость очередного гола мы делим с капитаном "Рейнджера" Барри Фергюсоном.



После новой победы не очень-то хочется покидать поле.





А это – личный приз. В финале Кубка Лиги я был признан лучшим игроком матча.



Главная задача "Рейнджers" - обыграть "Селтик". Если это удастся, можно рассчитывать на новый трофей.







В сезоне 1998/99 мы сделали исторический хет-трик.







Вообще-то гостиная – место для отдыха и расслабления.  
Но профессиональному футболисту, поверьте, не так уж часто  
удается расслабиться.





Наш дом в Ист-Гринстеде.  
Активная футбольная жизнь заставляет меня  
слишком часто покидать родной очаг.  
Поэтому каждый вечер в кругу семьи для меня –  
маленький праздник.







У меня достаточно призов и трофеев. Но три самых дорогих подарка, которые сделала мне жизнь – Инночка, Андрюша и Евочка.







Моя семья – три бесконечно  
любимых человека.  
Они помогут мне  
пережить расставание  
с футболом, которое,  
увы, рано или поздно придет.





Сегодня в "Саутгемптоне"  
мне, к сожалению,  
приходится тренироваться  
куда чаще, чем играть.





Наш тренер Гордон Стракан часто хвалит меня, порой советуется, но, видимо, не слишком доверяет. И все равно на тренировках я хочу всегда быть быстрее всех.





Мои литовские родственники.



Мы с Инной Автухович,  
крестной матерью Андриюши,  
готовимся к встрече 2000 года.



Барбадос, 1999 год. Сэр Бобби Чарльтон и его супруга опекали Андриюшу, как собственного внука.



Мы называли их женихом  
и невестой еще до их рождения.  
Моя маленькая балерина  
и Дима Маликов-младший.







Оригинал в окружении копий. Эти портреты – подарки болельщиков.

Мои лучшие киевские  
друзья – Олег Кузнецов  
и Алексей  
Михайличенко,  
старшие товарищи в  
"Динамо" и сборной,  
предшественники в  
"Глазго Рейнджерс".





Крестины сына Инны Маликовой.  
Моя Инночка – крестная мать маленького Димы.



А это мы с Маликовыми на отдыхе в Испании.

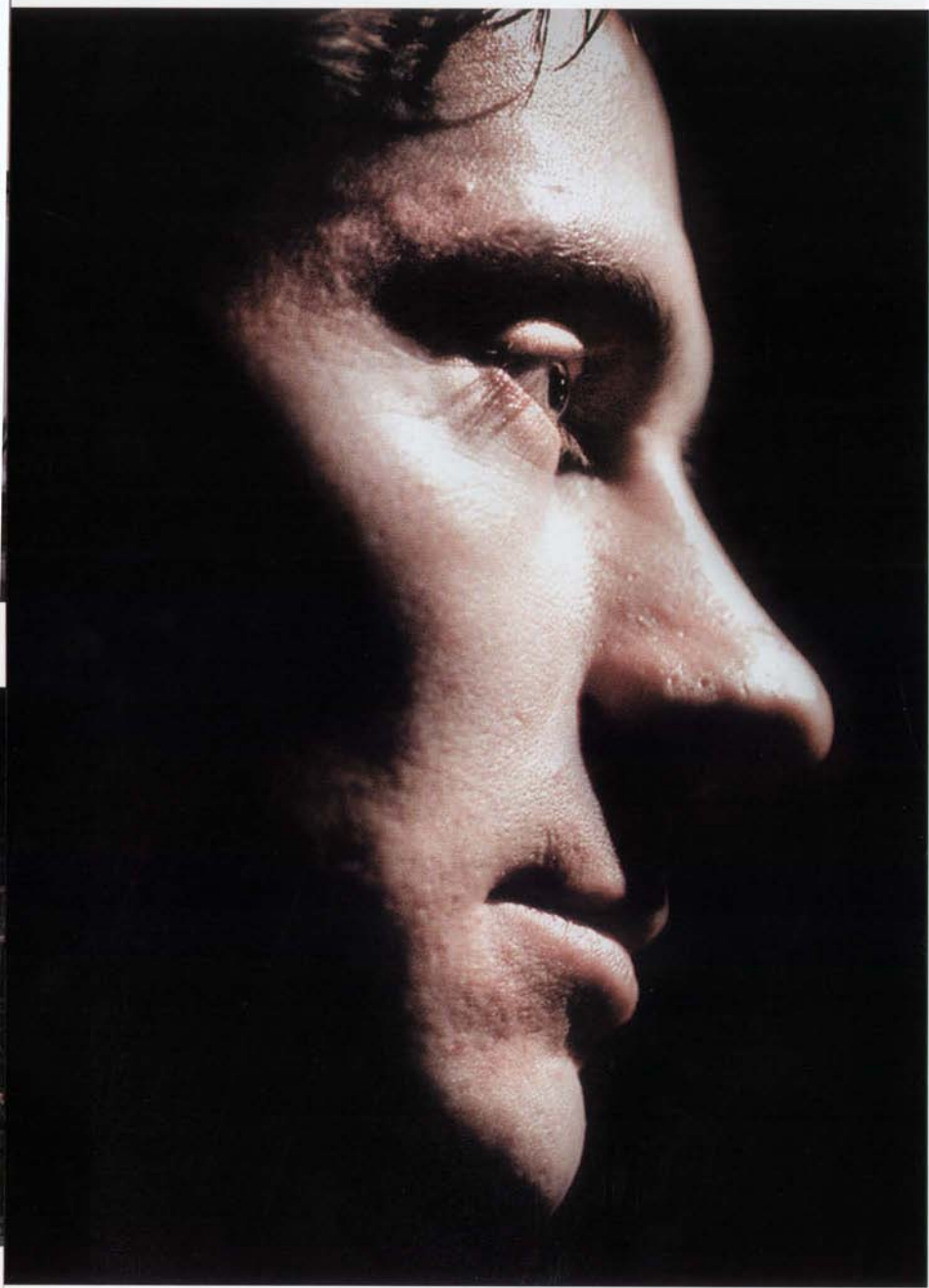




С главой семьи Маликовых –  
Юрием Федоровичем –  
и его зятем Владимиром.



Миша и Алда Насибовы.





ISBN 5-93607-038-7



9 785936 070389 >